

ГОСУДАРСТВО

выпуск 3

Специальное научно-популярное издание
журнала «Государственная служба»

■ **05.** Появление в современной российской действительности института социальной архитектуры можно сравнить с появлением химии на месте работы средневековых алхимиков. ■ **38.** Экономика не является точной наукой. Если уж искать аналогии в естествознании, то она скорее похожа на историческую геологию. ■ **122.** Социо-гуманитарные дисциплины фрагментировались, раздробили проблему человека на множество несвязанных областей и, что наиболее критично, утратили общую метрику.

РУНИВЕРС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВЕРЬЯНОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук

АБРАМОВ Константин Валерьевич

кандидат психологических наук

БАЙДАРОВ Дмитрий Юрьевич

кандидат юридических наук

БАРАНОВ Михаил Владимирович

кандидат философских наук

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович

доктор политических наук

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна

член-корреспондент РАН

доктор политических наук

ГОЛЫШЕНКОВА Ольга Михайловна

президент МАКО

ДЕМИН Игорь Юрьевич

ответственный секретарь редакции,

кандидат политических наук

ДУГИН Александр Гельевич

доктор философских наук

доктор политических наук

ЖУРАВСКИЙ Александр Владимирович

кандидат исторических наук,

кандидат богословия

КАРМАНОВ Роман Владимирович

гендиректор ПФКИ

КОСТЫЛЕВ Павел Николаевич

н.с. Института Китая и современной Азии РАН

КУРАНОВ Григорий Владимирович

кандидат медицинских наук

ЛЕТУНОВСКИЙ Валентин Васильевич

кандидат юридических наук.

ЛОГИНОВ Андрей Викторович

доктор политических наук,

кандидат исторических наук

МЕДВЕДЕВ Вадим Викторович

кандидат экономических наук

НАЗАРОВ Антон Анатольевич

кандидат филологических наук

ПИВОВАР Ефим Иосифович

доктор исторических наук, академик РАН

ПОЛОСИН Андрей Владимирович

главный редактор, доктор политических наук

РАПОПОРТ Борис Яковлевич

кандидат социологических наук

ФАДЕЕВ Валерий Александрович

доктор исторических наук

Специальное научно-популярное издание журнала «Государственная служба»

ГОСУДАРСТВО ВЫПУСК 3

Совместный проект АНО «Руниверс», журнала «Государственная служба» и проекта «ДНК России»

Главный редактор **А.В. Полосин**

Ответственный секретарь редакции **И.Ю. Демин**

Художественный редактор **И.Я. Керемецкий**

Дизайн и верстка **П.Л. Ремизов**

Корректор **М.В. Аркадова**

На обложке: репродукция картины «Плачущая женщина у ростовщика». Художник Габриэль Метсю.

Редакция: 119071, Москва, Ленинский просп., д. 15А, эт. 6, пом. 49

Тел. +7 (495) 737-76-32, e-mail: rus.gosudarstvo@mail.ru, info@runivers.ru

Отпечатано с предоставленных готовых файлов в полиграфическом центре ФГУП «Издательство „Известия“»:

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6, тел.: +7 (495) 650-38-80, izv-udprf.ru

Подписано к печати 17.12.2025. Формат 210×297 мм. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №0000

Государство. Выпуск 3: АНО «Руниверс». – М., 2025. – 132 с.

Издание представляет собой научно-популярный сборник статей посвящён анализу ключевых вызовов, стоящих перед Россией и миром в эпоху глобальной перестройки и наступления «Эпохи Цифры», фокусируясь на вопросах цивилизационного выбора, экономической суверенности и новых подходах к управлению обществом. Материалы призваны преодолеть инерцию мышления «здесь и теперь» и предложить абстрактные, межсистемные рамки для создания долгосрочных архитектур развития.

Сборник охватывает три ключевых блока тем: 1. Кризис знаний, новая метрика общества и социальное проектирование. 2. Природа денег и критический пересмотр экономической истории. 3. Технологический суверенитет и конкуренция управленческих моделей.

Материалы сборника призывают развивать креативные индустрии (КИ) как основу «экономики смыслов» и носители культурного кода, опираясь на традиционные духовно-нравственные ценности. Креативный класс рассматривается как новый партнёр государства и архитектор будущих ценностных моделей.

Содержание

От редакции	4
Проекты социальной архитектуры как драйверы развития территорий . . . . . А. Ю. Семёнов	5
Цифровая легитимность . . . . . Г. С. Кузнецов	12
Креативные индустрии как драйвер развития России: история и вызовы . . . . . М. Н. Монгуш	19
Модель суверенной акселерации . . . . . А. Л. Силинг, К. Е. Потапов	26
Впечатления IT-дилетанта . . . . . И. Ю. Демин	34
Учебник экономики . . . . . В. А. Фадеев	38
Протекционизм, развитие промышленности и благосостояние — примеры экономической истории и современной экономики . . . . . Ю. В. Кузовков	48
Международные сравнения с назначенным результатом . . . . . П. А. Ореховский	55
Коллективный технологический суверенитет . . . . . А. О. Безруков	70
Финансовые кризисы: от механизма оздоровления к структурному тупику экономики . . . . . М. В. Баранов	79
Деньги. Тайна происхождения . . . . . И. Ю. Демин	87
Деньги. Неоднозначность функций . . . . . Д. Ю. Байдаров, Д. Ю. Файков	90
История денег России. 980 год – наше время . . . . . А. П. Еременко	95
Горизонт XIX . . . . . Вадим Панов	117
Метричность социологии . . . . . А. В. Полосин	122

От редакции

Третий сборник серии специальных изданий посвящён тематике крайне важной и сложной.

А. В.Полосин,
главный редактор

Понимание взаимосвязанности институтов общества. Его деятельности, обеспечивающей развитие и взаимодействие системы как в себе, так и с другими общественными системами. Роль ценностей, убеждений и установок (аксиоматики общественных институтов) в эффективности и результативности общественных систем, а значит, конкурентоспособность цивилизационной парадигмы как в краткосрочном, так и в долгосрочном горизонте. Все эти очевидные вещи становятся понятными, как только мы начинаем решать задачи управления действительно большими процессами. Хотя, конечно, они видны и на действиях малых групп и проектных решений. Но всё-таки достаточно высокий уровень абстракций и концептуализаций позволяет создавать архитектуры общего и видеть значительно дальше.

Последствия снижения горизонта мышления и сужения знания многократно исследованы и обсуждены, но парадигмы жизни в моменте и описания обыденности продолжают оставаться ведущими в практике как экспертного обеспечения деятельности управления, так и самого управления. Преодоление стереотипов «здесь и теперь» — сложная и не всегда банальная задача. Но её решение сегодня влияет на будущее нашей страны, нашего народа, сохранения самой русской культуры.

Абстрактные, аксиоматические, антологические, межсистемные рамки кажутся оторванными от реальности и практики, но лишь для тех, кто не может заметить влияния одного-единственного оперативного решения на цепочки развернувшихся событий. Многочисленные, анализируя причины чрезвычайных

ситуаций и крушений когда-то ведущих организаций, мы приходили к парадоксальным на первый взгляд выводам: для того чтобы катастрофа состоялась, нужны были всего две вещи — во-первых, стечение нескольких линий событий, пересёкшихся в один момент, а во-вторых, незначительная ошибка управления (такая, что и наказать не за что), продиктованная реакцией на «повседневный», крайне прагматический интерес.

От заблуждений не застрахован, конечно же, никто, но ответственность управления и состоит в том, чтобы не застревать в тех заблуждениях, которые доказали свой вред или хотя бы бесполезность. «С начальников за другое спросится» — такое слышал я неоднократно и от священнослужителей высокого ранга, и от простых иноков. Почему-то в это верится. Спросится за способность отвечать доверию и соответствовать уровню принимаемых решений.

Каждое из них может стать отправной точкой великих свершений, а может принести беды и боль.

Продолжая создание серии специальных изданий, мы включили в третий том материалы, посвящённые управлению социальными процессами и пониманию экономических отношений. Выбор этих тем очевиден. 2025 год крайне обострил необходимость разработки новых концепций для выстраивания государственных политик и определения нашей концепции понимания мира. Великая держава, цивилизация должна иметь свой голос в мировом ценностном самоопределении. И этот голос должен быть обоснован, логичен, понятен и связан с историей и традицией, адекватен проблематике сегодняшней и настроен на будущее. Сложная, но посильная задача. Справимся. ●

Проекты социальной архитектуры как драйверы развития территорий

А. Ю. Семёнов

Кризис

Почти столетие в мире управления социальными процессами практически безраздельно правил «пиар». Основанный на изучении поведения потребителей, он утверждал, что может сформировать любую потребность, которая будет интересна заказчику. И нужно отметить, это работало. Изначально исключительно на рынке, но потом и в политике появились свои пиарщики. С середины 90-х в нашей стране их стали называть «политтехнологами». Параллельно стали появляться и расхо-

дятся мифы об их чуть ли не всемогуществе: «грязные» технологии, грубые манипуляции, подмена понятий, компромат и прочие «запрещённые приемы».

В начале 2000-х политконсультанты впервые были поставлены перед фактом необходимости пересмотра подходов к своей работе. Скопированные с образцов «западной демократии» техники и инструменты очевидно наносили существенный вред как отечественному доверию к избранной власти, так и взгляду на легитимность из-за рубежа. Об оставляющих за собой «выжженные города» политтехнологах начали писать в газетах и журналах. Конечно, что-то менялось в соответствии с из-

менениями в организации политических процессов, но соблазн решать проблемы за счёт применения исключительно пиар-техник никуда не исчез. Услуги как штатных, так и привлекаемых специалистов по «исправлению репутации» оставались более чем востребованными.

Реальное изменение в подходах к формированию взаимодействия власти и граждан началось только с середины второй декады XXI века. Первые социальные проекты, получившие федеральное звучание, были сконцентрированы на вовлечении граждан в решение задач государственного и местного значения (ФКГС, проекты инициативного бюджетирования), на продвижении ценностей патриотизма, сохранении исторической памяти («Бессмертный полк», «Без срока давности» и т.д.), на возможности самореализации (президентская платформа «Россия — страна возможностей», реализуемая в её рамках линейка конкурсов «Лидеры России»). В течение десяти лет эти проекты ширились. Захватывали всё больший объём аспектов жизни, внедрялись в различные сферы — от вопросов госуправления до творческой самореализации населения. Накопленный в ходе этих экспериментов (в хорошем смысле этого слова) опыт привёл в 2025 году к глобальному переосмыслению подхода.

Появление в современной российской действительности института социальной архитектуры можно сравнить с появлением химии на месте работы средневековых алхимиков.

Их былые опыты по превращению свинца в золото чем-то напоминали коммерческие предложения отдельных пиарщиков образца 90-х годов продать что угодно или избрать кого угодно.

Проявление системности

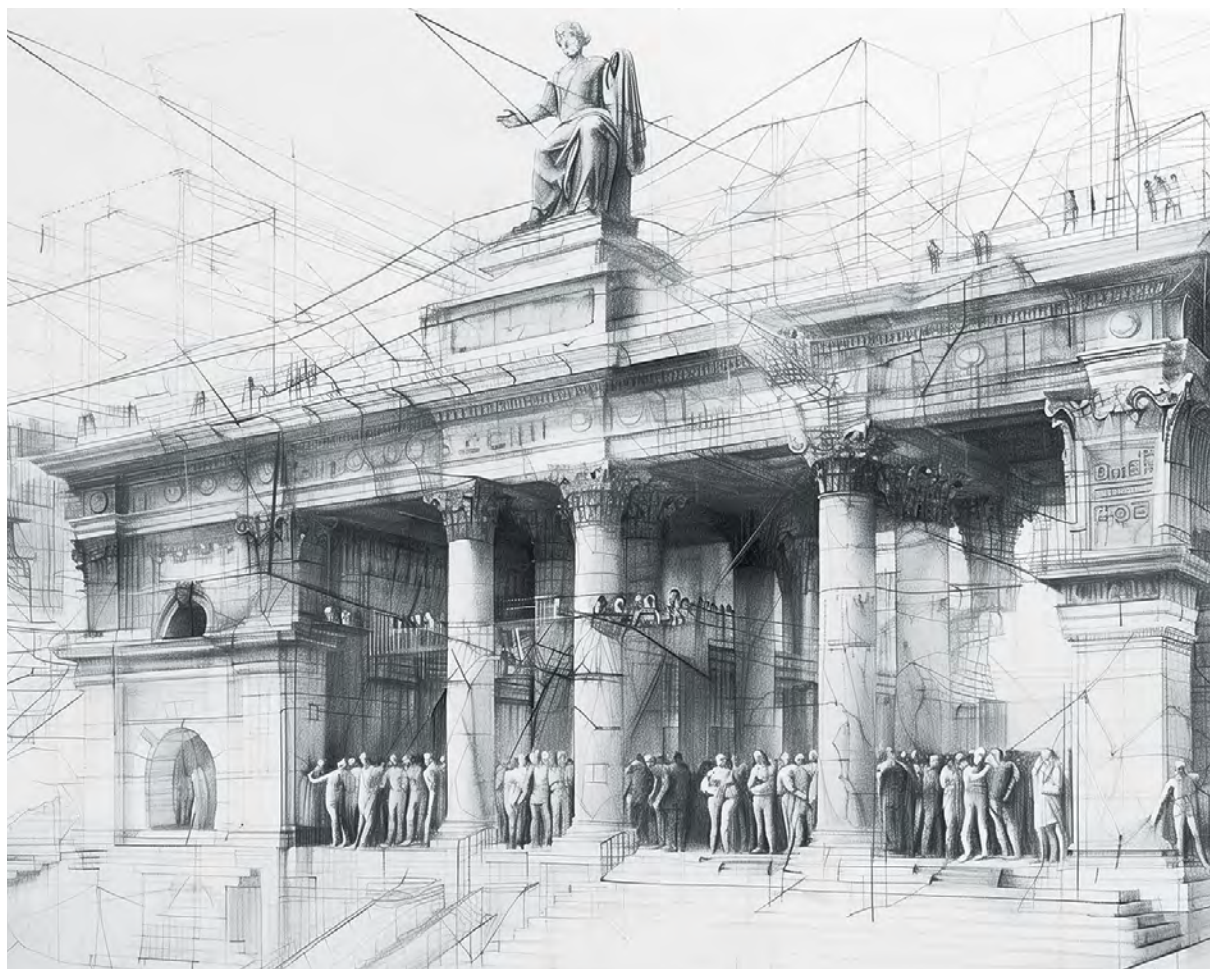
В отечественной социально-гуманитарной сфере 2025-й стал, без преувеличения, «Годом социальной архитектуры». Об этом явлении впервые публично было заявлено на заседании экспертного совета Конкурса социальных архитекторов 14 января в Национальном центре «Россия».

Ожидаемо отдельные представители политехнологического сообщества демонстрировали скепсис по отношению к новому явлению. Но консенсус по поводу утраты пиар-методиками своей актуальности никуда не делся. Все, хоть и не вслух, признавали необходимость появления качественно нового, а главное, научно обоснованного подхода в работе с обществом.

Так что курс на развитие социальной архитектуры появился не случайно. Ключевым событием становления института стал упомянутый выше Конкурс социальных архитекторов с участием более 7,5 тыс. человек со всей страны. По итогам многоступенчатого отбора и очного финала в Мастерской управления «Сенеж», прошедшего в конце октября, победителями стали 74 участника, что по факту ознаменовало появление нового профессионального сообщества.

Параллельно шло оформление образовательного контура: с 1 сентября в Московском государственном университете и Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации были запущены магистерские программы по социальной архитектуре, а в Российском государственном гуманитарном университете и Президентской академии открыты программы профессиональной переподготовки. В 2026-м сразу несколькими вузами анонсировано открытие аналогичных образовательных программ.

Появление и развитие образовательного трека затребовало научного осмысления и методического обеспечения создаваемого нового направления профессиональной подготовки. Уже в начале августа в Севастопольском государственном университете прошла первая научно-практическая конференция по социальной архитектуре, объединившая ведущих российских ученых социально-гуманитарного профиля и практиков проектирования. На конференции впервые была сформулирована двухкомпонентная составляющая социальной архитектуры (социальные моделирование и проектная реализация). Сама же дискуссия наглядно показала, что новая научно-практическая отрасль является междисциплинарной площадкой стыка социологии, политологии, культурологии, управления и экономики, а не «чужеродной»

конструкцией среди сложившегося академического поля.

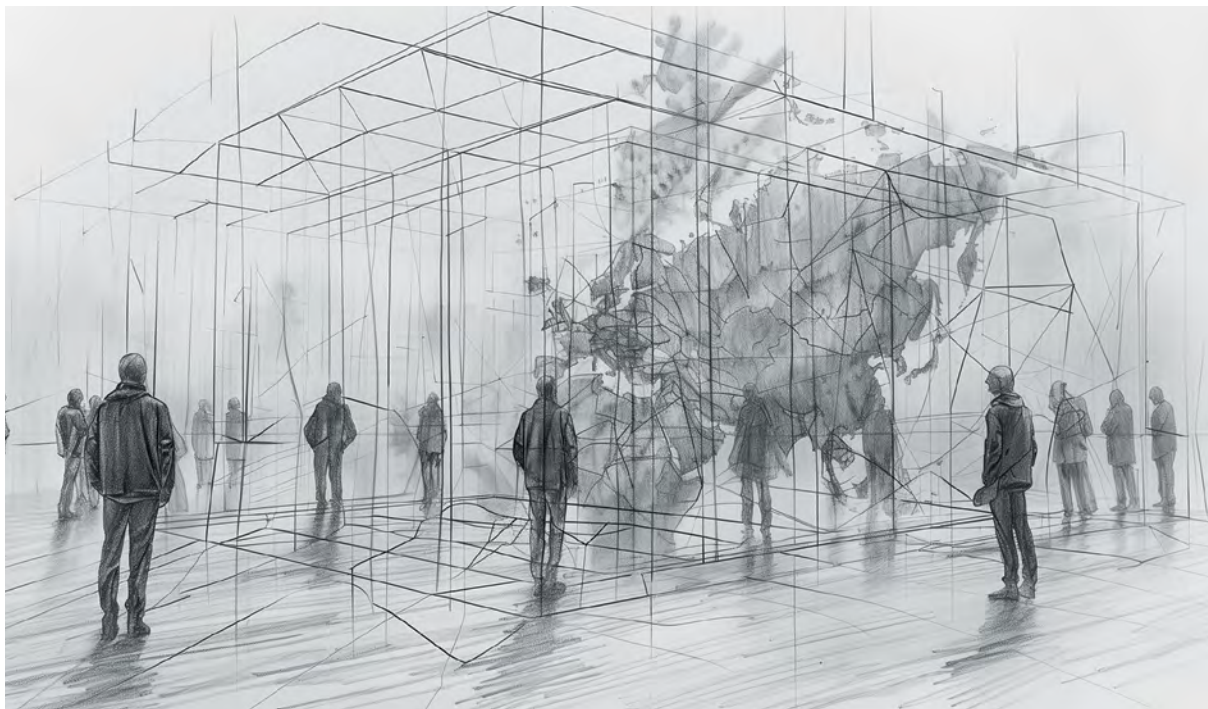
Дискурс о социальной архитектуре в течение года активно шёл в рамках круглых столов, форумов и дискуссий, организованных по линии президентской платформы «Россия — страна возможностей», Российской ассоциации по связям с общественностью, Российской ассоциации политических консультантов и Экспертного института социальных исследований. Обсуждение нового института на этих площадках позволило связать язык исследователей, социальных технологов, практиков общественных коммуникаций, политконсультантов и управленцев, снизив риск «разрыва» между теорией социальных изменений и практикой их реализации.

Так началась проработка рабочего понятийного аппарата, обсуждение критериев отнесения инициатив к социоархитектурным проектам и оценки их результативности, получаемого эффекта. Социальная архитектура стала рассматриваться не как конкуриру-

ющая рамка по отношению к городскому развитию, креативным индустриям или общественным коммуникациям, а как интегрирующий язык описания и проектирования изменений.

Итоговым академическим мероприятием года стала первая международная научно-практическая конференция по социальной архитектуре с участием представителей 26 стран (помимо российских участников), прошедшая 5–6 декабря на базе Санкт-Петербургского государственного университета. На ней был представлен первый полноценный учебник по социальной архитектуре «Проектирование социальных изменений. Теория и практика», что символически закрепило начало долгого, но необходимого оформления социальной архитектуры в полноценную образовательную дисциплину.

Несмотря на прорыв 2025 года, социальная архитектура как междисциплинарная область и профессия находится на этапе становления. Ещё предстоит колоссальная работа по созданию системы определений, типоло-

гии проектов, классификации инструментов и единых подходов к формированию ключевых показателей эффективности, их оценке. Это объективно создаст основания для формирования единых стандартов и регулятивов, но одновременно и пространство для экспериментов и адаптации инструментария под специфику конкретных территорий, областей его применения.

Социальная архитектура описывает сознательное моделирование и реальное конструирование социальных изменений через ценности, институты, практики и пространства. Новизна подхода заключается в фиксации этой деятельности как отдельной профессии и осмысленного проектного процесса с собственными принципами, этикой и метриками.

Главным отличительным признаком проектов социальной архитектуры является их целеполагание: они ориентированы на улучшение жизни людей — повышение уровня и качества жизни, укрепление социального оптимизма и доверия, расширение возможностей самореализации на территориях. В этом смысле важным становится не только непосредственный результат (инфраструктура, мероприятие, коммуникация), но и совершенствование устойчивых социальных практик и долговременных траекторий развития.

Наиболее наглядно потенциал социальной архитектуры проявляется в проектах, которые становятся драйверами развития территорий — формируют новые точки притяжения, усиливают человеческий капитал, поддерживают модернизационные сценарии и задают новое видение будущего для жителей. Ниже рассмотрены три кейса, демонстрирующие, как социоархитектурные проекты работают в масштабе страны, региона и местного отраслевого кластера.

Выставка «Россия» как федеральный ценностный проект

Выставка «Россия», проходившая на ВДНХ, стала примером федерального ценностного проекта, сконцентрированного на ключевой для современной России ценности — патриотизме, сопряжённом с познанием своей страны и осознанием её пространственного, культурного и технологического разнообразия. В логике социальной архитектуры это не только экспозиция, но и сложный проект по конструированию опыта встречи граждан с собственной страной «здесь и сейчас», через который укрепляется связь человека с территорией и государством.

Проект выступил драйвером развития для многих регионов: подготовка и участие в нём

стимулировали создание региональных экспозиций, развитие туристической и событийной инфраструктуры, запуск сопутствующих образовательных и медийных инициатив. Продолжением проекта стала инициатива создания Национального центра «Россия», пять филиалов которого откроются до конца 2025 года в Ханты-Мансийске, Рязани, Владивостоке, Севастополе и Красноярске. Сами по себе эти объекты станут новыми точками притяжения людей и очагами территориального развития.

Причём создаваемые филиалы — это не просто музейно-выставочные пространства. По примеру самого Наццентра они станут многофункциональными площадками для диалога власти и общества, презентации региональных проектов и поддержки местных инициатив. Такой формат усиливает горизонтальные связи между территориями и формирует новую «географию гордости» за свою малую родину для жителей.

В долгосрочной перспективе филиалы Национального центра «Россия» смогут выполнять роль институциональных «якорей» социальной архитектуры в регионах, аккумулируя практики ценностных социальных проектов и способствуя их тиражированию. Таким образом, ценностный федеральный проект трансформируется в сеть территориальных драйверов, которые работают одновременно с идентичностью, культурным развитием и, как ни странно, экономическим потенциалом регионов.

Нижний Новгород: социальная архитектура долгого цикла

Отправной точкой преобразований в Нижегородской области стала избирательная кампания Глеба Никитина 2018 года, когда запрос на обновление городской среды и улучшение качества жизни был поставлен самим врио губернатора в центр политической повестки.

В этот период начинается разработка Стратегии развития Нижегородской области до 2035 года. Под её создание был сформирован специализированный проектный офис, выступивший связующим звеном между всеми заинтересованными сторонами: жителями,

областной властью, муниципалитетами, бизнесом.

Это решение и эффективные инструменты коммуникации с населением позволили объединить социально-ориентированные инициативы с мест в долгосрочный стратегический документ, до сих пор являющийся прямым указанием к действиям для всех уровней власти в регионе.

Кейс Нижнего Новгорода изначально был предопределён юбилейной рамкой: областной центр готовился отметить своё 800-летие в августе 2021 года. К празднованию юбилея был развёрнут комплекс программ, агрегированных на портале «Нижний 800», включивших благоустройство исторического центра, развитие набережных, общественных пространств и событийной повестки. Юбилей стал точкой сборки разнородных инициатив в единую социально-архитектурную траекторию, где инфраструктурные, культурные и коммуникационные проекты были подчинены цели повышения качества жизни и формирования нового образа города.

Дальнейшее развитие кейса включило запуск проекта инициативного бюджетирования «Вам решать!», предоставившего жителям инструмент прямого влияния на распределение части бюджетных средств и, следовательно, на конфигурацию территориальных изменений. Параллельно реализовывалась Стратегия развития Нижегородской области, а также серия проектов по формированию новых идентичностей территории — от увенчавшихся успехом кампаний по выбору молодежной (в 2023 году) и культурной столицы (в 2024-м) России до развития бренда «Столица закатов» за счёт уникальных видовых точек города. Он был институционализирован через летний фестиваль, превратившийся с 2021 года в культурное событие федерального уровня. В 2025 году фестиваль «Столица закатов» растянулся на всё лето, объединив десятки городских площадок. Это позволило закрепить за городом образ современной культурной столицы Поволжья и усилить туристический поток.

При этом успешная реализация описанных проектов требовала кардинального совершенствования управленческих подходов

в работе региональной команды, что само по себе являлось самостоятельным проектным вызовом для губернатора Никитина.

Связка стратегического подхода, новой управленческой традиции, реновации объектов социальной инфраструктуры региона, успешной реализации мероприятий юбилейной программы 800-летия, инструментов инициативного бюджетирования и событийного бренда дала синергетический эффект:

Нижний Новгород закрепился в федеральной медиаповестке, вошёл в число ключевых направлений внутреннего туризма, а для жителей стал ассоциироваться с возможностью влиять на преобразования среды.

При этом это не умозрительные заявления, а констатация данных социологии и статистики. Если в 2017 году, по данным ФОМ, регион был на 62-м месте по уровню социального самочувствия, то в 2025 году он занял 24 позицию. В том же 2017-м область не входила даже в топ-20 Национального рейтинга инвестиционного климата регионов России, а в этом году Нижегородская область разделила 2-е место с Республикой Татарстан. Объём туристического потока в регион растёт в среднем на 10–15% в год — в 2024 году он «пробил» рекордный показатель в 4,7 млн. человек. И, наверное, самое важное — по состоянию на конец ноября Нижегородская область демонстрирует позитивную динамику по показателю суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Согласно исследованию Института демографического развития, основанному на данных Росстата, СКР в регионе не показывает отрицательных значений с июля текущего года. При этом Нижегородская область является единственным в стране регионом, где с 1 июля непрерывно растёт СКР третьих и последующих детей.

Улучшение городской среды, усиление территориальной идентичности и расширение возможностей самореализации для жителей способствовали позитивной динамике миграционных процессов и сохранению населения региона. В социальной оптике это означает, что Нижегородская область стала рассматриваться как территория с понятной перспективой развития и благоприятной средой

для жизни. Это и являлось целью комплекса социальных проектов.

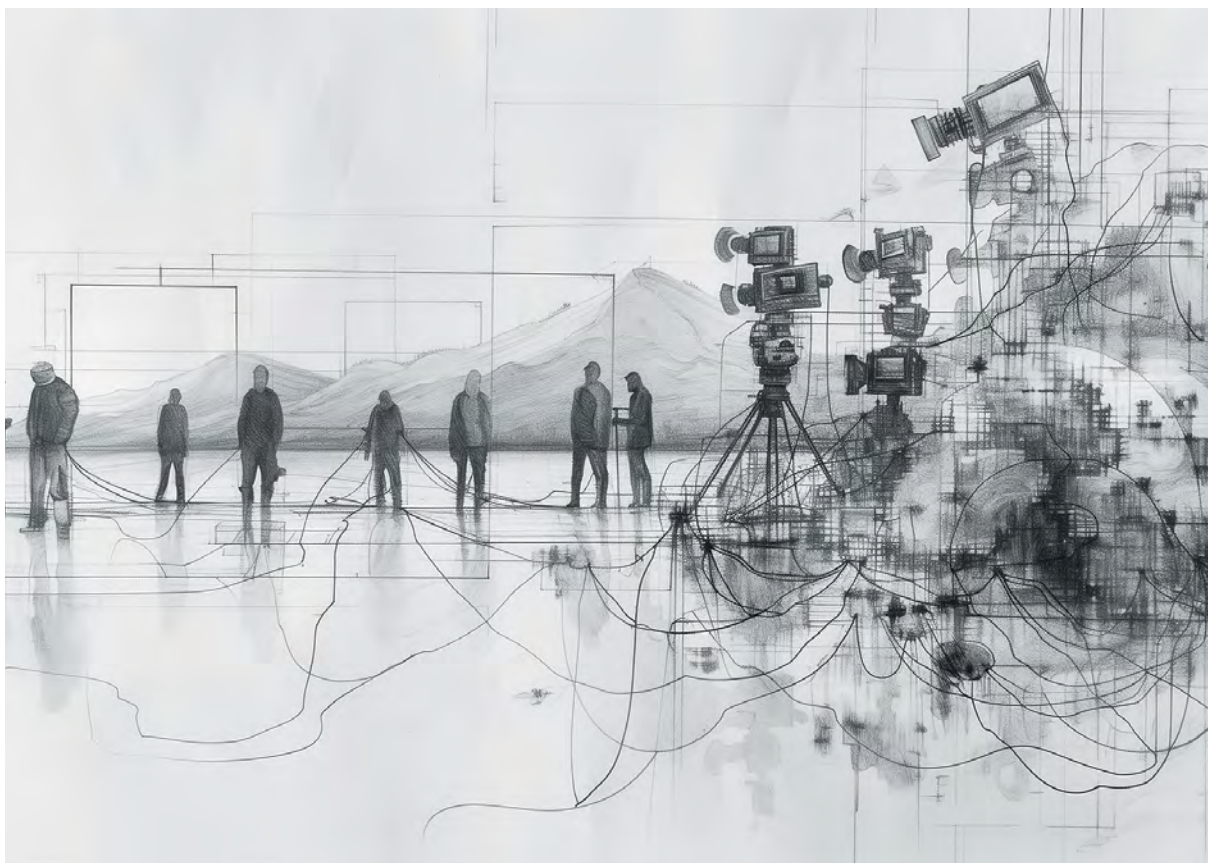
Иркутская область: кинематограф как социальная архитектура

Третий кейс демонстрирует, как социальная архитектура может реализовываться через развитие регионального кинематографического кластера и шире — креативных индустрий.

Стартовым событием стал проект по созданию группой иркутских энтузиастов художественного фильма «Похабовск. Обратная сторона Сибири», который по ходу своей реализации приобрёл черты полноценного общественного движения, формируемого посредством социальных сетей. Команда, собранная в основном из кавээнщиков из разных сибирских городов, сделала ставку на «краудсорсинг» как основную движущую силу проекта: посредством нетривиального вовлечения в «сорботничество» в создании фильма приняли участие более 50 тыс. человек со всей страны и из-за рубежа. Они пробовали себя в кастингах, принимали участие в создании сценария, съёмках локаций, постпродакшене, сборе реквизита, создании саундтрека и т.д. В итоге комедийный фильм про выборы в собирательном образе сибирского города, несмотря на ограниченный прокат, оказался успешным во всех отношениях — и с точки зрения отклика аудитории, и по коммерческому результату.

Триггером для инициаторов проекта «Похабовск» стал опыт двух соседних регионов — Республик Саха (Якутия) и Бурятии, где креативные индустрии и кино за последние годы превратились в значимые драйверы социально-экономического развития, породив феномен «регионального кино» в нашей стране. В этих регионах на данный момент сформирована самобытная киноиндустрия с регулярным производством фильмов, ориентированных как на внутреннюю аудиторию, так и на внешние рынки.

Волна, поднятая созданием «народной кинокомедии» в Иркутске, не могла просто так затухнуть. Заимствование и адаптация опыта соседей, а также свои креативные наработки позволили сформировать в Иркутской обла-

сти собственную траекторию развития регионального кино. Ключевым институтом этого кластера стал «Гайдай Центр» и создаваемый его силами первый в стране музей Леонида Гайдая. Сам режиссёр включён в символический пантеон региона, а к его 100-летию в 2023 году в Иркутске и области прошла серия акций и показов фильмов, усиливших интерес к локальному кино и городской идентичности. Активность проектной команды стала основным фактором присвоения одной из улиц Иркутска имени прославленного режиссёра в этом году.

Да, на данный момент «киноиндустрия» Иркутской области с её фильмами, фестивалями, кинопоказами и прочими активностями по своим объёмам и институализации сильно уступает той же Республике Саха (Якутия), и на то есть множество причин различного генезиса. Но факт того, что феномен регионального кино проявился и в Приангарье, получив своё, оригинальное, эстетически привлекательное «звучание», неоспорим. Это направление живёт и развивается, параллельно создавая экономические (хоть и весьма локальные) эффекты и укрепляя чувство регионального патриотизма.

Рассмотренные примеры позволяют выделить общие черты социоархитектурных проектов, выступающих драйверами развития территорий.

Во-первых, они опираются на ценностное основание (патриотизм, гордость за малую родину, культурная идентичность) и переводят его в язык конкретных пространств, событий и практик. Во-вторых, они строятся как долгосрочные, многослойные программы, где символические, институциональные и инфраструктурные изменения взаимно усиливают друг друга. В-третьих, такие проекты формируют новые точки притяжения людей — от федерального уровня до региональных и муниципальных инициатив, что в итоге отражается на миграционных траекториях, демографии, структуре занятости и качестве городской среды.

Всё это позволяет рассматривать социальную архитектуру как эффективный инструмент развития территорий в масштабах всей страны, отдельных регионов и муниципалитетов, способный соединять стратегические цели государства с инициативами граждан. ●

Цифровая ЛЕГИТИМНОСТЬ

Г. С. Кузнецов,
советник гендиректора
консалтинговой группы «Полилог»

Одинаковые издержки, неравные выгоды

Западный дискурс о конкуренции либеральных демократий с нелиберальными системами сфокусирован на ложной дихотомии: свобода против контроля, приватность против эффективности, демократия против «несвобод». Установленные рамки скрывают критически важный факт: издержки цифрового контроля граждане несут в обеих системах, но выгоды распределены радикально неравномерно.

Житель Лондона или Нью-Йорка платит за цифровое удобство той же ценой приватности, что житель Москвы или Шэньчжэня. Google знает о нём столько же (если не больше), сколько московская или китайская цифровая экосистема — о своих пользователях.

Разница в том, что западный пользователь платит корпорациям за сервисы, которые в нелиберальных системах государство предоставляет бесплатно и часто с более высоким качеством.

Западные государства имеют доступ к тем же данным через корпорации, что и нелиберальные правительства через собственные системы. «Палантир», АНБ, программы массового наблюдения делают граждан либеральных систем не менее прозрачными для своих чиновников. Но при этом граждане не получают той отдачи в виде качественных государственных услуг, которую получают пользователи нелиберальных цифровых экосистем.

Нелиберальные системы выигрывают не потому, что больше контролируют (контроль примерно одинаков), а потому, что лучше конвертируют этот контроль в собственную легитимность через предоставление качественных услуг в удобной форме. Они создали модель «цифровой легитимности», где сбор данных и контроль легитимируются не через формальное согласие пользователей (по сути фиктивное — никто не читает пользовательские соглашения на 40 страниц), а через реальное качество сервисов.

Как власть использует технологии для легитимизации

Традиционная либеральная легитимность основана на процедурах: конкурентных выборах, разделении властей, иллюзии общественного контроля. Нелиберальные системы предлагают альтернативный источник — техническую эффективность. Власть легитимна не потому, что переизбирается раз в 4 года, обещая все и всем в рамках реальной политической конкуренции, а потому что «работает» для избирателей в ежедневном режиме.

Цифровые сервисы делают эту «работу» видимой и измеримой. Электронная запись к врачу, оплата услуг через приложение, получение документов без очередей — каждое удобство становится аргументом в пользу системы. Причём аргументом более весомым для большинства граждан, чем абстрактные рассуждения о процедурной демократии.

Московская модель показательна: мэрия получила ресурсы, полномочия и время для последовательной стратегии цифровизации. Результат — система городских сервисов, по удобству превосходящая большин-

ство западных мегаполисов. Цифровизация позволяет представить политические решения как технические. Вопрос не о модели развития, а об оптимизации предоставления услуг. Мэр выступает как «генеральный директор города», переопределяя саму природу власти. Персонализация через уведомления, учёт истории, адаптацию под пользователя создают ощущение индивидуально-го внимания.

Как граждане принимают контроль

Ключевая формула: «Ну и что, что контролируют, зато удобно». Рациональный выбор в пользу удобства при осознании рисков. Пользователь «Москвёнка» понимает, что предоставляет данные о перемещениях, но получает контроль и безопасность. Абстрактные риски проигрывают конкретному удобству. Возврат к старым формам воспринимается не как освобождение, а как лишение удобств и возвращение опасности неизвестности.

Со временем сервисы становятся нормой. Привыкший оплачивать услуги онлайн воспринимает поход в банк как архаизм. Парадокс: неполный охват работает на легитимацию — доступ к цифровым сервисам становится маркером статуса, создаёт социальное давление на сопротивляющихся.

Власть, получившая легитимность через сервисы, инвестирует в цифровизацию → новые сервисы привлекают пользователей → рост базы даёт данные → данные улучшают персонализацию → эффективность растёт. Альтернативные формы вытесняются экономической неконкурентоспособностью.

**Постоянное улучшение встроено в дизайн системы.
Граница между сервисом и надзором неразличима.
Цифровизация создаёт власть архитектуры
выбора: справка через приложение — минута,
лично — неделя.**

Запад не хочет смотреть под фонарем

Западная дискуссия об актуальных проблемах либеральных демократий выстроена вокруг вопроса: «Как нелиберальные режимы манипулируют общественным мнением, чтобы казаться успешными?» Но не вокруг вопроса: «А что, если они действительно успешны в том, что важно для большинства граждан?» Первый вопрос позволяет сохранить нормативное превосходство либеральной модели. Второй его ставит под сомнение.

Западники ответ ищут в пропаганде, дезинформации, популизме, внешнем вмешательстве — там, где удобно искать. Но не в базовом качестве управления и жизни граждан.

Московская модель по многим параметрам повседневной жизни превосходит европейские и американские города. Это измеримые параметры: время ожидания, стоимость, доступность, чистота, безопасность. Критически важно: это произошло благодаря, а не вопреки концентрации власти.

Шэньчжэнь за сорок лет прошёл путь от деревни до технологической столицы. При полном отсутствии того, что Запад считает необходимым: конкурентных выборов, независимых СМИ, разделения властей. Один из наиболее контролируемых городов мира работает с эффективностью, которой западные мегаполисы могут только завидовать.

Западная пропаганда построена на тезисе «либеральная демократия — единственная легитимная форма правления и обеспечивает лучшее качество управления». Этот тезис стал нормативным. *Признать, что нелиберальные системы могут обеспечивать лучшее качество жизни, — поставить под вопрос всю конструкцию.* Концепция «конца истории» Фукуямы сделала невозможным изучение альтернатив. Если они обречены, зачем их понимать? Но крах не происходит, альтернативы все эффективнее, а западная мысль не готова, потому что тридцать лет не считала нужным их изучать.

Преимущества нелиберальной модернизации

Либеральные системы медленны по дизайну: годы согласований между проблемой и решением. Нелиберальные действуют быстро: проблема → решение → ресурсы → результат. Москва за год перестраивает километры улиц, Шэньчжэнь за месяцы строит больницу. Скорость улучшений создаёт видимую отзывчивость власти.

Либеральные системы зависимы от электоральных циклов: каждые 4–5 лет смена приоритетов, сворачивание долгосрочных проектов. Нелиберальные реализуют стратегии десятилетиями. Либеральные распределяют ресурсы через вето-игроков — результат размазан и не может быть оптимален. Нелиберальные концентрируют миллиарды на приоритетах, создавая впечатляющие видимые достижения.

Либеральная политика вырождается в перформанс — важно не решить, а показать вовлеченность в проблему. Нелиберальные технократии фокусируются на результатах. Политика тут — невидимая борьба элит, гражданам предъявляются работающие сервисы. В результате нелиберальные системы создают более интегрированные цифровые экосистемы: единые платформы с одной учётной записью, автозаполнением форм, проактивным предоставлением услуг.

Это кажется контринтуитивным, но современные нелиберальные технократические системы отзывчивее на конкретные жалобы. Важно лишь правильно заполнить электронное обращение. При этом власти мониторят соцсети, портал «Наш город», приложения. Проблема решается быстро — как часть управленческой модели. Нелиберальные системы используют логику бизнеса: гражданин — клиент, удовлетворенность — KPI. Нет видимого политического выбора, но предоставляется быстрый и качественный сервис. Для повседневной жизни это предпочтительнее либеральной модели с правом «возвысить голос» без видимого результата.

Критика надзорного капитализма и её слепое пятно

Шошана Зубофф в книге «Надзорный капитализм» сформулировала беспощадную критику западной модели извлечения данных. Ключевые тезисы:

- *«Надзорный капитализм односторонне заявляет права на человеческий опыт как на бесплатное сырьё для перевода в поведенческие данные» — человек превращается в «месторождение данных», природный ресурс для добычи;*
- *«Вы не продукт; вы — брошенная туша. Продукт извлекается из излишка, который вырван из вашей жизни» — пользователь не получает адекватной компенсации за отчуждаемые данные;*
- *«Приватность — это право на то, чтобы цифровые артефакты моей жизни не превращались в отчуждённые объекты, которые предоставляют другим путь к моей душе и их богатствам» — отчуждение данных подобно марксистскому отчуждению труда.*

Критика Зубофф точна в диагнозе, но ограничена в географии и слепа к альтернативам. Она описывает корпоративный надзорный капитализм как универсальную угрозу, не замечая, что существуют системы, где нет того, что она критикует. В них данные собирает государство напрямую, без корпоративного посредника, а сами они не являются товаром, торгуемым в рамках правового

поля. Напротив, пользователь получает качественные бесплатные сервисы взамен отчуждаемых данных, а двойного налогообложения (деньгами + данными) просто не существует. Контроль же конвертируется в легитимность через эффективность и качество сервисов.

Зубофф видит только два полюса: корпоративный надзор (плохо) и возврат к «нормальному» капитализму до интернета (хорошо). Она не рассматривает третью модель — государственный цифровой сервис, где отчуждение данных компенсируется гражданину. Эта слепота типична для современных западных гуманитарных исследований: увидеть, что нелиберальные системы могут предлагать более выгодную сделку для пользователя при тех же издержках, просто невозможно.

Одинаковые издержки, неравные выгоды

Западный пользователь находится под не менее тотальным наблюдением. Google знает поисковые запросы, перемещения, переписку, календарь, контакты, фотографии, покупки. Facebook знает социальный статус, политические предпочтения, потребление контента. Совокупность этих данных создаёт профиль, не уступающий тому, что собирают государства.

Разница в формальном владении данными иллюзорна. Западные системы имеют доступ к тем же данным через корпорации.

Юридические процедуры на практике не являются серьёзным препятствием. После дела Сноудена стало ясно: западные государства наблюдают за гражданами так же тотально, как нелиберальные. Просто через посредника.

Западная модель формально основана на «согласии пользователя». Но это согласие фиктивно. Галочка «Я согласен» является помимо всего прочего принудительным условием доступа. В нелиберальных системах хотя бы ясно, кто собирает данные и зачем. В западной модели — непрозрачная сеть корпораций, брокеров данных, рекламных платформ, политических партий...

Схема 1.

Ключевое различие не в объёме собираемых данных, а в том, что пользователь получает взамен. (Схема 1)

Либеральные системы проигрывают

Либеральная система оптимизирована на создание равновесия, а не на эффективность. Разделение властей замедляет действия. Разумно, когда опасность — тирания. Но когда запрос — качественные услуги, конструкция становится помехой.

Государственнические системы оптимизированы на эффективность действия. Власть действует в интересах граждан не потому, что граждане могут ее сменить раз в пятилетку, а из-за ежедневного страха перед вышестоящей властью или технократического императива. Результатом либеральной политики является компромисс, никого не удовлетворяющий. Нелиберальные системы игнорируют локальные интересы в пользу общей эффективности.

Государственнические системы получают двойное преимущество: экономическое (не платят корпоративным посредникам) и по-

литическое (конвертируют контроль в легитимность). Граждане в обеих системах платят приватностью. Но в нелиберальных — напрямую государству за конкретные услуги, а в либеральных — корпорациям, которые перепродают данные и предоставляют их государству, а пользователь получает ограниченные услуги за дополнительную плату. (Схема 2)

Западный политолог возразит: нелиберальная эффективность неустойчива. Но эмпирика не подтверждает это: Сингапур демонстрирует устойчивость десятилетиями, Китай пережил переходы власти без потери эффективности, Москва сохраняет качество управления, несмотря на сложности последних лет. Современные нелиберальные системы умеют создавать институциональную устойчивость без либеральных процедур — через ротацию элит, меритократический отбор, встроенные механизмы обратной связи.

Постполитическое управление как конкурентная модель

Московская и шэньчжэньская модели представляют новый тип политического по-

Рациональность выбора

Схема 2.

рядка, где традиционные либеральные процедуры заменены технократическим управлением, легитимизированным эффективностью. Это целостная система власти на трёх китах:

- 1) легитимность через результат, а не через процедуру;
- 2) эффективность через концентрацию, а не через конкуренцию;
- 3) обратная связь через данные, а не через выборы

Два режима легитимности — «легитимность через цифру» для власти и «легитимность цифры» для технологий — создают устойчивую конфигурацию, где контроль и сервис неразделимы.

Нелиберальные системы выигрывают у либеральных не потому, что больше контролируют (контроль, как уже отфиксировали, примерно одинаков) или занимаются более тотальной пропагандой (здесь как раз проигрывают), а потому что эффективнее конвертируют этот контроль в легитимность через качество управления.

Признание этого западниками онтологически невозможно, так как потребует пересмотра фундаментальных предположений:

- 1) «нормативное превосходство демократии» — оказывается, она не всегда обеспечивает лучшее качество жизни;

- 2) «приватность как западная ценность» — оказывается, на Западе её не больше, просто её разрушение организовано через корпорации;
- 3) «технологическое лидерство Запада» — оказывается, нелиберальные системы создают более эффективные цифровые экосистемы;
- 4) «неизбежность краха авторитаризма» — оказывается, он может быть устойчивым, эффективным и опирающимся на широкую поддержку.

Конкуренция либеральных и нелиберальных систем — это не конкуренция идеологий (как в XX веке), а конкуренция управленческих моделей и цифровых экосистем.

Побеждает тот, кто эффективнее использует данные для сервисов, быстрее принимает решения, лучше интегрирует системы, последовательнее реализует стратегии, качественнее конвертирует контроль в легитимность. По всем параметрам нелиберальные системы от Москвы до Шэньчжэня демонстрируют преимущество.

Для либеральных демократий есть три опции.

Опция 1: игнорирование. Продолжать объяснять успехи манипуляцией и ждать краха. Рисканно: крах может не наступить, а отставание будет расти.

Опция 2: копирование. Перенять практики нелиберальных систем. Проблема: подрывает собственные принципы и рискует создать худший из миров — контроль без эффективности. Книга главы компании «Палантир» А. Карпа «Технологическая республика» — ровно об этом.

Опция 3: инновация. Найти способ сочетать либеральные процедуры с эффективностью. Создать модель, где гражданское участие не блокирует решения, плюрализм не вырождается в паралич, приватность защищена реально, сервисы качественны без то-

тального контроля. Но такая модель если не невозможна, то крайне сложна в реализации.

Нелиберальные цифровые системы побеждают либеральные не через большее ограничение свобод, а через более эффективную конвертацию неизбежного в цифровую эпоху контроля в легитимность через качественные бесплатные сервисы.

Западный пользователь платит корпорациям за то, что пользователь нелиберальной системы получает от государства бесплатно и часто с более высоким качеством, при этом теряя ту же приватность. Это структурное конкурентное преимущество, которое либеральные демократии не хотят признавать, потому что признание подрывает их нормативные основания. ●

Креативные индустрии как драйвер развития России: история и вызовы

М. Н. Монгуш,
президент АНО «Креативная экономика»

Необходимость создания креативных индустрий (КИ) в России стала логической реакцией на вызовы, вставшие перед страной в последние десятилетия. К началу 2020-х годов стало очевидно, что традиционная экономика, ориентированная в основном на природные ресурсы и индустриальное производство, уже не в состоянии обеспечить устойчивое развитие и удовлетворить современные потребности общества.

Россия столкнулась с необходимостью формирования новой стратегии развития,

которая не только учитывала бы технологические и ресурсные возможности, но и фокусировалась бы на традиционных ценностях. Создание КИ возникло как ответ на этот запрос — как использовать творчество и интеллект в качестве двигателей экономического роста и социального прогресса.

Начало формирования КИ: поиск и сомнения

Согласно данным ВЦИОМ, 90% россиян считают важным развивать КИ именно сегодня — подобный общественный консенсус в социологии встречается крайне редко. Это го-

КРЕАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОХВАТЫВАЕТ ВСЕ ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ

Креативная экономика (КЭЭ)

– экономика, основанная на вкладе и потенциале творческих активов в экономический рост

Креативные индустрии (КИ)

– совокупность сфер деятельности, в которых компании в процессе творческой и культурной активности производят товары и услуги

Ядро

– креативные индустрии

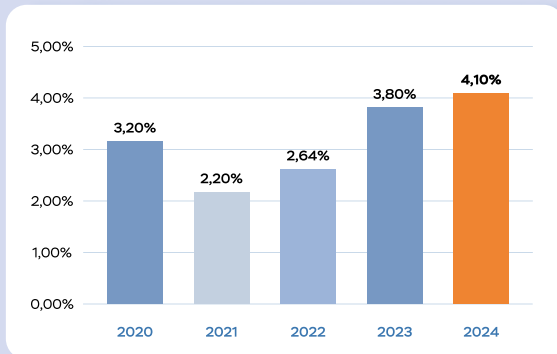
Экосистема креативной экономики

Креативные индустрии
+
Сопутствующие отрасли
+
Креативный компонент в традиционных отраслях

- Креативная экономика
- Креативная индустрии
- Традиционные отрасли
- Сопутствующие отрасли

КИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ 2020-2024

Динамика изменения доли КИ в ВВП

Важные наблюдения:

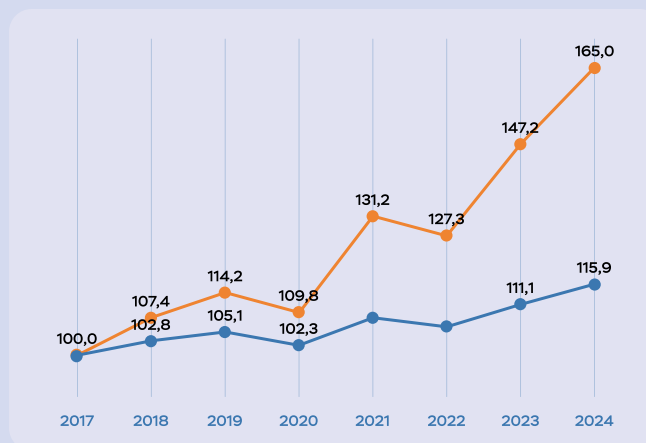
- Темпы роста креативных индустрий превышают средние показатели по экономике
- Наблюдается устойчивый тренд на увеличение вклада креативного сектора
- Рост происходит на фоне общего развития экономики и диверсификации структуры ВВП

Рост ВВП КИ и ВВП РФ (% 2017-2024)

Рост ВДС КИ —
Рост ВДС РФ —

Интенсивный рост

Креативная экономика растёт в 4 раза быстрее, чем экономика России в целом, но сильнее реагирует на кризисы

ворит о высокой актуальности и своевременности повестки.

Тем не менее сам процесс формирования КИ сопровождался серьёзными сомнениями и поиском новых смыслов. Одним из ключевых барьеров стала неопределённость понятия ценностно-ориентированной экономики, которая воспринималась как рискованная зона и для органов власти, и для бизнеса. Только в 2024 году в Указе Президента РФ № 309 от 7 мая, определяющем национальные приоритеты, было чётко указано: все стратегические цели страны должны базироваться на традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностях. Следовательно, и КИ как часть экономики обязаны учитывать этот принцип.

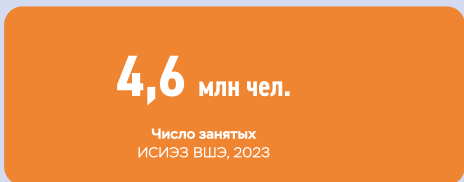
В 2020 году наша команда, погрузившись в работы в креативном секторе, прежде все-

го зафиксировала огромный нереализованный экономический потенциал российских КИ. Объединив ключевых акторов отрасли, мы вышли с инициативой на Администрацию Президента. На тот момент существовали серьёзные системные проблемы: отсутствие институционального признания, разрозненность отраслей, нехватка механизмов поддержки и чётких ориентиров. АНО «Креативная экономика» стала своего рода переводчиком между бизнесом и государством. По примеру других стран, где КИ рассматриваются не только как экономический, но и идеологический инструмент, в России началось создание единой институциональной платформы для развития КИ.

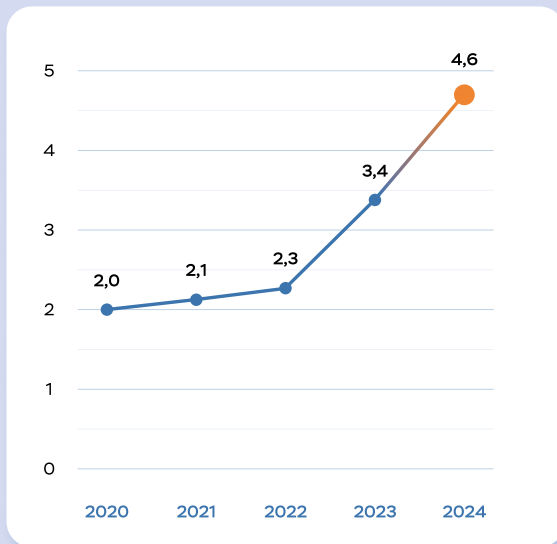
Знаковым событием стала первая Российская креативная неделя в 2020 году, объединившая на одной площадке для конструктивного дискурса представителей из 14 отраслей

КИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ РОССИИ 2020-2024

Креативная экономика России в цифрах

Рост числа занятых в КИ млн чел.

Созданы

Региональные институты развития КИ

Школы КИ

Факультеты, образовательные программы и центры в университетах РФ среднеспециальных учебных заведений

Исследовательские центры в российских университетах, АНО и частном бизнесе

	2019	2024
Региональные институты развития КИ	1	53
Школы КИ	0	67
Факультеты, образовательные программы и центры в университетах РФ среднеспециальных учебных заведений	8	25
Исследовательские центры в российских университетах, АНО и частном бизнесе	0	17

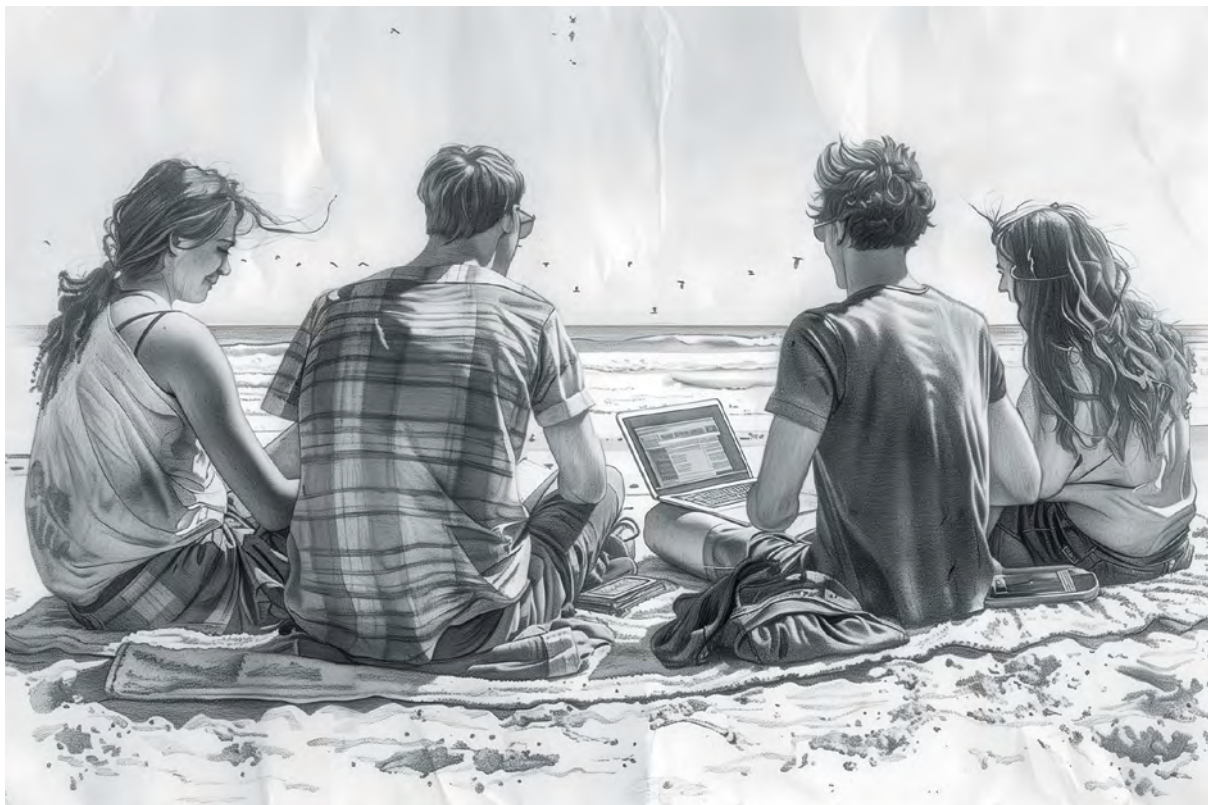
различных регионов и министерств. В результате были сформулированы запросы от бизнеса к власти: создание фонда поддержки, учреждение национальной премии, разработка федерального закона... Благодаря вниманию со стороны государственных структур, включая и личное участие профильных лидеров, в 2024 году был принят Федеральный закон № 330-ФЗ, юридически закрепивший понятие КИ и включивший в их состав 16 отраслей от кино и моды до видеоигр и архитектуры.

Так формировалась не только инфраструктура, но и ценностная основа новой экономики. И сегодня важно понимать: креативный продукт — это не просто коммерческий кон-

тент, это носитель культурного кода и смыслов. Вопрос не только в том, как его создавать, но и какие ценности он транслирует, особенно в условиях внутреннего запроса и внешних вызовов.

Переломный момент: институционализация и поддержка

На государственном уровне было осознано: КИ — это не только про ВВП, но и про национальную идентичность и культурный суверенитет. Поэтому ключевым направлением стало внедрение ценностно-ориентированного подхода в развитие отрасли.

Особое значение приобрёл Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором были чётко обозначены основы государственной культурной политики. Это стало отправной точкой для формирования нового стандарта производства контента в КИ — от кино и анимации до дизайна и архитектуры. При этом важно понимать: традиционные ценности — это не формальные символы, а система координат, отражающая российскую цивилизационную идентичность. Как было образно сказано: «традиции — это не передача пепла, а передача огня».

Для бизнеса производство ценностно-ориентированного контента оказывается не только социально значимым, но и экономически эффективным. В крупных корпорациях внедрение ценностей, по данным ряда исследований, даёт до 5% прироста прибыли за счёт роста вовлечённости персонала. Подобный подход может быть адаптирован и для КИ — через совместную разработку ценностных ориентиров, разъяснение правил, а не чисто административные запреты.

Кроме того, на глобальном уровне ценностная составляющая становится фактором культурной совместимости. В странах БРИКС, ЕАЭС и ШОС у России наблюдается значительное совпадение ценностных ориентиров, что делает возможным и масштабируемым экспорт российского креативного продукта. В то же время в странах Запада повестка иная, и это требует точной стратегии позиционирования и продвижения.

Именно поэтому сегодня актуален вопрос о создании Координационного совета с участием Администрации Президента и правительства, который бы обеспечил баланс между экономикой и идеологией в креативной сфере. Сегодня необходима разработка единой стратегии в создании стандартов для отраслевых союзов, формируемых совместно с рынком, а не спускаемых директивно сверху.

Новый вектор развития: от вертикали к горизонтальной структуре

Процесс институционализации КИ в России нельзя рассматривать в отрыве от более широкой государственной трансформации. Суть изменений не только в том, чтобы создать

ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЭКОНОМИКА

Ценностные ориентиры определены

Ценностно-ориентированная экономика эффективна и внедряется в компаниях по всему миру

Указ № 809
О традиционных духовно-нравственных ценностях

- Креативные индустрии – основа ценностно-ориентированной экономики
- Креативные продукты влияют на общество через ежедневное потребление, обеспечивая максимальный социально-экономический эффект

Экспортные возможности на дружественных рынках

Принципы соответствия ценностям

- 1. ЦЕННОСТИ ДЛЯ УСПЕХА**
Креативный продукт должен опираться на традиционные ценности
- 2. АДАПТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ**
Компании должны адаптировать свои корпоративные ценности под традиционные
- 3. КОНКУРЕНЦИЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ**
Российские креативные индустрии могут успешно конкурировать только при корректной ценностной ориентации.
- 4. ТРАНЛЯЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ**
Креаторы должны органично встраивать традиционные ценности в свои продукты

Предложение

Инициатива АНО «Креативная экономика» Председателю Правительства РФ в рамках стратегической сессии (июнь 2025)

Разработка программных документов, содержащих подходы к трансляции традиционных российских ценностей в продуктах и проектах креативных индустрий

Даны поручения:

- Разработать рекомендации по трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей в креативных индустриях
- Разработаны рейтинг и методика внедрения
- Сдача 26 августа в Минэк РФ

новый сектор экономики, но и в том, чтобы изменить подходы к управлению и культурному развитию. Россия стремится перейти от вертикального управления и строгой централизованности к более гибкой горизонтальной модели — с фокусом на ценности, творческий потенциал и культурную идентичность.

Не менее важным стало осознание того, что КИ могут стать не просто экономическим драйвером, но и основой новой государственности. Речь идёт о переходе от «экономики ресурсов» к «экономике смыслов», где главным потенциалом становятся идеи, интеллект и культурная самоидентификация.

Дальнейшие шаги и вызовы

Сейчас, спустя несколько лет, можно сказать, что Россия сделала первые решающие шаги в создании целостной системы, поддерживающей КИ. Однако, как и в любой новой области, впереди ещё ждут серьёзные вызовы. Среди них — необходимость избежать формализации ценностной политики и создания декларативных механизмов, непонимание части творческого класса, опасющегося политического давления, а также проблемы с недостатком компетенций на местах.

Тем не менее на фоне значительного роста сектора, который составляет 3,4% ВВП и обеспечивает более 4,6 млн рабочих мест, важно подчеркнуть, что развитие КИ уже принесло видимые результаты. В планах на 2026–2030 годы — дальнейшая интеграция ценностей в производство КИ, создание стандартов для семейного и детского контента, а также развитие новых подходов в пространственном планировании.

Креативный класс как новый партнёр государства

Одной из важнейших целей России в контексте развития КИ является формирование нового социального субъекта — креативного класса. Это сообщество профессионалов, обладающих не только навыками и компетенциями в области искусства, технологий и культуры, но и способностью к созданию новых смыслов, продуктов и форматов, востребованных в обществе и на глобальных рынках.

Креативный класс — это не просто производители контента, это носители идей, драйверы культурных трансформаций, архитекторы новых ценностных моделей. Именно поэтому они должны восприниматься не как подрядчики, а как партнёры государства в выработке стратегий будущего. Их вовлечение в процесс формирования государственной и культурной политики открывает новые горизонты для сбалансированного развития общества, где экономика, культура и идеология взаимосвязаны.

Важно перейти от пассивного наблюдения за инициативами к активному сотворчеству. Сегодня КИ перестают быть лишь экономической нишей — они становятся частью интеллектуальной инфраструктуры страны наравне с промышленной и цифровой. Это означает, что государство должно выстраивать горизонтальные модели взаимодействия, основанные на уважении к профессионализму, творческой свободе и общественной значимости креативного труда.

Формирование единого культурно-экономического пространства, где ценности, смыслы и идеи становятся источниками национального богатства, требует дальнейшего институционального развития: поддержки ассоциаций, отраслевых союзов, экспертных сообществ, а также усиления роли регионов как носителей локальных идентичностей и культурного многообразия России.

Заключение

В конечном итоге КИ становятся не только экономическим сектором, но и важнейшим элементом национальной идентичности и конкурентоспособности страны. Их развитие отражает стратегический выбор России в сторону интеллектуального, культурного и ценностного лидерства. Это новый этап, где творчество, технологии и традиции работают вместе, формируя устойчивую модель будущего.

Поддержка КИ в регионах, вовлечение молодёжи и малых городов, развитие инфраструктуры и нормативной базы, а главное — создание среды доверия и сотворчества между государством, бизнесом и креативным классом — всё это станет залогом дальнейшего роста вклада КИ в ВВП и ВРП страны. ●

предложит инженерным командам не просто предпринимательский успех, но и профессиональный вызов, работающий на национальные интересы. Важно воспитывать предпринимателей, готовых расти вместе со своей страной, обретать и воплощать собственную, российскую мечту.

Зарубежные подходы к акселерации и проблемы их применения

Y Combinator (далее — YC) — один из самых известных технологических акселераторов в мире, стоящий за такими компаниями, как Airbnb, Dropbox и Stripe. Сегодня на этом ландшафте есть и другие яркие акселерационные форматы, но именно модель YC лежит в основе большинства глобальных акселераторов. Сильные стороны YC — мощная сеть выпускников, доступ к топовым инвесторам и культура «стартап-хиккинга» (максимальная скорость отработки рыночных гипотез), где главное — скорость итераций. Подход идеален для взрывного роста SaaS-решений (soft as a service), ориентированных на глобальные рынки. Самое главное — модель YC основана на принципе «воронки инноваций», то есть предполагает большую конкуренцию за инвестиции и «естественный отбор», при котором достигается высокий уровень жизненной стойкости стартапов, прошедших акселерацию. Более 50 % компаний продолжают работать спустя 10 лет после завершения акселератора.

Методология YC плохо применима в российских реалиях по нескольким причинам. Во-первых, она требует развитого венчурного рынка и глобально ориентированных инвесторов. Во-вторых, российская экономика нуждается не столько в глобальных ИТ-решениях и SaaS-стартапах, сколько в продуктах и сервисах для конкретных отраслей и новых рынков, укрепляющих национальный суверенитет, а это требует совершенно другого фокуса внимания при работе с проектами. В-третьих, культура «fail fast» (быстро тестировать и закрывать неудачные проекты) которая хорошо работает в частном капитале, противоречит российской специфике работы с проектными и корпоративными рисками в системе управления научно-тех-

нологическим развитием, поскольку эта система опирается преимущественно на публичные финансы.

В основе западного венчурного подхода лежит стратегия «выхода» (exit strategy) для инвестора, и часто для самих основателей компании. На этой стратегии преимущественно строится и движущая сила «воронки» — каждый последующий участник цепочки перепродаж доли стартапа заинтересован в «накачке» его капитализации в расчете на успешный «выход».

В рамках американского технологического и политического ландшафта существует сильное альтернативное видение, бросающее вызов преобладающим западным глобалистским моделям. Одним из его наиболее ярких выразителей является Алекс Карп, со-основатель и генеральный директор компании Palantir Technologies. В своей книге «Технологическая республика» (2025) Карп. Его позиция — это призыв к глубокой переориентации:

Технологическая элита должна встроиться в проект национального возрождения, подчиня инженерную мысль не сиюминутной прибыли, а решению масштабных государственных задач, укреплению геополитического преимущества и формированию новой коллективной цели для общества в эпоху искусственного интеллекта.

Карп олицетворяет влиятельную школу мысли США, которая ставит технологический суверенитет, связь государства и частного сектора и четкое национальное целеполагание выше глобалистских и либеральных идей.

Путь стратегической переориентации, когда развитие технологий становятся не следствием глобальных рыночных трендов, а инструментом национального целеполагания, сегодня сознательно избирают и другие государства. Китай, Индия и страны Ближнего Востока активно перестраивают свои инновационные модели, делая ставку на суверенные технологические системы, государственное планирование в ключевых областях и защиту своего цифрового пространства.

В Китае создаются крупные корпоративные и государственные акселераторы,

встроенные в экосистемы Alibaba, Tencent и Huawei. Эти программы делают ставку не на «стартапы-единороги», а на технологический суверенитет, интеграцию с промышленностью и выполнение стратегических задач. Китай уделяет большое внимание контролю над капиталом и данными. Он ограничивает свободное движение капитала, поэтому открытая модель УС, где инвесторы со всего мира вкладываются в стартапы, там тоже не работает. Вместо этого акселераторы опираются на фонды госбанков, например China Development Bank или корпоративные инвестиции, например Huawei. Китай поддерживает жесткую привязку акселераторов к госпрограммам, например, «Made in China 2025» или «Цифровой шёлковый путь», где стартапы должны решать конкретные промышленные задачи, а не просто расти ради привлечения инвестиций.

Общий тренд очевиден: успешная акселерация требует не универсальных шаблонов, а моделей, синхронизированных с локальными рынками, национальными экосистемами, государственными приоритетами и технологическими вызовами суверенных стран.

Традиционные механизмы акселерации, ориентированные на отбор проектов по формальным признакам коммерческой успешности, не решают задач укрепления технологического суверенитета. Нужен переход от шаблонных программ к глубокой диагностике компетенций, разработке индивидуальных траекторий развития и прямому подключению команд к работе с конкретными заказчиками и научными центрами. Цель такой трансформации — создание экосистемы, где каждый проект доводится до стадии внедрения, либо интегрируется и дополняет более крупного игрока.

Отечественная научно-техническая мысль

Русская научно-техническая мысль часто опережала время, и сегодня именно её наследие могло бы стать основой модели суверенной акселерации.

Николай Фёдоров с его философией «общего дела» и идеей воскрешения предков через науку заложил основы проектного мышления, устремлённого в будущее. Константин Циолковский, мечтавший о космической экспансии, доказал, что даже в условиях мировой войны и изоляции страны можно создавать прорывные теории. Владимир Вернадский, разработавший учение о ноосфере, показал, как наука становится силой планетарного масштаба. Дмитрий Менделеев создал периодическую таблицу химических элементов, чтобы систематизировать знания об известной науке элементах и предсказать появление новых элементов в будущем. Их опыт учит главному: технологии — это не источник обогащения, а способ преобразования реальности. Россия способна ставить перед собой задачи, которые остальной мир пока не осмеливается даже помыслить.

Советские учёные и инженеры Королёв, Курчатов, Лебедев доказали, что технологический суверенитет возможен даже в условиях жёстких внешних ограничений.

Советский план ГОЭЛРО 1920–1930-х годов

Принятый в сложных условиях после Гражданской войны, план представлял собой не просто программу электрификации, а первый в мире научно обоснованный стратегический документ по реиндустриализации всей экономики, интегрировавший лучшие мировые достижения и инженерную мысль царской России. Его исполнение обеспечивалось созданием специального органа — Государственной комиссии, по электрификации России, которая координировала работу более 200 учёных, инженеров и экономистов. Председателем был назначен Г. М. Кржижановский — учёный-энергетик и организатор, впоследствии первый руководитель Госплана.

Ключевым организационным принципом стала глубокая интеграция науки, образования и промышленности: параллельно со строительством электростанций создавались профильные институты (например, Московский энергетический институт) и разворачивалась массовая подготовка кадров. План реализовывался как система взаимосвязанных проектов, где каждая региональная электростан-

ция становилась ядром нового промышленного кластера — от химических комбинатов до металлургических заводов.

Советский атомный проект

Опыт запуска советской атомной индустрии 1945–1949 годах — уникальный пример эффективной национальной акселерационной системы. В условиях жестких временных рамок и международной изоляции СССР смог мобилизовать научные, производственные и образовательные ресурсы благодаря четкой организационной модели. Спецкомитет с чрезвычайными полномочиями создал вертикаль управления от научного руководителя Курчатова до конструкторских бюро, НИИ и заводов. Разные коллективы параллельно разрабатывали несколько вариантов решений — этот принцип здоровой конкуренции сегодня воплощен в технологических конкурсах НТИ.

Особого внимания заслуживает кадровая политика проекта: создание «закрытых» кафедр в МГУ и МФТИ, система персонального кураторства и обязательное совмещение теории с практикой на производстве. Атомный проект продемонстрировал важность полного цикла разработки — от добычи урана до испытательных полигонов. Параллельно развивались смежные отрасли: создавали новые приборы, разрабатывали вычислительные машины для расчетов, формировали собственные стандарты.

Программы «Луноход» и «Энергия — Буран»

Создание «Лунохода» и космического корабля «Буран» стало возможным благодаря уникальной системе научно-технического развития, основанной на технологической независимости. При разработке «Лунохода» (1970 г.) советские инженеры создали принципиально новый тип транспортного средства, способного работать в экстремальных условиях лунной поверхности. Для этого потребовалось разработать специальные сплавы для корпуса, уникальную систему дистанционного управления, новые виды солнечных батарей и инновационную ходовую часть. В 80-х программа «Энергия-Буран» также потребовала прорывов в сотнях технологических направлений — от теплозащитных материалов

до систем автоматической посадки. Каждый компонент создавали в отечественных НИИ и на предприятиях, образуя замкнутую экосистему разработки.

Особенно показателен пример «Энергии», для которого было создано 600 новых материалов и 80 совершенно оригинальных технологических процессов. Над проектом работали 1200 предприятий, научных институтов и 86 министерств и ведомств. Такой подход позволял не копировать зарубежные аналоги, а создавать принципиально новые инженерные решения.

Эти проекты реализовывались по модели, которую сегодня можно назвать прототипом суверенной акселерации: во-первых, создавались междисциплинарные коллективы, объединяющие ученых, инженеров и производственников. Во-вторых, применялся принцип параллельной разработки — разные конструкторские бюро предлагали свои варианты решений, после чего выбирался оптимальный. В-третьих, обеспечивалась полная производственная цепочка — от фундаментальных исследований до серийного выпуска компонентов.

Опыт советских атомных и космических программ демонстрирует ключевые принципы, которые должны лечь в основу современной суверенной акселерации:

- 1) Опора на фундаментальную науку;
- 2) Ориентация на прорывные, а не догоняющие технологии;
- 3) Компетентная и гибкая система управления инженерным результатом;
- 4) Создание полного производственного цикла;
- 5) Интеграция науки, образования и производства в единую систему.

Современные российские примеры

Группе компаний «Росатом» удастся в сложнейших геополитических условиях удержать мировое лидерство и технологический фронт: от малых модульных реакторов и быстрых нейтронов до атомной медицины.

Российские технологические гиганты Сбер, Яндекс, OZON, WB, VK, Касперский, Positive

Technologies и др. демонстрируют формирование в России класса цифровых экосистем, способных конкурировать и лидировать на глобальном уровне. Их успех основан на передовых ИТ-компетенциях, глубокой интеграции сервисов в единые пользовательские платформы и включенности в решение национальных задач.

Команда «Спутникса» создала успешную частную космическую компанию, сделав ставку на создание сверхлёгких спутников и уникальной целевой аппаратуры. Критическую поддержку на старте также оказало государство.

«Бионад» сфокусировался на самых сложных и наукоемких сегментах фармацевтики. С системной господдержкой компания выросла и создала в России современную научно-производственную школу.

Сегодня как никогда важно не просто изучать, а творчески развивать традиции русской научной и инженерной мысли и современный опыт в контексте новых технологических вызовов. Мир стоит на пороге цивилизационного перелома, когда искусственный интеллект, квантовые вычисления и биотехнологии радикально меняют способы взаимоотношений человека с миром, вторгаясь даже в самую природу человека. России требуется собственная модель управления технологическим развитием, которая:

- будет рассматривать технологии как способ сохранения цивилизационной идентичности;
- мобилизует интеллектуальный потенциал вокруг больших технологических идей по образцу советских атомного и космического проектов, плана ГОЭЛРО;
- создаст механизмы передачи уникальных достижений нашей научной и инженерной школы будущим поколениям.

10 гипотез Модели суверенной акселерации России

1. Масштаб мечты

Суверенитет строится не страхом отставания, а магнитом великой цели. Это не задача импортозамещения, а вызов цивилизаци-

онного масштаба. Как советские атомный и космический проекты рождались из дерзкого стремления переопределить будущее, так и миссии для новых предпринимателей должны вырастать из грандиозных национальных целей: создание Небесной цивилизации, освоение ресурсов Арктики и Мирового океана, прорыв в квантовых и биотехнологиях, переход к новым типам энергии. Технологический прорыв начинается с форсайта — со смелости вообразить мир, в котором твоя страна задаёт новые правила, отвечая на вызовы, сравнимые с первым полётом в космос. Мечта — это стратегический ресурс.

2. Технологический суверенитет¹ как критерий

Соответствие задачам обеспечения технологического суверенитета должно стать ключевым инвестиционным критерием. Приоритет — проектам, способным замкнуть полный цикл: от фундаментальной идеи и исследования до серийного выпуска и внедрения. Модель технологического суверенитета² слу-

¹ Технологический суверенитет — способность государства разрабатывать и применять критически важные технологии (владеть «ключами» от технологий), чтобы проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику и быть конкурентоспособным в мире. Эти технологии позволяют организовать производство товаров в ключевых сферах деятельности общества и государства.

² Модель технологического суверенитета — российский подход к формированию государственной технологической политики с опорой на развитие сквозных технологий, позволяющих обеспечить базовые потребности граждан в продовольствии, безопасности, энергии, а также создать отрасли нового уклада. АНО «Агентство стратегических инициатив» вместе с АНО «Платформа НТИ» развивает Модель технологического суверенитета — открытый подход к совместному технологическому развитию с дружественными странами. Данная модель была одобрена президентом РФ в мае 2024 года и легла в основу инициативы «Новая технологическая платформа БРИКС», включённой в Декларацию саммита БРИКС в 2024 году. Разработанный подход по формированию Модели технологического суверенитета решает задачи систематизации критических и сквозных технологий и может выступать основой для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества между странами. Подробнее: ecfor.ru/publication/opredelenie-prioritetov-tehnologicheskogo-razvitiya

жит картой для определения критически важных направлений и объективной оценки прогресса в каждой из них. Она же становится основой для выработки совместной технологической политики и развития совместного технологического суверенитета с дружественными государствами.

3. Инженерно-технологическая направленность

Суверенная акселерация нацелена на формирование и реализацию конкретных инженерных проектов, а не на абстрактную капитализацию. В приоритете — прикладные исследования и разработки, завершающиеся внедрением или созданием новой технологической компетенции. Эта логика наследует принципы мегапроектов, таких как ГОЭЛРО, «Атомный проект» или «Буря», где создание конечного продукта служило драйвером для «вытягивания» целых отраслей, научных школ и инженерной инфраструктуры.

4. Следование традициям русского предпринимательства

Необходимо сознательно опираться на проверенные исторические принципы российского делового уклада. Это традиция купеческих гильдий и промышленных династий, где предпринимательство сочеталось с выполнением государственных задач, долгосрочным планированием и социальной ответственностью. Или новгородская модель сетевой кооперации купцов, позволявшая интегрироваться в мировую торговлю, сохраняя суверенитет.

Современная акселерация, следуя этой логике, должна культивировать кооперацию вместо атомизированной конкуренции, выстраивая проекты как стратегическое партнёрство команд с государством для решения конкретных национальных задач.

5. Сгущение человеческого потенциала

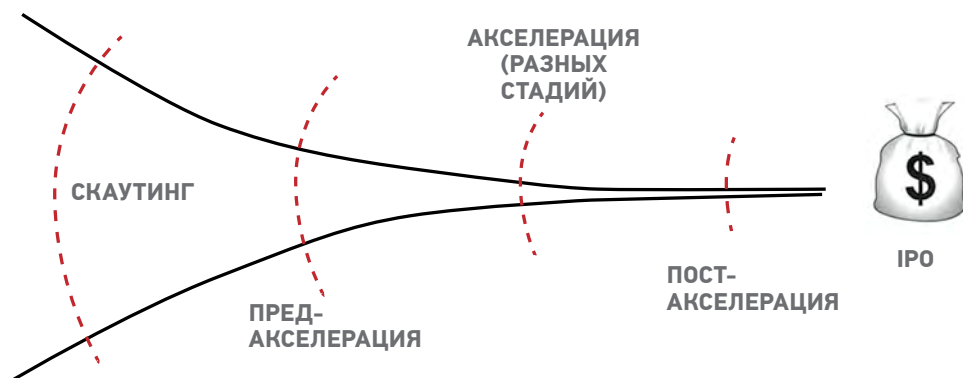
Ключевая метрика — коэффициент концентрации человеческого потенциала (КЧП), отражающий плотность полезных профессиональных контактов в единицу времени. Максимальное «сгущение» — главный приоритет при проектировании акселерационной среды.

Каждый контакт ведёт к полезному действию, сокращая время между идеей и реализацией. Эффективность принципа «сгущения» подтверждается опытом проектных интенсивов «Остров/архипелаг», где команды и проекты за считанные дни проходят путь, обычно занимающий несколько месяцев. Такая среда обеспечивает интенсивное развитие за счёт высокой доступности экспертизы, плотности коммуникаций и исключения бюрократии, создавая эффект интеллектуального резонанса, сжимающего время. Для этого требуется не административный координатор, а содержательный архитектор-заказчик — субъект, способный создавать среду «принуждения к будущему», удерживать стратегическую цель, стимулировать честную профессиональную конкуренцию, сплачивая команды вокруг больших вызовов, как это делали Курчатов или Королёв.

6. Технологическая интеграция как фокус

Цель — не набор разрозненных продуктов, а создание взаимосвязанных технологических экосистем, где компоненты взаимодействуют по согласованным стандартам и протоколам. Эффект системы должен превышать сумму возможностей отдельных модулей. Это требует внедрения общей технологической базы: отраслевых стандартов, открытых протоколов и платформенных решений. Архитектор-заказчик выступает как экосистемный интегратор, задавая не только цель, но и «правила сборки»: технические регламенты, протоколы обмена данными и требования к совместимости. Это позволяет вести разработки распределённо, но с гарантией их последующей стыковки. В результате ускорение получает не отдельная команда, а вся кооперация: решение одной задачи становится фундаментом для десятков других, формируется кумулятивный эффект, недостижимый при изолированной работе. Это воспроизводит принцип замкнутых циклов, характерный для советских программ, где создание двигателя для ракеты параллельно тянуло за собой развитие материаловедения, приборостроения и вычислительной техники, создавая не продукт, а целостную технологическую отрасль.

✘ Модель «Воронки»

1. Основана на экзит-стратегиях.
2. Упор на продуктовые и финансовые компетенции.
3. Критерии успеха — исключительно коммерческие и финансовые.
4. Отсутствует фокус на национальных интересах России.
5. На каждой стадии отсеивается большинство проектов, внимание к ним больше не возвращается.

Работать только с лучшими, отсеивать остальных. Применимо для условий высокой конкуренции и неограниченно большого числа технологических команд

7. Культура ошибки вместо культуры соответствия

Культура соответствия, где главное — быть удобным, избегать риска и личной ответственности, строго следовать инструкциям и не высовываться, убивает инициативу. Ей должна быть противопоставлена культура обучающейся ошибки, где ключевая ценность — учиться, расти и достигать результата. Чтобы найти работающее решение, нужно перепробовать десятки и сотни неудачных. Ошибки рассматриваются не как повод для наказания и отсева, а бесценный источник данных, обратной связи и точка роста. Люди сразу сообщают о сбое, поломке или риске, потому что знают: команда сплотится, чтобы решить проблему, а не искать «стрелочника». Ошибка становится точкой пересборки стратегии, а не тупиком. При этом важно, что культура «ошибки» — это не культура безнаказанной халатности. За повторение одних и тех же промахов, нежелание учиться и нарушение этических норм спрос остаётся строгим.

8. Сетевое взаимодействие

Модель должна сочетать очные форматы «сгущения» на базе университетов, ковор-

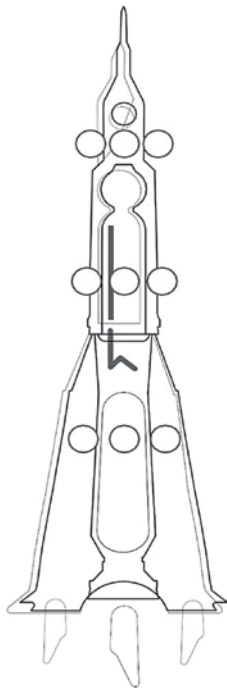
кингов с цифровыми платформами для удалённой совместной работы. В процесс необходимо вовлекать всех участников экосистемы: от школ и колледжей как источников талантов — до исследовательских центров и корпораций как заказчиков, экспертов и полигонов для внедрения.

9. Сопротивление отсеиванию

Мы не имеем права разбрасываться людьми и командами. Каждый человек талантлив в своём. Неудачный продукт — не приговор команде. Задача суверенной акселерации — помочь раскрыть потенциал, объединить в сильные команды и расти, решая всё более сложные задачи. Команды должны получать персональных кураторов и экспертов, которые помогут довести разработку до готового продукта, помогут увидеть возможности для усиления самих команд. Проекты, на первый взгляд не имеющие рыночного потенциала, не отсеиваются, а пересобираются или интегрируются в более сильные решения. Это позволяет формировать вокруг компаний-лидеров консорциумы, которые активно включают в работу перспективные инженерные команды, создавая для них системный вытягивающий эффект.

Модель «Ракеты»

НОВЫЕ ОТРАСЛИ
И РЫНКИ

СЕТЕВЫЕ
ЭФФЕКТЫ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ

СГУЩЕНИЕ

МЕЧТА-МИССИЯ +
ЛИЧНАЯ
СОПРИЧАСТНОСТЬ

Ключевые принципы

1. Масштаб мечты
2. Технологический суверенитет как критерий
3. Инженерно-технологическая направленность
4. Следование традициям русского предпринимательства
5. Сгущение человеческого потенциала
6. Технологическая интеграция как фокус
7. Культура ошибки вместо культуры соответствия
8. Сетевое взаимодействие
9. Сопротивление отсеиванию
10. Личный смысл и образ будущего страны и мира

Собирать компании-лидеры и формировать вокруг них консорциумы из инженерных команд, что обеспечит вытягивающий эффект

10. Личный смысл и образ будущего страны и мира

Великая цель становится движущей силой только тогда, когда она находит отклик в личном выборе и осмысленном стремлении каждого создателя. Технологический суверенитет немислим без ответа на вопрос «зачем?» — не только со стороны государства, но и со стороны инженера, учёного, предпринимателя.

Задача суверенной акселерации — помочь каждому участнику вписать свой профессиональный путь и конкретный проект в образ технологического будущего России, в котором создание нового становится способом личностной реализации, заслугой перед профессиональным цехом и вкладом в историю страны. Доход, патенты, рыночный успех — важные, но недостаточные метрики. Истинную энергию прорыва рождает сочетание материального успеха с ощущением сопричастности большому свершению.

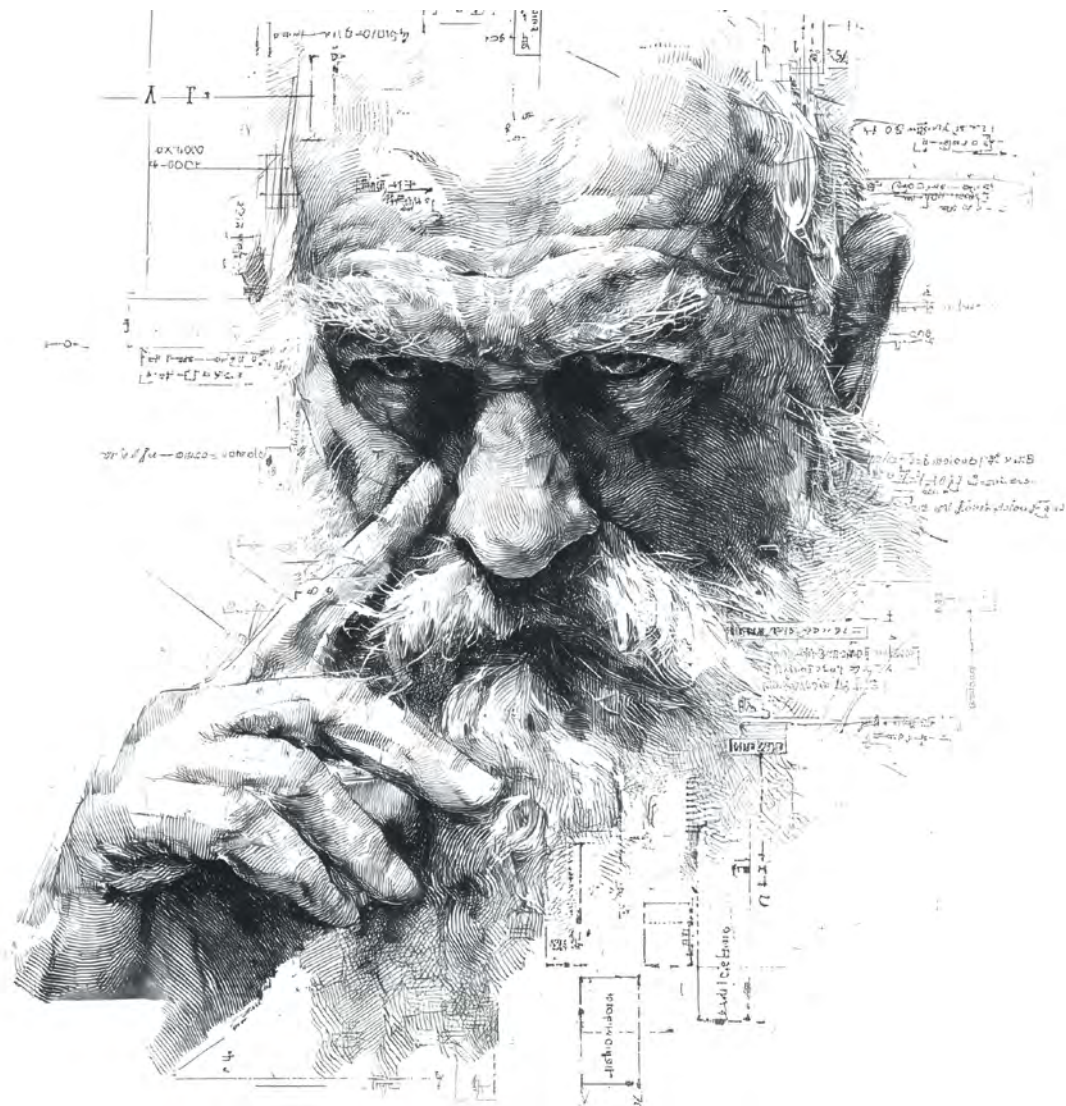
С осознанием того, что твоя работа меняет технологический ландшафт Родины и мира. Такой подход воспитывает длинную волю — превращает участников в носителей и творцов образа будущего, что дает мотивацию для преодоления многолетних циклов разработки и неизбежных кризисов.

Резюме. Ракета вместо воронки

Модель суверенной акселерации — это не венчурная «воронка» открытых инноваций, где тысячи случайных стартапов засыпаются ресурсами в надежде, что единицы выживут и покажут рост.

Это «ракета», целенаправленно собранная для полёта к далёкой и амбициозной цели. Её остриё — это конкретная и дерзкая цель-вызов мирового масштаба, которая устремляет ракету в будущее, чтобы преодолеть гравитацию сложившегося уклада. Первая ступень — это мощный стартовый импульс, создаваемый не деньгами, а магнитом этой великой мечты, которая притягивает и концентрирует именно тот человеческий потенциал, что способен на такой прорыв. Пример такой мечты — Небесная цивилизация дронов, господство человека в небе и ближнем космосе.

Вторая и третья ступени — это не просто разгон, а устойчивое горение внутренней энергии кооперации, где горючим служит личный смысл и включённость в создание национальной легенды. Двигатель роста — не конкуренция за инвестиции, а стратегическое партнёрство команд. ●

Впечатления IT-дилетанта

И.Ю.Демин,
редакция «Государство»

От имени редакции нам удалось поговорить с сотрудниками одного из фондов, последние несколько лет предоставляющим услуги акселерации небольшим компаниям в области цифрового предпринимательства.

Для начала была представлена традиционная отчетная мантра о направлении усилий при обучении на повышение конкурентоспособности юрисдикции; подготовку, привлече-

ние и удержание кадров; обеспечение спроса на инновации; стимулирование выхода на внешние рынки; привлечение и реинвестирование капиталов и т.п.

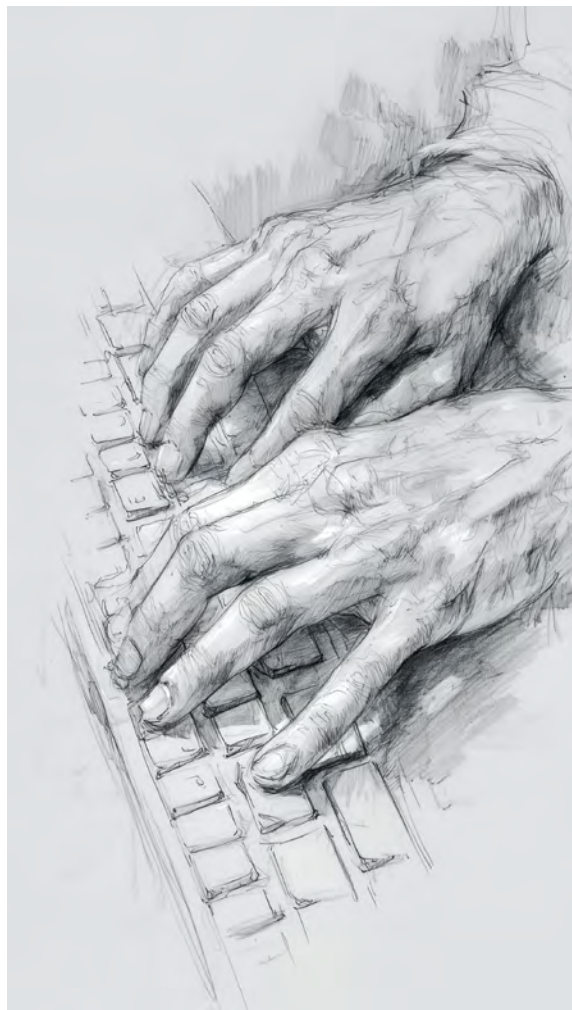
Затем также протокольно нас уверили в том, что инвестировать в российскую экосистему цифрового предпринимательства выгоднее, чем в депозиты, «голубые фишки» и недвижимость. Покупать отечественные ИТ продукты рентабельнее, чем импортные, а реализовывать предпринимательские или научные проекты в России не сложнее, чем в Европе, США и ЮВА.

После презентационного протокола гостеприимные хозяева расслабились и стали более откровенны. Как оказалось, все кандидаты на участие в акселерации (а отсеивается больше половины) заявляют о ожидании привлечения капитала. Им сразу объявляется о исключении любых форм инвестиций в ходе совместной работы, но тем не менее, в качестве ожиданий, особенно после прохождения обучения, многие из участников в опросах продолжают указывать о сохранившихся материальных хотелках.

Не менее интересны оказались открытые вопросы при анкетировании, касающиеся работы технологических компаний в условиях санкций и ухода иностранных компаний. В 2023 году был очень широкий разброс мнений:

- Особо и не заметили этих санкций, так как сразу работали на российском рынке и российской инфраструктуре.
- Конкуренты ушли, и освободили нашу нишу. Мы растем на освободившемся месте.
- Наш продукт использовал иностранные сервисы и инфраструктуру. Пришлось адаптироваться. Быстро перешли на российскую инфраструктуру.
- Наш продукт использовал иностранные сервисы. Аналоги есть, но слабоватые и не понятные клиентам. Переходим, но тяжело — пока продолжаем использовать иностранные сервисы (в серую).

К концу 2024 года произошла адаптация к новой экономической реальности и санкции перестали представлять интерес для обсуждения. Естественный наш вопрос — а зачем тогда IT компаниям оставлять различные льготы, увы, оказался не услышанным нашими рассказчиками. Вместо ответа началось оптимистичное обсуждение изменения кадровых стратегий на фоне санкций. В целом, как пишут сами предприниматели, их команды сохранились и продолжают работать. У многих изменился формат работы — часть людей перешла на удаленку и теперь работает из разных стран, а некоторые компании перевели разработчиков из штата на аутсорсинг. При этом многие отметили рост зарплат на рынке в IT. К тому же вдруг оказалось, что ядро команды — это не «разработчики», а «продажники».

Главными и самыми обсуждаемыми стали вопросы не санкций, а взаимодействия стартапов с корпорациями. Основная проблема — несоответствие типа приобретаемого инновационного «продукта» и корпоративных инструментов и процедур. Решение, по единодушному «IT-мнению», должно исходить от корпораций. Им необходимо сформировать систему «входов» для инноваций разных уровней готовности. Стартап должен заходить в правильный вход.

Достаточно откровенны «аксиллируемые» выделили основные форматы взаимодействия технологических компаний и корпораций:

- Покупка продукта /лицензии
- Покупка технологии
- Покупка команды
- Покупка компании
- Создание партнерского продукта
- Интеграция продукта в экосистему корпорации.

Какие классы задач предполагается решать корпорациями за счет технологических стартапов

Управленческие	поиск инструментов сбора данных для новых практик; поиск средств цифровизации управления
Экономические	получение допвыручки; создание новых активов
Технологические	поиск новых технологий для основных процессов; поиск новых технологий для вспомогательных процессов; импортозамещение
Маркетинговые	поиск новых потребителей для основной продукции поиск новых продуктов или сервисов для имеющихся потребителей
Кадровые	поиск новых сотрудников; мотивация и обучение имеющихся сотрудников
PR/GR	создание имиджа компании; отчёт перед государством

Красным выделены фактически не востребованные на конец 2025 года позиции, а зелёным — те, что наиболее интересны заказчикам услуг.

Таблица 1.

Необходимо подчеркнуть, что все отмеченные форматы вполне устраивают работников стартапов, хотя часто речь идет о полном поглощении. То есть пресловутое желание 90-х создать и продвигать собственный независимый бизнес, чтобы разбогатеть, стало рудиментарным.

Но самым захватывающим в рассказе стал обобщенный образ требований корпоративного заказчика к ИТ-продукту, составленный со слов представителей технологических компаний (общий девиз: *приносите нужное, а ненужное не приносите!*)

- Продукт должен точно решать мою боль /потребность.
- Продукт должен надежно работать «в ИТ ландшафте» нашей корпорации.
- Продукт должен соответствовать нашим требованиям по безопасности (и требованиям регуляторов).
- Продукт должен выдерживать наши нагрузки.

- Эффект от внедрения продукта долженкратно превышать затраты на его внедрение (и быть больше 1 млрд. рублей).
- Объем доработок (под нашу корпорацию) не должен превышать затраты на создания «ядра продукта». Разработчик должен быть настроен на долгосрочное партнерство.
- Разработчик должен быть устойчивой компанией (история, капитал, IP и др.)
- Разработчик должен знать нашу корпоративную структуру (и культуру).
- Разработчик должен знать наши корпоративные процедуры.
- Разработчик должен уметь работать в нашем темпе и сроках.
- Разработчик должен быть профессионалом в том процессе, который он цифровизирует.

И здесь возникает еще один девиз: *«Будьте профессиональнее наших профессионалов!».*

Не менее впечатляющими выглядят и способы преодоления представителями

стартапов корпоративной бюрократии (по единственному мнению, онакратно «страшнее» госчиновников).

- Самое главное — нужно «добраться» до функционального заказчика в корпорации (на отраслевых конференциях, ИЦК, выставки, отраслевые ассоциации, даже через холодные рассылки, соц. сети и личные контакты и др.)

- Продукт почти всегда продается вместе с консалтингом, и лучше продается с консалтингом (но не всегда)

- Самое главное — нужно «добраться» до функционального заказчика в корпорации (на отраслевых конференциях, ИЦК, выставки, отраслевые ассоциации, даже через холодные рассылки, соцсети, личные контакты и др.)

- Критически важно иметь в команде отраслевого эксперта

- Инновационный трек часто заводит в тупик.

- Инновационные подразделения имеют бюджет на пилот и знают процедуры.

- IT-директор часто не союзник и не заказчик, а тот кого надо преодолеть, обойти, обаять.

Это можно рассматривать как готовые коррупционные памятки. Может быть поэтому число самоубийств в этой отрасли превышает остальные?

Полученные по результатам общения выводы и прогнозы лишились оптимизма былых пиаровских статей. Очевидно, что малые IT-компании чаще всего решают второстепенные задачи корпораций («толстые хвосты»).

Нерешенные проблемы институционализируются и переходят в разряд долгоиграющих задач, а в корпорациях формируется «теневой» IT ландшафт из «невидимых» IT-службе браузерных решений.

Приходится с горечью констатировать, что корпоративная бюрократия пока побеждает государственный аппарат даже в отчетности, если речь идет об IT. •

Тема номера ЭКОНОМИКА

Учебник ЭКОНОМИКИ

В. А. Фадеев, советник Президента РФ

Проект курса «Основы российской экономики»

Необходимость создания нового, фундаментального учебника по экономике назрела давно, но с выходом Указа Президента № 809 она перешла в разряд государственных задач. Речь идёт не просто о корректировке учебных планов, а о подготовке мировоззренческого курса для студентов неэкономических специальностей. Это вызов инерции, заложенной ещё в 90-е годы, когда наша высшая школа совершила резкий, некритичный переход от политэкономии социализма к постижению западных теорий по переводным учебникам «Экономикс».

Даже само это название, выдержавшее в России более десяти изданий, должно настаивать, как нечто чуждое нашему языковому и культурному коду. Никому ведь не приходит в голову издавать на русском учебники под названием «Физикс» или «Математикс». Но дело, разумеется, не только в названии. Содержание этих курсов интересно с точки зрения истории экономической мысли Запада, но абсолютно бесполезно — и даже вредно — как инструмент объяснения того, как работает реальное хозяйство, особенно российское.

Имея за плечами классическое высшее физико-математическое образование, я ответственно заявляю: все те «учебники», с которыми мне доводилось знакомиться и которые заполнены сложными формулами интегральных исчислений, не имеют ничего общего с реальностью.

Перед разработчиками нового пособия стоит задача иного порядка: создать курс, который не затуманивает, а проясняет картину мира.

Кризис «точной» науки

Вкакой-то момент экономисты, видимо, поддавшись зависти к успехам естествознания, решили, что экономика — это точная наука. Как физика или химия. Что ее живую ткань можно вписать в вечные, неизменные законы природы. Это фундаментальная неправда.

Экономика не является точной наукой. Если уж искать аналогии в естествознании, то она скорее похожа на историческую геологию. Условия на нашей планете постоянно менялись: состав атмосферы, температура, дрейф континентов, падение астероидов, извержения вулканов... А в разных условиях действуют разные закономерности. Тот, кто знает геологические явления только в одной фазе их существования, не знает геологии вовсе. Так и для экономической науки важны именно закономерности, действующие в определённый период, а не якобы «вечные законы». Народнохозяйственные процессы тянутся десятилетиями и столетиями, и вскрыть их суть можно только исторически, а не путём математической схоластики.

Сегодня экономическая наука переживает глубокий кризис. Причём это не тот плодотворный кризис, за которым следует прорыв возрождения. Это кризис уклонения от ответов на важнейшие вопросы современности. Основные достижения науки были сделаны в прошлом и позапрошлом веках, а сегодня мы наблюдаем лишь фейерверк математической схоластики и идеологических мифов. Научный инструментарий, нарабатывавшийся столетиями, оказался заброшен, а мощные орудия познания были подменены карнавальными петардами.

Все новые теории, которые нам разные школы догматически пытаются пропагандировать, вышли из стоявшей на момент создания необходимости победить кризис. Федеральная резервная система США была создана не от хорошей жизни, а для сглаживания финансовых паник. Могла ли концепция Кейнса сработать в XIX веке? Нет, потому что государство было слабым, объёмы собираемых налогов были мизерны, их не хватало для активного участия в хозяйственной жизни. Кейнс в XIX веке был бы неуместен.

Рикардо создал теорию, когда Англии пришла пора снимать все таможенные ограничения, потому что у них возникла сильнейшая индустрия. Его теория относительных преимуществ и другие идеи были сформулированы в работе «Начала политической экономии и налогообложения» (On the Principles of Political Economy and Taxation), опубликован-

ной в 1817 году. Маркс спустя три десятка лет сформулировал новую востребованную концепцию после формирования мощнейшего пролетариата: он не имеет ничего, ему нечего терять, кроме «запасных» цепей. Это историческая драма, которую Маркс развил как экономическое учение, поставив во главу отчуждение от результатов труда как родовую сущность человека. И он был адекватен тому вызову времени, тем проблемам времени, которые тогда появились, в XIX веке. Кейнс — это ведь тоже ответ на драму Великой депрессии.

Методологически новый курс должен опираться на триаду, предложенную Йозефом Шумпетером: изучать экономические закономерности через теорию, через статистику, через историю. При этом история хозяйственной жизни должна стать основой (более крепкой нитью), в которую вплетаются теория и статистика. Не история экономических учений, а история буквально хозяйственной жизни. Как говорил Шумпетер, экономические циклы — это биение сердца капиталистической экономики. На рассказ о циклическом развитии экономики нанизывается и рассказ об инно-

вациях. В целом это всё так и работает: наука, технология, техника.

Контурь нового учебника

Разработчики учебника должны подготовить мировоззренческий курс для введения в основы российской экономики. Фундаментальная задача образования, помимо развития профессиональных компетенций, заключается именно в формировании целостного мировоззрения. Это должен быть курс, предлагающий российский взгляд на хозяйственную жизнь; русский, но не антизападный подход к идущим процессам.

Поскольку все общественные науки зависят от мировоззрения того, кто их продвигает, они так или иначе являются идеологическими. Но не пропагандистскими. Новый подход позволит создать цельную ткань знания и понимания хозяйственной жизни, готовя специалистов, которые понимают, как устроен экономический мир в его сложном социальном и историческом контексте.

В качестве формата предлагается жанр очерков (эссе). Очерк — это произведение, которое должно быть легко читаемо, содержать многочисленные ассоциации и исторические примеры. Этот жанр позволяет брать разные части хозяйственной жизни и не быть связанными одной жёсткой линией, как в уже сформировавшихся учебниках.

Путь обучения через эссе, очерки предложил наш отечественный экономист Андрей Аникин. Так что такой подход не является революционным, а представляет собой возврат к отечественной традиции. Однако в процессе работы возникли проблемы пропагандистского характера. Разные редакционные коллективы, представляющие разные школы, фактически выплеснули свой дискурс на страницы создаваемого учебника.

Увы, не только учебники, но и всё нынешнее экономическое образование напоминает попытку научить человека ориентироваться в густом лесу, используя лишь сложные математические формулы, описывающие идеальную кривизну деревьев и плотность листвы, полностью игнорируя реальные тропы, исторические карты местности и приметы погоды.

Реформа призвана заменить эти абстрактные формулы на живую, проверенную триаду: теория (понимание процессов), статистика (реальные данные) и история (контекст и опыт), — чтобы человек мог не просто видеть отдельные деревья, но понимать, как устроен весь лесной массив.

Попробую сформулировать базовые условия по созданию необходимого учебника:

- 1) не перегружать студентов информацией. Конечно, обучаемый должен понимать размерность чисел — что такое миллиард долларов или триллион рублей. Но в каждом случае очерка для погружения в материал нужны ассоциативные примеры;
- 2) экономику надо преподносить через единственно оправданные числа — числа статистики, через историю. В экономике нет правильных или неправильных теорий. Они все — достояние экономической науки;
- 3) показать необходимость протекционизма. Защищая слабые экономики, вся мировая торговля активно развивается вместе со страной, воспользовавшейся таможенными ограничениями;
- 4) гегемония. Это не экономические факторы, работающие на самых высших эшелонах.

нах власти. Это не конспирология, а фактор силовой конкуренции — например, взрыв «Северных потоков»;

- 5) все экономические теории — это ответы на драмы и кризисы. Например, теория Маркса — это реакция на дикий капитализм, кейнсианство — на Великую депрессию;
- 6) ограниченность математики. Теория спроса и предложения остаётся единственной, где действительно работает математика. Всё остальное — наукообразная фикция;
- 7) и нужны также навыки работы с экономической статистикой.

Суть кризиса в образовании и науке

Математизация создаёт ложное впечатление, будто экономика — это «точная» наука, хотя, по мнению критиков, это механистическая попытка, оказавшаяся негодной и приведшая к кризису. Напротив, экономика является социальной наукой, принципиально отличающейся от естественных наук. А сами экономисты часто пренебрегают наблюдениями за реальностью. Современные курсы экономики носят мифологический характер. Не дорожат реальностью, особенно в тех разделах, которые относятся к политической и социальной сферам.

Приведу примеры нескольких подобных мифов, из которых и состоит основная часть экономических курсов для университетов и школ. Все знают такое понятие, как невидимая рука рынка. Описание сверхъестественной силы, которая почему-то всем управляет. И мы привыкли к этому, хотя очевидно, что невидимая рука управляет процессами спроса/предложения, а конкретные решения конкретных людей. Иногда эти решения нерациональные, иногда они нечестные. Тем не менее метафора, придуманная Адамом Смитом больше двухсот лет назад, теперь во всех наших головах. И мы к этому относимся как к какому-то закону природы. И рынок эффективен, внушают нам, ни в коем случае нельзя вмешиваться в работу рынка — либеральная концепция, последние годы она называется неолиберальной — ни в коем случае ничего нельзя планировать.

Однако есть примеры планирования. В СССР разрабатывались пятилетние планы аж в 1928 году. И благодаря их выполнению экономика СССР смогла победить в 1945-м экономикой почти всей Европы под диктатурой Гитлера. У Китая, освободившегося от оккупации Японии в союзе с СССР и при помощи США, пятилетние планы с 1953 года. Не сразу, но последние 30 лет Китай демонстрирует феноменальные успехи, и там по-прежнему работают пятилетние планы, которые более или менее точно выполняются. Южная Корея — это не социалистическая страна, там нет коммунистической партии, как в Китае. С 1962 года в стране фактически была мобилизационная экономика. Более жёсткая, чем даже не только современная китайская, но чем сталинская экономика. При этом Южная Корея — это пример колоссального экономического успеха.

В США (мы привыкли полагать, что там чистый рынок) все планирование — как план Рузвельта, Манхэттенский проект, полет на Луну и прочее — осталось в прошлом. Но в 2022 году принят план развития полупроводниковой отрасли, производство чипов. А в чём дело? Проблема в Тайване — китайской территории, что рано или поздно вернётся в состав Китая. Чипы для всего мира производятся на Тайване. Если там будет война, Америка потеряет чипы, и она принимает план инвестиций на 200 млрд долларов, из них 52 млрд — это государственные субсидии. Это чистейший госплан.

США, конечно, не планируют производство расчёсок и заколок, но они жёстко планируют расшивку узких мест, угрожающих их гегемонии.

Демократия как условия развития

Есть ещё один миф, чем-то напоминающий учебник по политэкономии социализма из моего студенческого прошлого. Экономический прогресс и процветание возможны только в условиях демократии. Если мы посмотрим экономическую историю — вы помните модели теории, статистики, истории, — мы не найдём ни одного примера эко-

номического взлёта в условиях масштабной демократии. Германия — это взлёт в XIX веке без всякого намёка на демократию с опорой на милитаризованную олигархию. Великобритания — это аристократическая олигархия. Мы можем перебирать разные страны и разные годы. Возьмём XX век, Японию — нет там никакой демократии, это жёстко олигархическое государство до сих пор во главе с императором. Южная Корея — там просто диктатура, жёсткая диктатура.

Очень часто приводят успехи Сингапура. Здесь правил Ли Куан Ю, который из небольшого острова с нищим населением создал «азиатского дракона». Вот его цитата: «Меня часто обвиняют в том, что я вмешиваюсь в жизнь граждан. Да если бы я не делал этого, мы бы не добились того, чего мы смогли добиться на сегодняшний день. И я говорю без намёка на сожаление, что мы не добились бы такого экономического прогресса, если бы я не вмешивался в личные дела. Кто ваш сосед? Как вы живёте? Почему вы шумите? Как вы плюёте? И на каком языке говорите? Мы решаем, что правильно. Неважно, что думают люди».

Коммунистам при Сталине присниться не могло, что они будут следить за тем, как люди плюются. Это жёсткий режим, жёстче, чем был в нашей стране при советской власти. Какая уж тут демократия? Ещё раз говорю: примеров, когда демократия и экономический взлёт сочетаются, практически нет.

А США? Нам рисуют пасторальную картинку. Но посмотрите на другую сторону медали — уничтожение индейцев в XIX веке. Их было в стране от 2 до 10 млн человек, толком никто не знает и уже, видимо, знать не хочет. Зато известно, сколько их осталось в конце XIX века, когда была проведена перепись, — 200 тыс. Было уничтожено несколько миллионов человек. Миллионы индейцев были просто убиты, чтобы освободить для переселенцев 3 млн кв. км земли.

Этот вопрос не означает, что нам нужно отказаться от демократических институтов сегодня. Мы уже прошли период первичной модернизации — в конце XIX века и в советское время. Мы уже развитая страна. Но мы долж-

ны честно сказать студентам: связка «демократия = богатство» исторически ложна. Мы развивались, как и все другие страны, в жёстких условиях, и стесняться здесь нечего.

Свободная торговля и глобализация капитала

Есть другой распространённый миф — капитал не имеет отечества, как пролетариат Маркса в XIX веке. Это ложный тезис. В 2008 году, совсем недавно, разразился серьёзный мировой кризис, и вдруг оказалось, что все мировые компании — международные официальные огромные компании — имеют отечество, они побежали к своим правительствам просить помощи. Немецкие побежали в Берлин, американские — в Вашингтон, французские — в Париж, и им была оказана помощь. Тогда же автомобильная компания «Опель» была в очень тяжёлом состоянии. Российский бизнес при поддержке российских властей обратился к компании «Опель» и к немецким властям с предложением выкупить компанию. Отечества же нет, это международный бизнес. В ответ получили твёрдое «нет». Потому что это компетенции и технологии, это не вопрос рынка.

А как же «свободная международная торговля и переток капитала, безусловно полезный для всех»? Ведь надо во что бы то ни стало стремиться к открытию границ, к свободному перетoku товаров и капитала. Это теория Давида Рикардо и повсеместно используемая его цитата: «В свободе торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды. Это преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует общей выгоде всех».

Именно этот принцип объясняет нам со страниц учебников, почему вино должно производиться во Франции и Португалии, почему хлеб должен возделываться в Америке и Польше, а различные металлические изделия и другие товары должны изготавливаться в Англии. Сразу уточню, что в металлических изделиях больше добавленной стоимости, а в вине и зерне, конечно, меньше. *Рикардо*

написал свой знаменитый очень глубокий интересный труд по заказу английского правительства. Фактически перед нами пропаганда. И у Давида Рикардо нет ответа на вопрос, как же так получилось, что Португалия вынуждена производить только вино, а Англия до последнего времени производила металлические изделия. И эта ситуация не история. Почему сегодня толпы голодных мексиканцев бегут в США вместо успешного выращивания бобов, бананов и агавы для текилы на своей необъятной территории?

Нам сказали в начале 90-х годов, что здесь, в России, надо нефть и газ производить, а все остальное можно купить. Это прямо концепция Рикардо из учебников. И нам потребовалось несколько десятилетий, чтобы понять, что так невозможно. У нас только с начала специальной военной операции хватились: подшипников нет. Мы подшипники не производим — и как будем танки ремонтировать? Спасибо, что в Белоруссии сохранилось производство подшипников. Это прямое следствие вульгарного понимания, как устроена международная торговля. А у нас, в России, это написано во всех учебниках — протекционизм вреден. Если изучить экономическую историю, все страны,

достигшие экономического успеха, подчеркну — все, использовали протекционистские меры. Более вопиющего противоречия между теорией и реальностью нет, как нет об этом и в большинстве учебников.

Гегемония

Можно продолжить этот проблемный круг. Сегодня почти все обитатели общественной сферы, преподаватели, журналисты, работники разных отраслей, областей хозяйства, государственные служащие, менеджеры крупнейших корпораций, наконец, основная часть нас всех, обывателей, находится в плену мифов, которые я показал. Проблема-то в том, что это не безобидные мифы, это мифы, на самом деле составляющие колониальную идеологию. Это не просто ошибки, это мифы, которые навязывают определённый тип мышления, определённые мировоззрения. Навязывание происходит через учебники, школьные, университетские, через курсы и стажировки.

Я приведу длинную цитату из выступления президента В. Путина на церемонии подписа-

ния документов о вхождении в состав России новых территорий: «Запад готов переступить через всё для сохранения той неоколониальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счёт власти доллара и технологического диктата. Собирать человечество в настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона. Алчность, намерение сохранить ничем не ограниченную власть являются истинными причинами гибридной войны, которую коллективный Запад сейчас ведёт против России. Западу критически важна тотальная десуверенизация. Отсюда их агрессия к независимым государствам, к традиционным ценностям, к самобытным культурам. Запад начал свою колониальную политику ещё в период Средневековья. Затем последовала мировая работорговля, геноцид индейских племен в Америке, разграбление Индии, Африки, войны Англии и Франции против Китая, в результате которых он был вынужден открыть свои порты для торговли опиумом. Они подсаживали целые народы на наркотики, целенаправленно истребляли целые этносы ради земли и ресурсов. И это очень жёсткая историческая оценка того, что происходило в хозяйственной в первую очередь сфере в последние столетия».

Здесь нет ни слова пропаганды. Рента гегемона — это выгода, которую получает этот гегемон за счёт власти и доминирующего положения. Гегемон устанавливает правила, которые выгодны ему, и навязывает их как «общие». Сегодня это власть доллара, раньше была власть фунта стерлингов и голландского гульдена. Не в конкурентной борьбе через открытые границы, а используя границы, чтобы использовать свою власть для вытягивания ресурсов, в том числе и финансовую власть. И эта власть ничем не ограничена, говорит Путин.

Суверенитет — это очень простое понятие: это свобода от внешнего угнетения. Когда никто не командует здесь, у нас, или в какой-то другой стране, как людям жить.

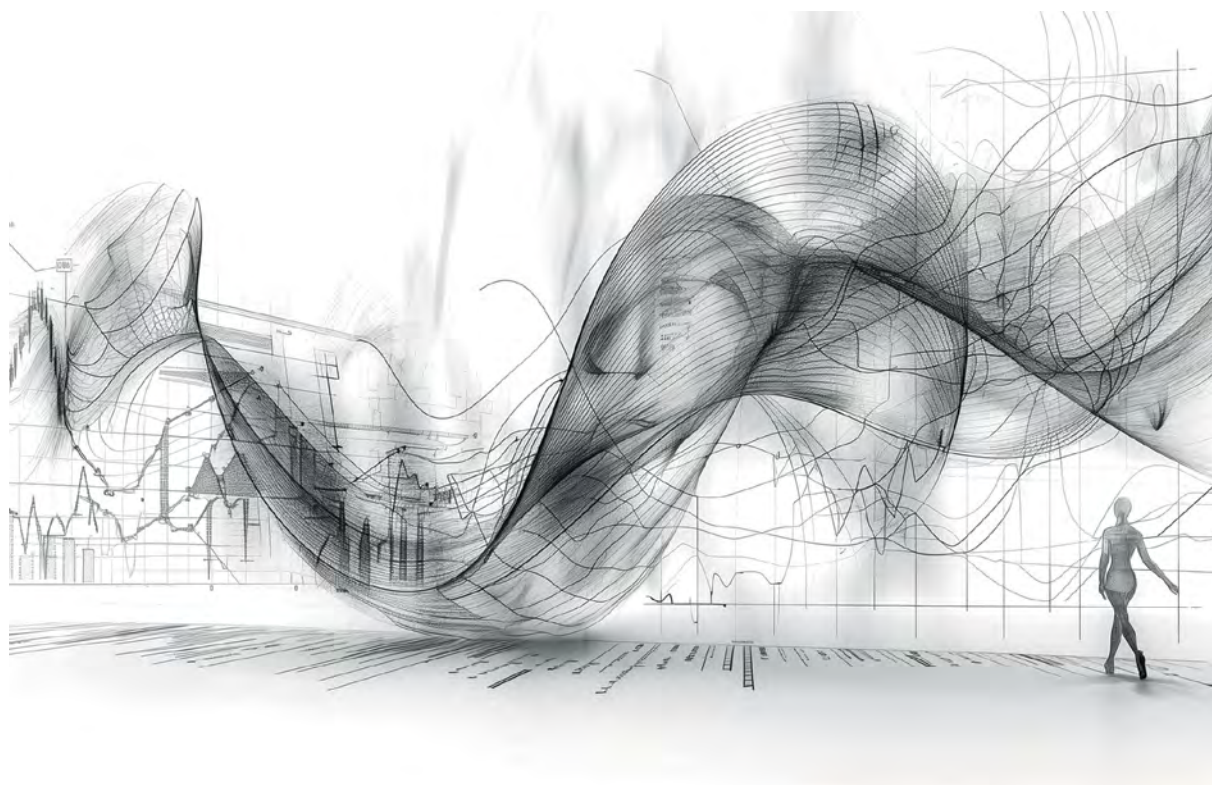
Путин говорит на языке не публицистики, не тем более пропаганды. Это язык макросоциологии, язык миросистемного анализа. На

Западе многие занимаются таким же трезвым анализом. Спросите, а почему же на Западе позволяют им этим заниматься? Потому что кроме учебных курсов пропагандистского, колониального характера они не отказываются от настоящей науки.

Итальянец Джованни Арриги, сам из очень богатой семьи, посвятивший всю свою жизнь науке, утверждал: «Гегемония понимается как господствующая власть, господствующая над системой государства, но не только чистое господство. Эта власть включает в себя духовное и нравственное руководство». Это творческое продолжение утверждения Антонио Грамши, изучавшего итальянский фашизм: «Это похоже на макиавеллиевское представление о власти как сочетании согласия и принуждения. Принуждение означает применение силы или угрозу возможного применения силы, согласие означает нравственное руководство». То есть доминирующая элита удерживает власть не только через экономические и политические институты, но и через контроль над идеями, культурой, образованием и медиа.

Триединство экономики

Мы очень рано стремимся построить какую-то собственную теорию экономики будущего, ее многомодельный уклад. Мы только-только как бы трезвость обретаем, только-только наконец поняли, что «Экономикс» — это не Святое Писание. Мы только-только пытаемся создать учебники, адекватные духу времени и нашему, российскому, духу. Фундаментальная задача образования заключается не только в развитии профессиональных навыков и компетенций, но и в формировании целостного мировоззрения. Чем больше навыков у специалиста, тем он ценнее, но есть ещё очень важное понятие — мировоззрение. Образование без формирования мировоззрения — это половинчатое образование: и школьное, и университетское. Об этом мы говорим последние годы, об этом «Основы российской государственности» и создаваемые новые курсы по философии, экономике. Конечно, они должны между собой иметь корреляцию. Не только учебник по экономике

должен объяснить идею предпринимательства — «Не может дерево худое давать плоды добрые».

В экономике похожие идеи встречаются в теориях институционализма и в анализе роли стимулов для роста. Шумпетер, например, подчёркивает, что инновации и предпринимательская активность требуют благоприятной инфраструктуры и институтов. Он утверждает, что мотив предпринимателя, почему он делает это, — «прежде всего это мечта и воля основать свою частную империю». Второй мотив связан с волей к победе. Сюда входит, с одной стороны, желание борьбы, а с другой — стремление к успеху ради успеха. Ну, вероятно, и деньги с прибылью имеют значение. Наконец, третий важный мотив связан с радостью творчества, которая проявляется и в других случаях, только здесь становится определяющим моментом поведения. Это позитивные мотивы — создать нечто, достичь успеха, творческого успеха. Безусловно, если бы этих мотивов предпринимательской деятельности не было, не было бы добрых плодов капитализма на протяжении последних столетий. Поэтому, не разобравшись, не надо осуждать бизнес. Он разный, и в том числе российский бизнес. Огромная часть российского бизнеса

— это очень достойные люди. Одно дело — глобальные исторические процессы, циничные процессы, а другое дело — те предприниматели, которые вокруг нас и которые зачастую приносят огромную пользу, да, при этом, может быть, зарабатывая деньги, но они ведь рискуют.

Возвращаясь к теме учебника, ещё раз подчеркну и то, что писал великий Шумпетер об экономике: теория, статистика, история. Очень важен анализ экономических циклов и длинных временных рядов. Это я обращаюсь к тем, кто более или менее профессионально занимается экономикой. Анализ длинных временных рядов — он даёт нам биение пульса экономики. Доктор смотрит кардиограмму и понимает, чем болен человек. Длинные временные ряды — это как кардиограмма. Если старые учебники экономики похожи на высокоточный, но бесполезный прибор, измеряющий температуру в вакууме, то новая методология, основанная на триаде Шумпетера, предлагает, образно говоря, кардиограмму живого сердца экономики. Используя историю как ткань, теорию как логику и статистику как реальные показатели, мы можем понять ритм, циклы и реальные вызовы хозяйственной жизни. Альтернатива — это хронический догматизм. ●

Протекционизм, развитие промышленности и благосостояние — примеры экономической истории и современной экономики

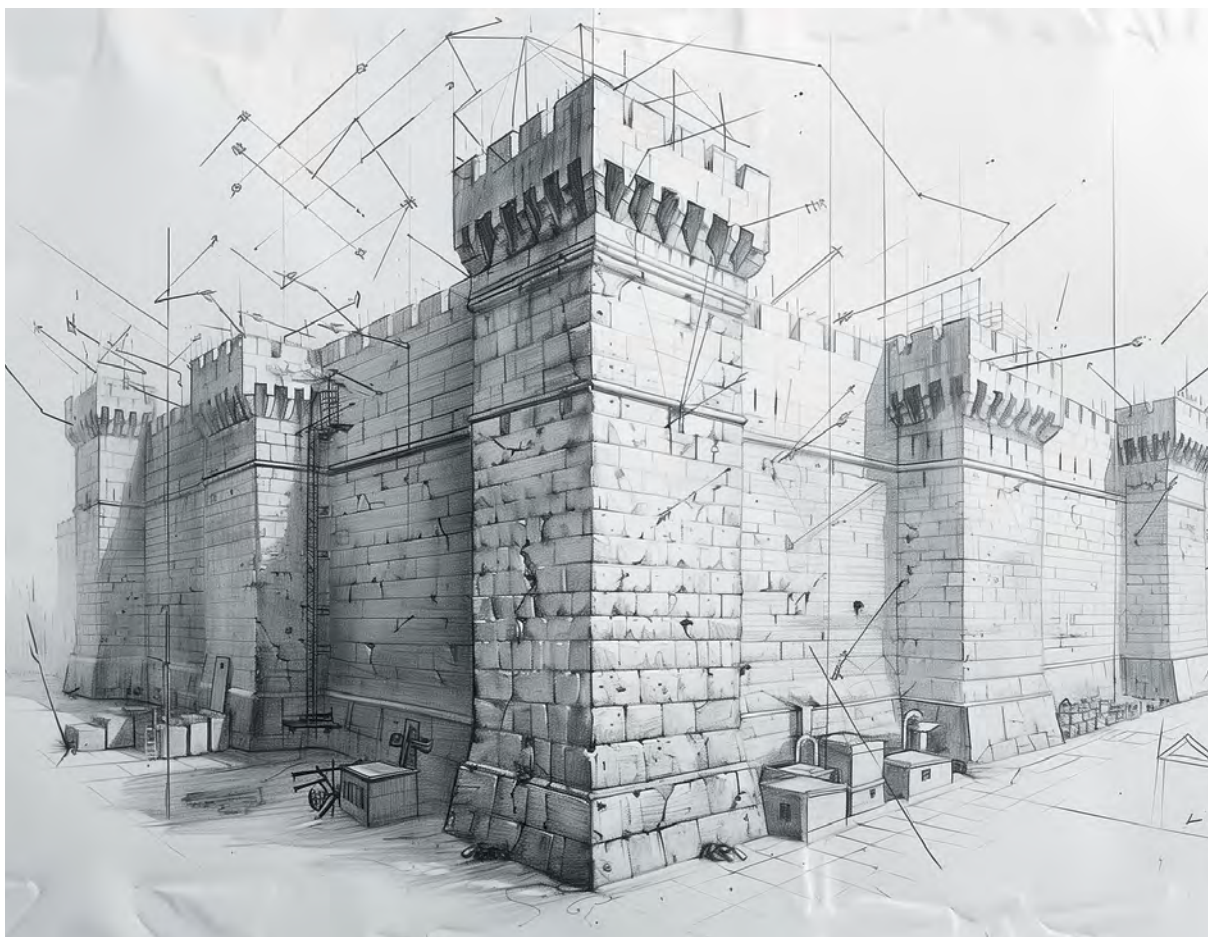
Ю. В. Кузовков,
кандидат экономических наук

В свете значительного повышения импортных пошлин, начатого США в 2025 году (причём его целью президент США Д. Трамп называет реиндустриализацию страны), вновь приобрел актуальность вопрос о влиянии тарифной политики на развитие промышленности. Среди экономистов на этот счёт существуют две полярные точки зрения. Сторонники либеральной экономической школы, господствующей ныне на Западе, утверждают, что режим свободной торговли способствует развитию промышленности, а сторонники протекционизма утверждают обратное.

Необходимо, однако, сделать оговорку. В действительности взгляды Адама Смита, основателя либеральной школы, по данному вопросу были не совсем такими, какими их сегодня пытаются представить. На самом деле он признавал, что протекционизм способствует развитию, по крайней мере, тех отраслей промышленности, которые защищены импортными пошлинами. Так, он писал в «Богатстве народов» (кн. 4, гл. 2): «Запрещение ввоза из-за границы живого скота или солины обеспечивает скотоводам Великобритании монополию внутреннего рынка мяса. Высокие пошлины на ввозимый хлеб... дают та-

кое же преимущество производителям этого товара. Запрещение ввоза иностранных шерстяных изделий столь же выгодно шерстяным фабрикантам. Шелковое производство... недавно добилось такого же преимущества... Не может подлежать сомнению, что такая монополия внутреннего рынка часто служит большим поощрением для отрасли промышленности, пользующейся ею...»

Главный его аргумент против протекционизма заключался в том, что такая промышленность, созданная под таможенной защитой, не способствует увеличению богатства (накоплению капитала). Данный аргумент Смита был еще в середине XIX века подвергнут критике со стороны Фридриха Листа, главного автора теории протекционизма — экономического учения, альтернативного либеральной экономической школе. Сегодня с критикой данного положения Адама Смита выступают современные сторонники протекционизма. Они пишут, что, вопреки утверждениям Смита, только развитие промышленности, приводя к увеличению произведённой в стране добавленной стоимости, способствует росту её богатства и благосостояния, без промышленности нация обречена на бедность и массовую безработицу. Кроме того, они доказывают, что развитая промышленность может быть создана лишь при проведении государ-

ством соответствующей протекционистской политики, а режим свободной торговли не только не способствует её созданию, а наоборот, приводит к разрушению существующей промышленности.

В свою очередь, современные последователи либеральной экономической школы в своих аргументах идут намного далее, чем Адам Смит, и утверждают, что именно политика свободной торговли способствует не только увеличению богатства страны, но и развитию её промышленности и экономическому росту, а протекционизм, наоборот, оказывает на них отрицательное влияние.

Как представляется, решить этот спор между двумя противоборствующими течениями в экономической науке могут лишь конкретные исследования, основанные на реальных фактах и примерах экономической жизни. Ни логические аргументы, в изобилии приводимые той и другой стороной, ни ссылки на научные авторитеты вроде Смита и Рикардо не могут являться бесспорным доказательством. Ниже приводятся результаты такого исследования, проведённого на основе синтеза экономиче-

ской истории и современных тенденций в экономике¹. Все приводимые исторические примеры сопровождаются ссылками на научные труды историков и экономистов.

Примеры проведения политики протекционизма

Ранние примеры протекционизма (XVII–XIX века)

Протекционизм как форма стимулирования национальной промышленности применялся в целом ряде стран, начиная с середины XVII века. Ниже представлены краткие характеристики торговых мер и их макроэкономических последствий в этих странах. В качестве ключевых параметров отражены приме-

¹ Более подробно указанные в настоящей статье примеры описаны в книге автора (Кузовков Ю. В. Теория национальной демократии. Новая экономическая, социально-историческая и демографическая концепция, основанная на историческом анализе и синтезе. Lambert Academic Publishing, Saarbruecken, 2012; глава V).

Протекционизм: меры и результаты в странах Европы и Северной Америки (XVII–XIX века)

Страна / Период	Меры	Результаты
Англия (1690–1840)	Пошлины до 50%, запреты на импорт ряда готовых изделий	Промышленная революция: рост производства текстиля и металлургии, повышение зарплат и уровня жизни, снижение безработицы, быстрый рост городского населения
Пруссия, Австрия, Швеция (1650–1800)	Запретительные импортные пошлины после 30-летней войны	Быстрое развитие промышленности, рост благосостояния
США (1808–1914)	Эмбарго (1808–1816), затем повышение среднего уровня пошлин до 40–44% (1867–1914)	В начале периода промышленности в США практически не было, а к его концу США — промышленная держава № 1, по уровню ВВП превзошла другие страны в десятки раз
Россия (1822–1856)	Запрет импорта тканей и металлоизделий, высокие пошлины	Рост машиностроения в 33 раза, текстильной продукции в 30 раз, рост производительности труда в 3 раза, рост городского населения
Германия (1879–1914), Франция (1892–1914)	Высокие пошлины на импорт готовых изделий	Быстрый промышленный рост, Германия превратилась во вторую экономику мира после США, Франция приблизилась к Великобритании по уровню развития
Россия (1887–1914)	Высокие импортные пошлины	Быстрый рост обрабатывающей промышленности, за первые 13 лет действия тарифа (1887–1900) производство чугуна, стали, нефти, угля выросло в 3,5–5 раз, сахара — в 2 раза

Таблица 1.

няемые инструменты протекционизма (тарифы, эмбарго, запреты на импорт) и достигнутые результаты в промышленной сфере (темпы роста производства, структурные сдвиги, социальные эффекты).

Как видно из представленных примеров, наиболее интенсивный рост промышленности, формирование новых отраслей и повышение благосостояния происходили в условиях действия активной протекционистской политики. Данные исторические примеры показывают, что именно протекционизм являлся движущей силой индустриального развития на ранних этапах развития национальных экономик.

Рост промышленности на Западе в XX веке

После Великой депрессии и Второй мировой войны США и страны Западной Европы перешли к активной протекционистской политике. Импорт ряда промышленных изделий

был запрещён или ограничен, введена система субсидий для промышленности. Так, в 1949–1950 годах количественные ограничения применялись в отношении 50% всего импорта ФРГ. Протекционистские меры в виде количественных ограничений импорта, высоких импортных пошлин и субсидий проводились странами Западной Европы и США вплоть до конца 1960-х годов.

В этот же период мы видим беспрецедентный промышленный рост во всех указанных странах, который сопровождался столь же беспрецедентным ростом ВВП и благосостояния. ВВП США с 1940 по 1969 год вырос в 3,7 раза, что для страны является абсолютным рекордом. В ФРГ с 1950 по 1955 год национальный доход ежегодно увеличивался в среднем на 12%, а с 1948 по 1965-й объём промышленного производства страны увеличился в 6 раз. Во Франции и Италии темпы прироста промышленного производства в 1950-е годы достигали 8–9% в год. Среднегодовые

темпы прироста ВВП в течение 1950–1970 годов в целом по всем странам Западной Европы составили 4,8%. Безработица к 1960-м годам снизилась в среднем по Западной Европе до 1,5%, а в ФРГ составляла всего лишь 0,8% от трудоспособного населения страны.

Развивающиеся страны:

рост на фоне ограничения торговли

Есть ряд примеров «спонтанной» индустриализации, осуществлённой развивающимися странами под влиянием приостановки внешней торговли с Западом. Как пишет Э. Райнерт, во время Второй мировой войны промышленные товары из США и Европы перестали поступать в Латинскую Америку, и это спровоцировало индустриализацию региона. А в Родезии/Зимбабве международный бойкот режима белого меньшинства привёл к индустриализации и стремительному росту реальной заработной платы жителей страны. В обоих случаях эффект от эмбарго или временного прекращения внешней торговли оказался подобен введению режима протекционизма и привёл к промышленному развитию и росту благосостояния.

Что касается в целом ситуации, сложившейся в первые послевоенные десятилетия, то, поскольку в то время не существовало универсальных правил, предписывающих какой-то определённый алгоритм действий (которые появились позднее), многие развивающиеся страны вслед за ведущими странами Запада устанавливали высокие импортные пошлины и применяли иные меры протекционизма. Лишь начиная с 1970–1980-х годов ВТО и МВФ стали предъявлять к этим странам жёсткие требования, включающие отмену импортных пошлин и других мер протекционизма. Соответственно, до того как повсеместно были введены эти требования, развивающиеся страны демонстрировали очень высокие темпы экономического роста и роста благосостояния. В. Росту в своём обзоре с удивлением отмечал, что темпы роста промышленности и экономики развивающихся стран в течение 1950–1960-х годов были даже выше, чем беспрецедентно высокие темпы роста развитых стран Запада. В последующем, после отказа от политики протекционизма, темпы роста в этих странах резко упали.

Примеры проведения политики свободной торговли

Прежде чем переходить к примерам проведения политики свободной торговли, относящимся к последним столетиям, необходимо отметить, что, в сущности, эту политику государства проводили и ранее, в течение столетий и даже тысячелетий. Первые упоминания о введении импортных пошлин и запретов импорта и экспорта в целях защиты собственного производства относятся к Византии XIII века, северной Италии и Каталонии XIV–XV веков, а также Англии с конца XV века, до этого мы нигде не встречаем подобной системной политики. Поэтому во всех странах, где только существовала рыночная экономика, начиная от Вавилона, Афинской республики и Древнего Рима, она развивалась в условиях свободной, т.е. ничем не ограниченной внешней торговли, как правило, облагавшейся лишь небольшими портовыми сборами². При этом никогда ни о каком развитии промышленности не было и речи — во всех этих государствах доминировало сельское хозяйство, а промышленность и ремёсла играли подчинённую роль. Таким образом, за те тысячелетия, в течение которых мир жил в условиях свободной торговли, до возникновения самого понятия протекционизма и применения его на практике (т.е. до XIII–XIV веков), нет ни одного примера сколько-либо существенного развития промышленности, несмотря на ряд технических изобретений, высокий уровень развития сельского хозяйства, высокую общую культуру и другие достижения древних цивилизаций³.

Упадок без протекционизма:

опыт Италии и Испании

В течение XIV–XV веков в Италии и Испании была создана достаточно передовая для

² Так, внутри Римской империи, за исключением нескольких восточных провинций, торговля осуществлялась беспошлинно; никаких запретов торговли не существовало; портовый сбор составлял 2–2,5% от стоимости товара.

³ Так, в античности были изобретены: водяное колесо, бетон, водяной насос, а также паровая машина (в I в. н.э. в Александрии) и высокопрочное углеродистое железо (в Карфагене), заново открытые лишь в XIX–XX веках. Большинство этих изобретений в ту эпоху не нашло применения в практике.

Страны, утратившие промышленный потенциал вследствие отказа от протекционизма (XVII–XIX века)

Страна	Исторический контекст	Торговая политика / внешнее воздействие	Последствия
Польша-Литва (XVI–XVIII вв.)	Развитая промышленность в XV в. Начало активного участия в торговле с Западной Европой с XVI в.	Политика свободной торговли. Рост экспорта зерна в Западную Европу более чем в 10 раз	Деиндустриализация. Сокращение городского населения в 4 раза, обнищание населения
Голландия (XVII–XVIII вв.)	XVI в. Превращение в центр мировой торговли. Иммиграция ремесленников — развитие промышленности	Свободная торговля без импортных пошлин. НО: тарифная защита АПК, субсидии бизнесу	Промышленный спад (конец XVII в.) Деиндустриализация (XVIII в.), «голландская болезнь», обнищание
Османская империя (XIX в.)	Греческое восстание. Поражение в войне с Англией и Россией: освобождение Греции	Договор о свободе торговли с Великобританией (1838 г): размер импортных пошлин — не более 3%	Разрушение ремесел и промышленности. Отпадение новых регионов, затем — распад империи.
Китай (XIX в.)	Поражение в «опиумной войне» с Великобританией (1839–1842 гг.)	Договор о свободе торговли 1842 г.: открытие портов, низкие пошлины, свободная торговля опиумом	Упадок ремесел, деиндустриализация, массовая наркомания, обнищание
Индия, Западная Африка (XIX в.)	XIX в. Превращение в колонии Великобритании	Навязанная свобода торговли, ввоз английских промышленных товаров	Крах текстильной промышленности и ремесел, массовое обнищание

Таблица 2.

того времени промышленность, чему способствовала политика протекционизма, проводившаяся рядом городов этих стран. Однако начиная с XVI и вплоть до XIX века обе эти страны отказались от проведения протекционистской политики. И очень скоро последовал крах их промышленности. «Если в 1600 году Северная Италия ещё была одним из развитых промышленных центров Европы, — пишет И. Валлерстайн, — то уже к 1670 году она превратилась в отсталую сельскохозяйственную окраину, поражённую депрессией. Промышленность была практически полностью уничтожена. Так, если в Милане в 1619 году было около 60–70 мануфактур, выпускавших шерстяные ткани и изделия из шерсти, то к 1709 году уцелела лишь одна мануфактура».

Как указывает И. Валлерстайн, уже к середине XVII века Толедо как главный центр ис-

панской текстильной промышленности был практически уничтожен; такая же судьба постигла Сеговию и Куэнку; упадок происходил также в металлургии и судостроении; произошла полная деиндустриализация страны. Историк Э. Гамильтон пишет, что объём производства шерстяной промышленности Толедо ко второй половине XVII века сократился на $\frac{3}{4}$; практически исчезли процветавшие прежде производства изделий из стали, меди, алюминия и т.д.

Упадок без протекционизма — Польша — Литва, Голландия, Османская империя, Китай, Индия, Западная Африка

Мы видим, что целый ряд стран, успешных и развивших собственную промышленность (в числе которых такие империи, как Испанская империя, Речь Посполитая, Османская импе-

рия, Китай), которые отказались от протекционистской политики и проводили политику свободной торговли — либо добровольно, либо в результате внешнего принуждения или колонизации, — в результате такой политики пришли в полный упадок. Первоначально возникала зависимость от внешней торговли, за чем следовала деиндустриализация, резко сокращалось городское население, происходило его обнищание. В конечном итоге это привело к уничтожению самих этих империй, которые исчезли с политической карты мира.

Идеология свободной торговли: от мифа к последствиям

Великобритания в середине XIX века начала настоящий «крестовый поход» за свободу торговли. В этот период повсюду в Европе были образованы «группы давления» и общества свободной торговли, как правило, руководимые англичанами, но состоявшие в основном из местных кадров. В итоге «именно под нажимом этих национальных групп давления и иногда также под более прямым воздействием со стороны Великобритании большинство европейских государств снизило таможенные тарифы». Англичане уверяли всех, что свободная торговля принесёт всем их партнерам процветание, однако сама Великобритания прекрасно понимала истинную цель этой кампании. Вследствие свободной торговли, говорил представитель партии вигов в английском парламенте в 1846 году, Англия превратится в мастерскую мира, а «иностранцы станут для нас ценными колониями, при том что нам не придётся нести ответственность за управление этими странами».

Как видно из приведённой инфографики, политика свободной торговли во всех приведённых примерах привела к депрессии, за исключением самой Великобритании, в середине столетия (1845–1870 годы), когда все европейские страны либерализовали свою торговлю и более развитая английская промышленность получила конкурентные преимущества. Однако сразу же после введения протекционизма в этих странах последняя погрузилась в затяжную депрессию, стоившую Великобритании утраты её статуса ведущей промышленной державы.

Современная глобализация (1970–2020-е годы)

В конце 1960-х — начале 1970-х годов произошёл резкий переход от политики протекционизма, проводившейся странами Запада, к политике свободной торговли. Начало этому переходу положил Кеннеди-раунд (серия международных конференций в рамках ГАТТ в 1964–1967 годах), заложивший основы современной системы ВТО и обязавший страны, присоединившиеся к этой системе, резко снизить импортные пошлины. Было подсчитано, что снижение среднемирового таможенного тарифа по итогам Кеннеди-раунда составило 38%, по итогам последовавшего за ним Токио-раунда (1973–1979) — 33%, по итогам Уругвайского раунда (1986–1994) — 38%. Либерализация торговли положила начало тем процессам, которые получили название «глобализация».

Оставляя в стороне прочие последствия глобализации и концентрируясь только на промышленности и благосостоянии, можно констатировать, что, как и в предыдущие периоды перехода от политики протекционизма к политике свободной торговли, произошёл перелом тенденции: быстрый рост промышленности сменился стагнацией. В странах Западной Европы и США началась деиндустриализация — упадок промышленности или её перенос в другие страны.

Среднегодовые темпы роста ВВП развитых стран Запада после этого перехода начали снижаться: с 5,1% в 1960–1970 годах до 3,1% в 1970–1980-х и 2,2% в 1990–2000-х, в последующем — составляли в среднем не более 2%.

Вместе с тем не все страны в последние 50 лет отказались от протекционизма. Ряд стран, в числе которых Китай, Индия, Южная Корея, формально вступив в ВТО, все эти годы на деле проводили политику протекционизма. Как результат — темпы роста промышленности и ВВП этих стран были намного выше, чем стран Запада. Так, темпы роста ВВП Китая составили: в 1980–1989 годах — 11,6%, в 1990–1999-х — 12,1%, в 2000–2009-х — 13,2%, в 2010–2019-х — 9,4%. В итоге доля США и ЕС в мировом ВВП упала с 60,1% в 1970 году до 43,4% в 2023-м, а доля стран группы G7 в ми-

Эволюция идеологии и последствий свободной торговли в XIX веке

Страна-период	Исторический контекст	Идеология/меры	Последствия
Великобритания (1823–1870)	Великобритания — ведущая промышленная держава мира	Пропаганда свободной торговли, снижение пошлин до 20%	Экономический спад 1825–1845 гг., затем возобновление роста экономики на фоне либерализации Европы
Западная Европа (1850–1870)	Воздействие пропаганды свободной торговли со стороны Великобритании	Франция, Германия, и другие страны Западной Европы: снижение тарифов	Экономический кризис 1870 г., затем 20-летняя депрессия
Россия (1857–1880)	Россия: поражение в Крымской войне	Отказ от протекционизма. Введение либерального тарифа в 1857 г.	Депрессия: сокращение промышленного производства и числа рабочих в 1,5 раза
Япония (1850–1890)	Интервенция стран Запада в Японию, бомбардировка портов	Договор о свободе торговли 1868 г. – открытие портов, пошлины не более 5%	Депрессия в экономике, высокая инфляция, гражданская война
Великобритания (1880–1900)	Великобритания: свобода торговли, остальная Европа: протекционизм	Введение высоких импортных пошлин в Германии, Франции, Италии, России, США (см. выше)	Упадок промышленности, отставание в новых отраслях, «голландская болезнь», рост нищеты населения

Таблица 3.

ровом производстве продукции обрабатывающей промышленности, ещё в 2004 году составлявшая 57,5%, упала до 33,6% в 2022-м, при том что доля стран БРИКС (в числе которых Китай и Индия) за тот же период выросла с 14,6 до 39%.

Краткие выводы

Выше было рассмотрено большое число, порядка полусотни, примеров со ссылками на исследовавших их ранее историков и экономистов.

Все они подтверждают одну и ту же закономерность. Она состоит в том, что только протекционистская политика, при условии правильного её проведения, во всех исследованных примерах способствовала развитию промышленности и, как результат, росту благосостояния.

Соответственно, политика свободной торговли, опять же во всех исследованных примерах, всегда в конечном счёте приводила к упадку промышленности и благосостояния. Лишь в очень редких случаях, при наличии у отдельных стран больших конкурентных преимуществ в промышленном развитии (как у Англии в середине XIX века или у США в 1970–1990-х годах), этот упадок при проведении политики свободной торговли мог быть отсрочен во времени, а в первые годы мог происходить рост благосостояния и объёма промышленного производства. В целом данные результаты подтверждают вывод, сделанный в свое время И. Валлерстайном о том, что протекционизм играет важную роль в достижении государством долгосрочных преимуществ, а свободная торговля может служить лишь «максимизации краткосрочной прибыли классом торговцев и финансистов». ●

Международные сравнения с назначенным результатом

Благодарим за поддержку Института наследия и современного общества
ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет» при выполнении исследования.

П. А. Ореховский,
доктор экономических наук, профессор

Введение

Представление о том, что различные государства (народы) можно сравнивать, а заодно впоследствии заимствовать друг у друга «лучшие практики», по-видимому, существует уже много веков. Процессы аграрной и промышленной революций привели к тому, что в оборот вошли такие показатели, как вес настриженной шерсти, количество прядильных и ткацких машин, выплавка стали, строительство (и протяжённость) железных дорог. Показатель валового внутреннего продукта на душу населения стал популярен совсем недавно, после Второй мировой войны. Ещё позже стали говорить об индексах политических свобод, свободы прессы, ведения предпринимательства и других параметрах институционального дизайна, предполагающего наличие прямых причинно-следственных связей между институтами, экономическим ростом и благополучием населения.

Во многих международных рейтингах Российская Федерация и другие члены объединения БРИКС если и не выглядят плохо, то находятся где-то на среднем уровне. Параллельно с этим в другом идеологическом пространстве присутствует утверждение о том, что Запад находится в состоянии экономической стагнации, а глобальный Юг постоянно увеличивает свой удельный вес как в мировом ВВП, так и в международной торговле.

В данной работе приводится небольшой (и неизбежно схематичный) обзор различных социально-экономических показателей небольшой группы стран (США, Великобритания, ФРГ, Франция, РФ, КНР, Индия) и предпринимается попытка их альтернативной интерпретации. Несмотря на то что рассматриваемые показатели очень близки к используемым в международных рейтингах, результаты сравнений явно выпадают как из привычного для многих обществоведов модернистского, так и альтернативного посткапиталистического¹ дискурсов. Некритическое использование российскими исследователями зарубежных индикаторов и рейтингов может привести к большим ошибкам при определении состава мероприятий социально-экономической политики.

Экономический рост, долги, оплата труда, неравенство и ротация элит

Как показал в своей недавней работе Л. М. Григорьев, преимущество стран БРИКС перед странами Запада, выраженное в темпах роста ВВП, выглядит далеко не однозначно (таблица 1).

¹ Последний способ обсуждения социально-экономических феноменов бурно развивается, причём только отчасти наследуя марксизму. В основном речь здесь идёт о работах, посвящённых платформенной цифровой экономике, необходимости ликвидации «наёмного рабства» и внедрению той или иной формы базового безусловного дохода.

ВВП на душу населения и среднегодовой прирост ВВП

Страна	ВВП на душу населения (по ППС 2021 г.), тыс. долларов			Среднегодовой прирост ВВП (ППС-2021 на душу населения), %	
	2000	2011	2023	2000–2011	2011–2023
США	55,1	60,3	73,6	0,83	1,68
Великобритания	44,8	48,9	54,1	0,80	0,85
Германия	49,8	57,7	61,6	1,35	0,59
Франция	47,6	51,3	55,2	0,69	0,61
ЕС	40,5	46,5	53,8	1,28	1,22
Россия	20,3	34,8	39,8	5,02	1,12
Китай	4,0	11,2	22,1	9,83	5,85
Бразилия	13,9	18,3	18,6	2,59	0,09
Индия	3,1	5,3	9,2	4,95	4,74
ЮАР	11,3	14,6	14,3	2,38	-0,17

Таблица 1.

Источник: Григорьев Л. М. Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики. Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 3 (7). С. 13. Расчёты автора сделаны на основе данных Всемирного банка.

Долговая нагрузка и национальные сбережения

Среднегодовые показатели, 2010–2020 гг.				
Страна	Государственный долг, % к ВВП	Долг домохозяйств, % к ВВП	Общий уровень долговой нагрузки, % ВВП	Национальные сбережения, % ВВП
США	106,27	81,74	188,01	17,63
Франция	96,59	57,93	154,52	21,89
Великобритания	115,48	91,81	207,30	16,11
Россия	13,37	17,57	30,94	29,66
Китай	46,68	46,59	93,27	46,84

Таблица 2.

Источник: данные Всемирного банка, МВФ, Евростата, ФРС, Росстата.

Темпы прироста ВВП США в 2011–2023 годах ускорились, а не замедлились, и существенно оторвались от аналогичных показателей основных европейских стран, да и ЕС в целом. В свою очередь, темпы прироста ВВП ЮАР оказались ниже нуля, а Бразилии — чуть больше нуля; в остальных странах БРИКС они существенно замедлились. На этом фоне говорить об окончании экономической гегемонии США, по-видимому, преждевременно.

С другой стороны, финансовые показатели ведущих западных стран действительно выглядят плохо, особенно на фоне показателей России и Китая (табл. 2)². Однако это практически никак не сказывается на рейтингах и, главное, стоимости международных заимствований для этих стран. Кризис 2008–2009

² Сбор данных и расчёты выполнены к.э.н., доцентом О. А. Милюшенко, которой я выражаю свою признательность за помощь.

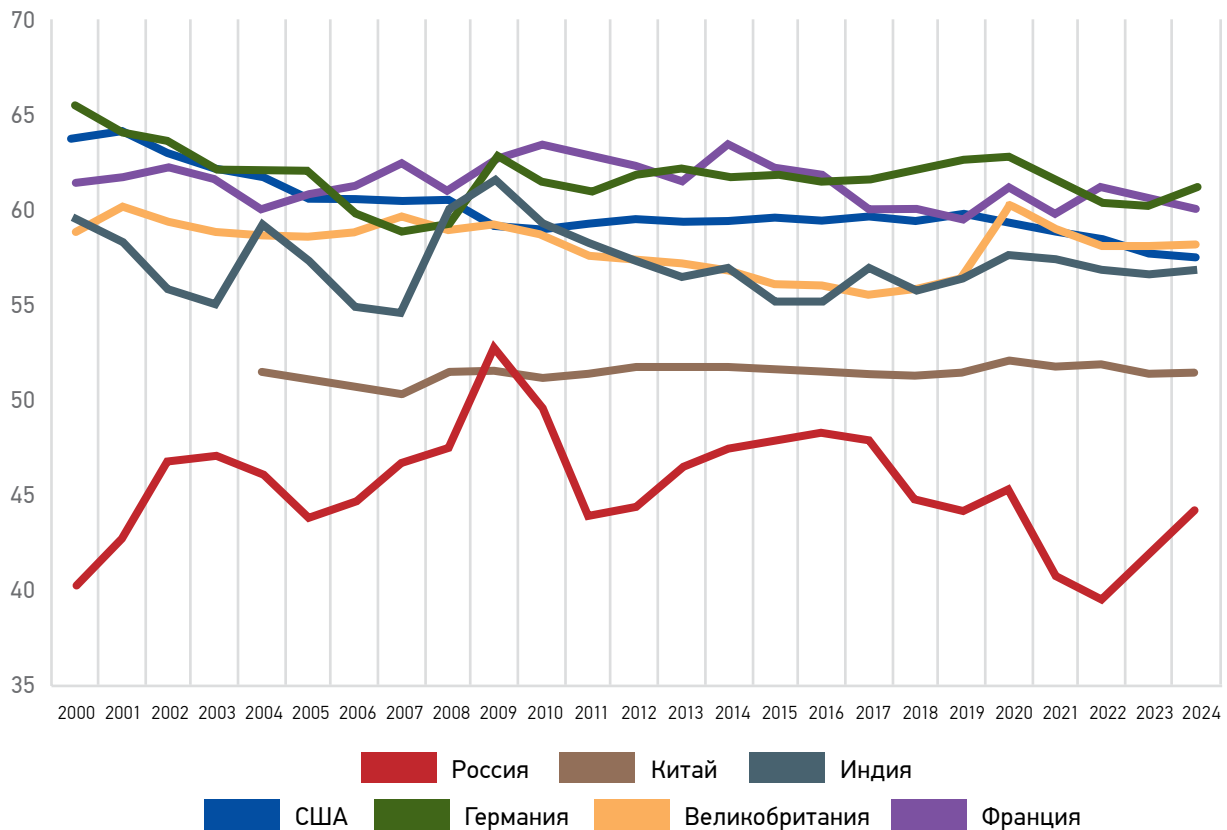

Рис. 1. Удельный вес фонда оплаты труда в ВВП Великобритании, США, Франции, ФРГ, КНР, Индии, РФ, %³.

Источник: данные Международного валютного фонда. databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 15.04.2025). Сбор данных и расчёты выполнены к.э.н., доцентом, в.н.с. ИЭ РАН И. С. Букиной, которой я выражаю свою признательность за помощь.

годов, похоже, практически не оказал никакого влияния на используемые международными институтами и рейтинговыми агентствами подходы.

Ситуация, когда инвестиционный механизм обеспечивается в первую очередь через механизм международных заимствований, а не за счёт внутренних источников, в своё время наблюдалась в социалистических Югославии, Румынии и Польше — и везде кризисы начались существенно раньше, чем в СССР. В. Штрик, анализируя современное положение западных стран, пишет о переходе к «демократии кредиторов»: логично допустить, что заимодавец имеет большее влияние на принятие политических решений, чем должник. В странах с высокой задолженностью государства и домохозяйств политики вынуждены учитывать необходимость обеспечения процентных платежей как по внутренним, так и по внешним долгам. Таким образом, политические решения могут приниматься в обход демократически избираемых органов власти,

под диктовку кредиторов. Однако это обстоятельство полностью игнорируется западными некоммерческими организациями, разделяющими государства на демократические и авторитарные политические режимы. Они используют другие критерии, во многом игнорирующие значение «прав акционеров» — большинства населения.

XXI век — это время «цифровой революции», перехода к повсеместной информатизации, где США являются одним из лидеров. Исследователи оценивают этот процесс амбивалентно. Традицией экономической теории является убеждение в том, что внедрение достижений научно-технического процесса существенно (иногда в разы) ускоряет экономический рост. Есть оптимисты, которые полагают, что появление искусственного интеллекта приведёт к новой экономиче-

³ Сбор данных и расчёты выполнены к.э.н., доцентом, в.н.с. ИЭ РАН И. С. Букиной, которой я выражаю свою признательность за помощь.

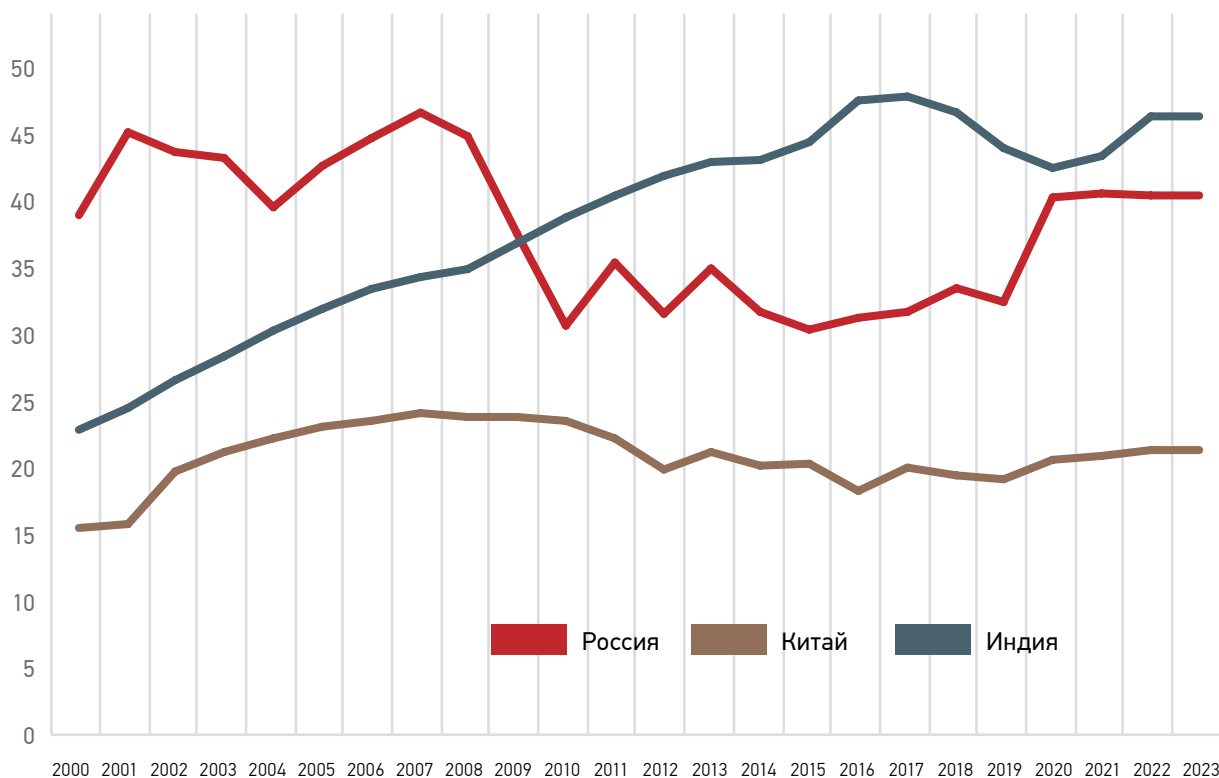

Рис. 2. Отношение доходов верхнего 1% к медианным доходам в России, КНР и Индии, 2000–2023 годы

Источник: Ореховский П. А., Кислицына О. А. Неравенство, элиты и контрэлиты (проверка некоторых положений структурно-динамической теории). *Федерализм*. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 12. Расчёты выполнены на основе данных: Alvarado F., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E. 2025. *World inequality database*. WID.world.wid.world/data (далее — база Пикетти).

ской сингулярности. Хороший обзор таких концепций представлен в недавней работе Р. И. Капелюшникова. Однако, например, в достаточно авторитетной работе Хаскелла и Уэстлейка доказывалось, что инвестиции в нематериальные активы в целом, скорее, замедляют рост. Это происходит в силу того, что часть таких инвестиций и производимых с их помощью благ не учитывается в составе ВВП. При этом сами фирмы, инвестирующие в такие активы, демонстрируют рост рентабельности, что, по-видимому, должно снижать удельный рост фонда оплаты труда в ВВП. Другие авторы вообще пишут о переходе к «поднадзорному капитализму», «технофеодализму» и техносциализму. Учитывая общий пафос этих работ, можно заключить, что в дальнейшем экономики ведущих стран мира придут к стационарному состоянию (с поправкой на растущее население).

Более десяти лет назад вышла в свет нашумевшая работа Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», где тоже доказывалось, что в дальнейшем доля труда в ВВП будет снижаться, в то

время как доля капитала станет расти. И этот процесс будет сопровождаться ростом общей дифференциации доходов. Последняя вернётся к уровням если не XVIII, то второй четверти XIX века — и прорыв к богатству, в состав нового истеблишмента, станет возможным в основном через удачные браки «по расчёту» (для иллюстрации этой мысли Пикетти обращается к романам О. де Бальзака).

Однако, если обратиться к данным международных организаций, всё выглядит несколько иначе. Рассмотрим изменение доля фонда оплаты труда в ВВП (рис. 1).

Вопреки предсказаниям, удельные веса ФОТ в ВВП КНР, ФРГ, да и Франции, в общем-то, остаются стабильными. То же самое, несмотря на колебания, происходит и в Индии, которая по этому показателю сблизилась с США и Великобританией. Собственно, сравнительно заметное и стабильное снижение наблюдается только в США, где за 24 года удельный вес ФОТ снизился на 4 п.п.

Рисунок 1 тем не менее показывает один важный феномен — аномально низкую долю

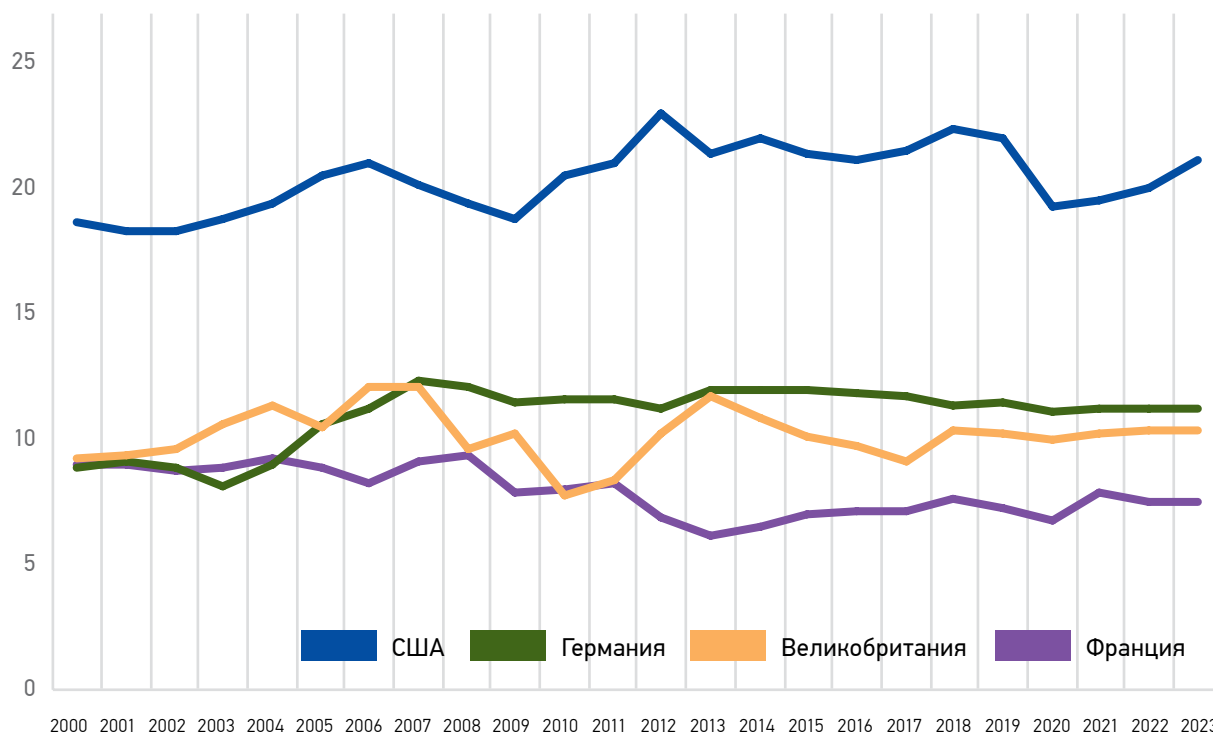

Рис. 3. Отношение доходов верхнего 1% к медианным доходам в США, Великобритании, Германии и Франции, 2000–2023 годы

Источник: Ореховский П. А., Кислицына О. А. *Неравенство, элиты и контрэлиты*. С. 15. Расчёты выполнены на основе данных базы Пикетти.

ФОТ в ВВП России. Именно в нашей стране чиновники и предприниматели дружно сетуют на дефицит рабочей силы и требуют привлечения временных работников из-за рубежа для заполнения низкостатусных рабочих мест. Но если считать, что занятость в России регулируется рынком труда, а не через бюрократические механизмы, то дефицит рабочей силы должен сопровождаться неуклонным ростом цены труда (зарплаты), что несовместимо с данными рис. 1.

Дефицит товара (услуги) на любом рынке возникает в случае отсутствия свободного ценообразования, в условиях тех или иных административных ограничений. И согласие бизнеса и государства в отношении наличия дефицита рабочей силы означает то, что занятость во многих секторах экономики России регулируется нерыночными механизмами. Стоит оговориться, что простые административные решения об увеличении оплаты труда в сфере народного просвещения и здравоохранения на уровне средней по региону приводят к прямо противоположным последствиям: дефицит не ликвидируется, а обостряется (об этом ниже). Кроме того, также следует отме-

тить, что аналогичные решения (например, о законодательном увеличении МРОТ и/или расчёте прожиточного минимума) зачастую приводят к так называемой социальной инфляции, описанной в своё время Р. Пребишем применительно к странам Латинской Америки. Очевидно, что простых рецептов здесь нет, а привлечение трудовых мигрантов — лекарство, которое может оказаться впоследствии хуже болезни.

Т. Пикетти с соавторами полагает, что в России крайне высокая степень неравенства доходов, при этом большая часть доходов оказывается в руках «олигархов». Однако если обратиться к данным базы самого Пикетти и произвести соответствующие расчёты, то полученные результаты не подтверждают этого вывода.

Как следует из рис. 2, в России действительно присутствует высокое неравенство между медианой и верхним 1%, однако на протяжении 2010–2020 годов оно снижалось, а не росло. В этом отношении усилия российских властей принесли определённые положительные результаты. С другой стороны, неравенство населения богатых стран по дохо-

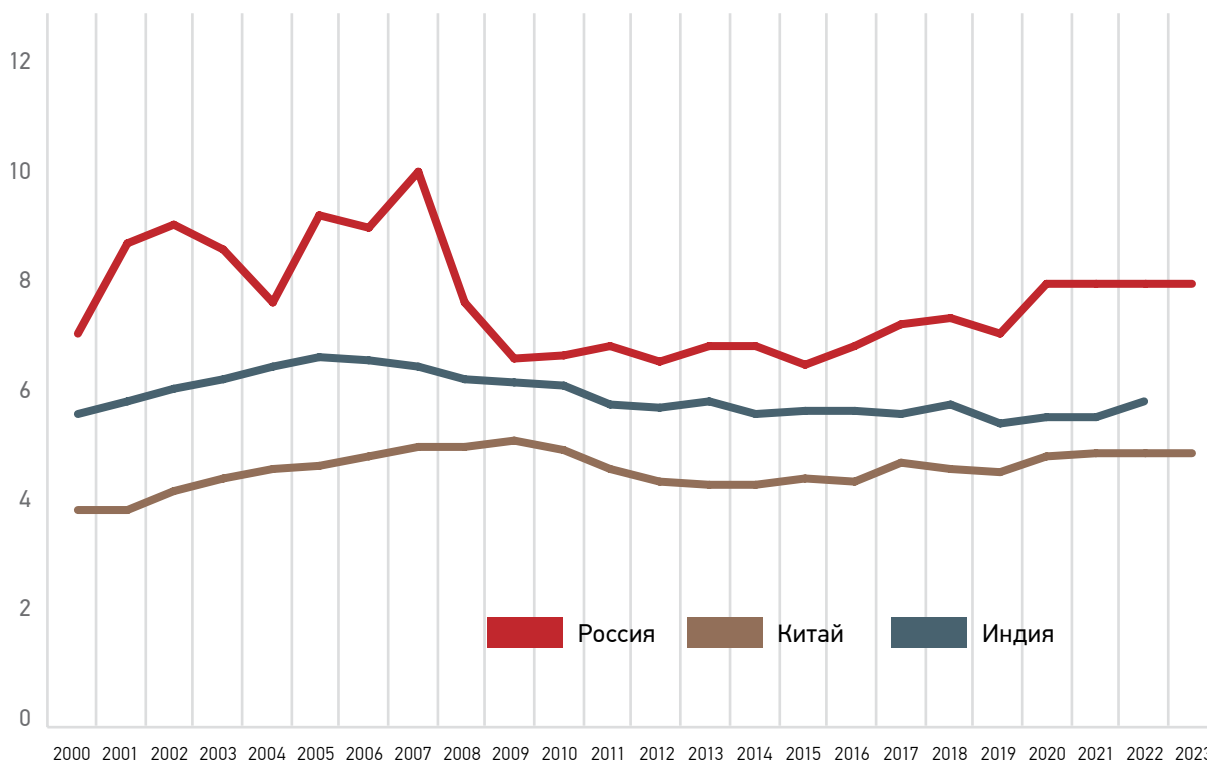

Рис. 4. Отношение доходов верхнего 1% к доходам следующих 9% в России, КНР и Индии, 2000–2023 годы
 Источник: Ореховский П. А., Кислицына О. А. *Неравенство, элиты и контрэлиты*. С. 13. Расчёты выполнены на основе данных базы Пикетти.

дам существенно ниже, чем в России, КНР и Индии (рис. 3).

Как указывает П. Турчин в своей работе, главным источником социального напряжения является не разница в доходах между правящей элитой и большинством населения, но различия между элитой и контрэлитой. В качестве последней он рассматривает группу относительно богатых людей, которые тем не менее не обладают необходимой экономической и политической властью. В этом отношении интерес представляет разница между доходами верхнего 1% и средних доходов последующих 9% — индикатор «экономической проницаемости» элиты. Оценки этого индикатора представлены на рис. 4 и 5.

Таким образом, от верхнего 1% среднего представителя «контрэлиты» в России отделяет 6–7 лет дополнительной работы, в США этот показатель составляет 5–6, что вполне сопоставимо. Уровень проницаемости элит для КНР и Индии вполне соответствует ФРГ и Великобритании. Существенным является также то, что во всех рассмотренных странах индекс проницаемости не показывает устойчивого существенного роста, что противоре-

чит выводам Турчина о грядущем общем политико-экономическом кризисе в США и/или других странах Запада (о последнем говорил Т. Пикетти).

С другой стороны, экономическое могущество нельзя напрямую преобразовать в политическое. Экономическая проницаемость не означает, что в рассматриваемых государствах не может сложиться замкнутая, несменяемая политическая элита, или, как писали в своё время советские публицисты, «номенклатура». В этом случае, как показал в своё время М. Олсон, развивается «социальный склероз», ведущий впоследствии к стагфляции и упадку государства. В количественном отношении речь должна идти об уровне ротации элит — насколько они меняются в течение 2–3 электоральных циклов?

Сравнение состава первых фигур исполнительной власти в США, Великобритании, Франции и России показало, что в течение 10 лет (2014–2024) на своих местах остались единицы, уровень ротации здесь очень высок. Поэтому дальнейшее сравнение происходило на основе уровня ротации парламентов (в общей сложности 441 место в Конгрессе и 100 мест

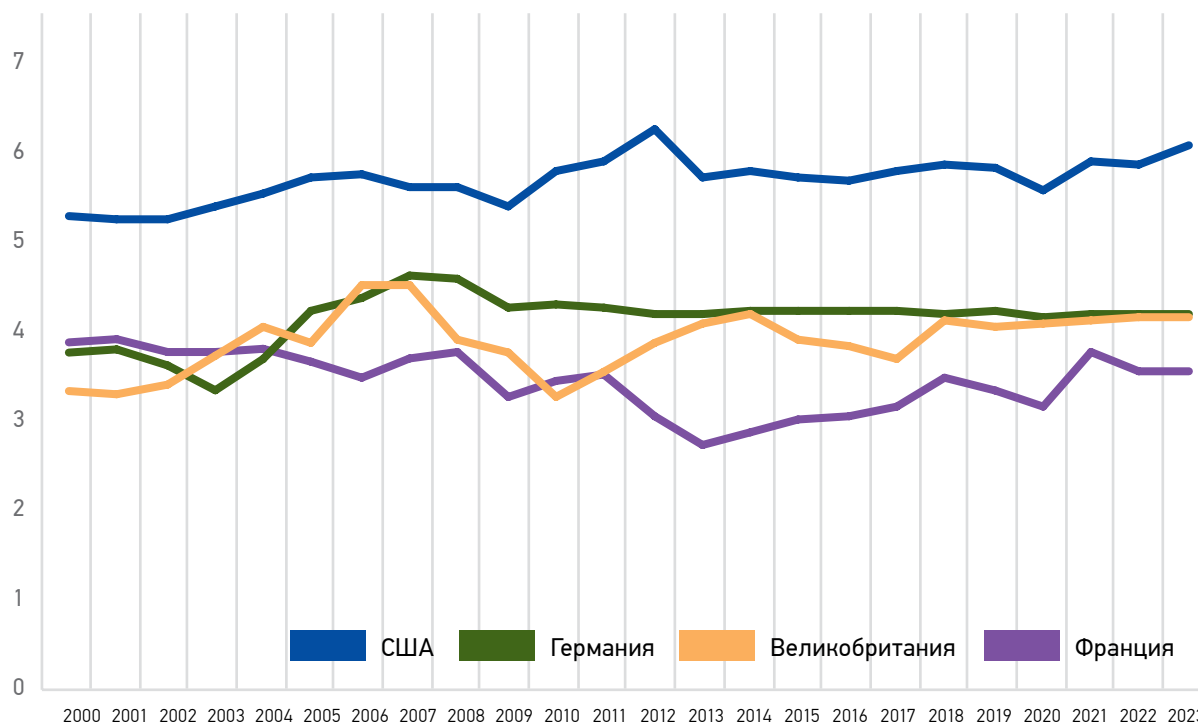

Рис. 5. Отношение доходов верхнего 1% к доходам следующих 9% в США, Великобритании, Германии и Франции, 2000–2023 годы

Источник: Ореховский П. А., Кислицына О. А. *Неравенство, элиты и контрэлиты*. С. 16. Расчёты выполнены на основе данных базы Пикетти.

в Сенате США, 650 мест в палате общин в Великобритании, 577 депутатов Национального собрания Франции, 450 мест в Государственной думе и 178 мест в Совете Федерации России)⁴. В результате анализа и простых расчётов выяснилось, что за 10 лет в США уровень ротации составил 25%, в Великобритании — 85%, во Франции — 90%, в России — 55%. Уровень ротации выше 80%, по-видимому, следует оценивать как признак высокой политической нестабильности: действительно, в рассматриваемый период во Франции и Великобритании регулярно возникали политические кризисы и менялись правительства. Напротив, уровень ротации в 25% за 10 лет вероятно, можно отнести к достаточно низким. Можно ли говорить в этом отношении о «застое» и «геронтократии» в США — вопрос, который требует отдельного анализа. Однако следует отметить, что такой анализ существенно расходится как с идеологически предвзятым делением на «свободные», «частично сво-

бодные» или «несвободные» страны, которые предлагает признанная нежелательной в России организация Freedom House, так и с другими крайне спорными вариантами двухмерной шкалы от «полной демократии» до «полной автократии» (см., например, *Varieties of Democracy (V-Dem)*). Во всех этих вариантах оценок предполагается несменяемость правительств и парламентов так называемых автократических государств.

За пределами «экономического»

Государство, понимаемое как некая корпорация, юридическое лицо, имеет целый ряд обязательств, определяемых конституцией. Р. Даль, характеризуя основы демократического устройства, указывает на два необходимых признака — право на оспаривание и право быть избранным (допущенным к голосованию и выдвижению кандидатов). Сравнительный анализ избирательного законодательства и процессов голосования — отдельная большая тема, в которой постоянно обнаруживаются новые нюансы: скажем, в 2020

⁴ Данные о составе и смене парламентов собрал и передал для оценки А. Жуликов, аспирант (МГУ), которому я выражаю свою благодарность.

году в США голосовали «мёртвые души»⁵. Это не помешало признать выборы демократическими. Заодно считается демократическим и весь американский *двухпартийный* (надо полагать, в случае *дуополии* демократии в два раза больше, чем в случае *монополии*⁶?) электоральный механизм.

Право на оспаривание может реализовываться по-разному. Обычно его связывают с гарантируемой почти во всех конституциях демократических государств свободой слова. Последнее включает в себя не только политические дебаты, но и качественную, объективную работу массмедиа, о чём и пойдёт речь ниже.

Другим важнейшим обязательством государства является обеспечение эффективной работы социальной инфраструктуры, включающей в себя, в частности, организации образования и здравоохранения, а также органы, отвечающие за общественную безопасность. Согласно Р. Джексону, государства, которые могут обеспечить производство общественных благ, включая безопасность и национальную оборону, обладают *позитивным суверенитетом*. Вплоть до 1945 года те из государств, которые не могли это сделать, поглощались соседями. Однако после Второй мировой войны прямой государственный контроль, включая назначение руководителей таких территорий, стал практически исключён. В результате появилось большое количество стран, которые Р. Джексон называет «квазигосударствами», а Н. Силаев и Н. Болгова — государствами с негативным суверенитетом. К сожалению — и опять-таки во многом по идео-

логическим причинам, — в международных рейтингах государств с *негативным суверенитетом* не существует в принципе. Тем не менее оценка эффективности функционирования социальной инфраструктуры имеет принципиальное значение в компаративистике.

Объективность журналистики и «свобода слова»

Для оценки свободы слова в различных странах часто используют «индекс свободы слова», который разработан НКО «Репортёры без границ». Он охватывает 180 стран и формируется на основе опросов журналистов и специально отобранных экспертов. В 2024 году Россия занимала 164-е место (на первом месте было королевство Норвегия, на последнем — 180-м — демократическая Эритрея), Китай в 2025 году оказался 178-м. Имеют ли эти данные какую-то связь с важнейшим демократическим институтом права на оспаривание, без которого трудно представить защиту прав собственности и свободу предпринимательства? Трудно сказать.

В 1983 году на четвёртой консультативной встрече под эгидой ЮНЕСКО (в Праге и Париже) были утверждены принципы профессиональной этики работы журналистов. Остановимся на первых двух: а) право граждан на достоверную информацию и б) объективное освещение событий — долг журналиста. Их сравнительно просто можно квантифицировать. Во-первых, если журналист выезжал на место, присутствовал на пресс-конференции, имеет соответствующее подтверждение описываемых фактов (фактчекинг), такой работе присваивается 1 балл. Во-вторых, поскольку речь идёт об объективности (в том числе и в случае различных конфликтов), в статье как минимум должна присутствовать авторская позиция — 1 балл, за освещение двух позиций — мнений разных участников конфликта или по-разному аргументирующих экспертов — 2 балла, более двух — 3 балла. Если всего этого нет (0 баллов), журналистика становится пропагандой и прекращает своё существование как самостоятельный институт.

На основе этой простой методики был проведён пилотаж — пробное оценивание контента, посвящённого ключевым событиям июня 2024 года. Бралась публикации, к кото-

⁵ *Скандал в США: за Байдена голосовали «мёртвые души»*. News.by. 17.11.2023. news.by/news/v_mire/skandal_v_ssha_zh_baydena_golosovali_mertvyie_dushi. В США обнаружили 1,8 млн «мёртвых душ» среди избирателей. «Известия». 6.11.2020. iz.ru/1083421/2020-11-06/v_ssha-obnaruzhili-18-mln-mertvykh-dush-sredi-izbiratelei (дата доступа: 15.07.2025).

⁶ *Как уже давно показали критики «реалистической модели» демократии по Шумпетеру, оценка ценности политических лидеров согласно количеству набранных голосов является лукавой и требующей — согласно модели чистой конкуренции — большого количества политических партий. Однако на практике в выборах участвует несколько партий, что соответствует модели не конкуренции, но олигополии. Фактически речь у Шумпетера идёт о конкурентном элитизме.*

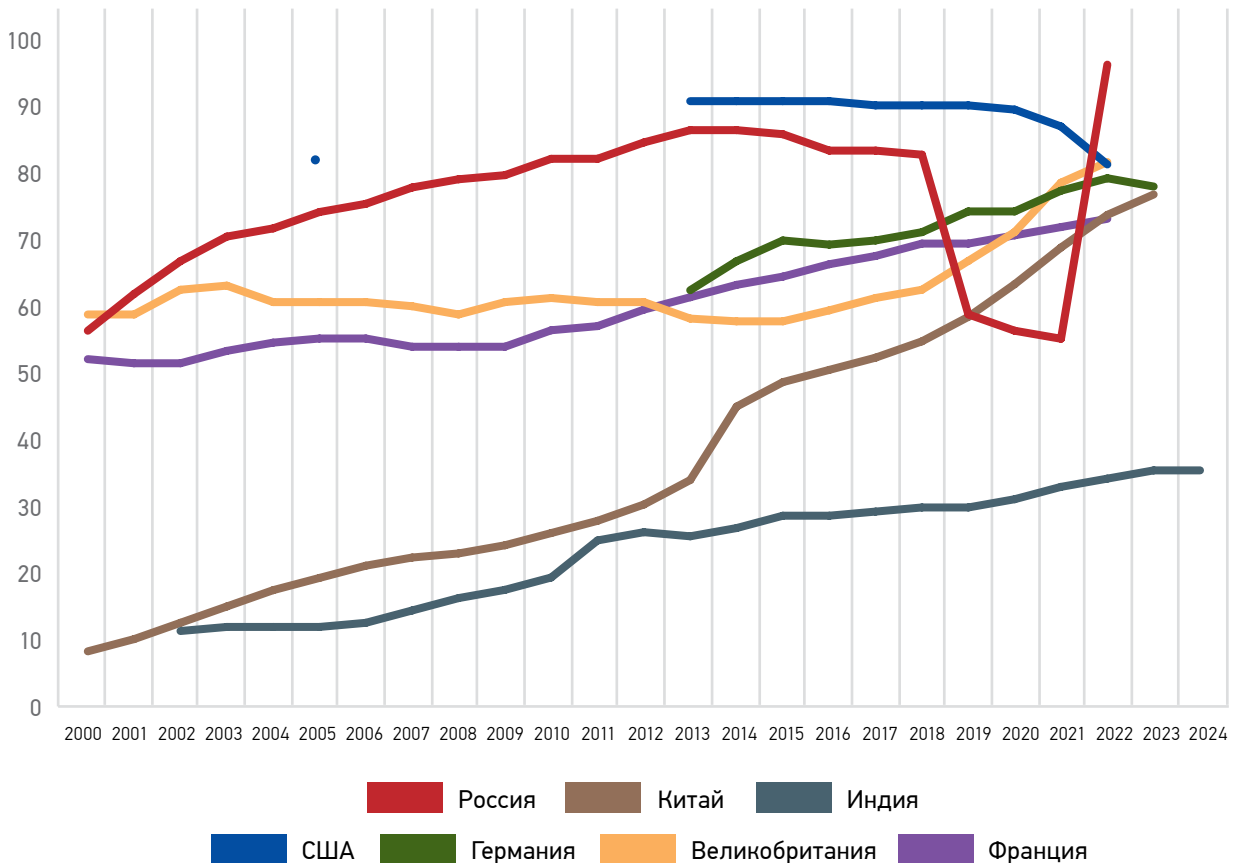

Рис. 6. Валовой коэффициент охвата населения высшим образованием, %

Источник: UNESCO Institute for Statistics. databrowser.uis.unesco.org; Ореховский П. А., Кислицына О. А. *Неравенство, элиты и контрэлиты*, с. 21.

рым имелся открытый доступ (на английском языке): в США — CNN, Fox News, Washington Post; в Великобритании — The Guardian, в КНР — «Синьхуа», «Жэньмин Жибао», в России — «Известия», НТВ, «Коммерсантъ». В качестве ключевых событий июня были выделены две большие группы — внешние (война на Украине, война Израиля в Газе, внеочередные выборы во Франции, протесты в Армении) и внутренние (суд над Д. Трампом, политика консерваторов и выборы в Англии, подготовка Парижа к Олимпиаде, кадровый резерв В. В. Путина, дискуссии вокруг экономического роста КНР). Впоследствии от части этих событий пришлось отказаться: протесты в Армении не волновали никого, кроме российских СМИ, кроме того, китайским СМИ, как оказалось, не было никакого дела до внеочередных выборов во Франции. Из оставшегося была сформирована выборка из 222 статей.

Оценивание производилось независимыми и далёкими от организаций массмедиа экспертами — к.э.н., доцентом К. С. Саблиным

(Кемерово) и к.э.н., доцентом О. А. Милюшенко (Омск), которым я выражаю свою признательность за помощь и сотрудничество. Результаты балльной оценки: среднее по СМИ США — 2,000, Великобритании — 1,679, КНР — 2,542, РФ — 2,598. Принимая во внимание возможный перекося оценок в силу произвольности выбранных СМИ (скажем, у Washington Post средний балл 2,762, у «Коммерсантъ» — 3,1; но это старые издания, имеющие «печатные традиции», в отличие от телевизионных и интернет-массмедиа, где балльные оценки намного ниже), следует отметить сопоставимость такого индекса объективности журналистики для рассматриваемых стран. Полученные оценки никак нельзя соотносить с рейтингами «Репортёров без границ». Если опираться не на опросы, а на *качество производимого контента*, то результаты работы массмедиа в разных странах, очевидно, существенно поменяются. При этом стоит подчеркнуть то обстоятельство, что в массмедиа богатых стран в последнее время публикуется всё меньше

проверенных фактов и всё больше фейков и пропаганды. Это стало уже почти общепризнанным, включая мнение и отдельных известных западных журналистов.

Естественно, что усиливающиеся сбои в реализации права на оспаривание, связанное со свободой слова, отражается и в защите прав собственности. В первую очередь это, конечно, сказывается на международных инвесторах. Но, как показывает М. Маццукато, нарушения прав, способствующие изъятию ренты, осуществляются и в сфере финансов, информационно-компьютерных технологий, фармацевтики и медицинского страхования. Характерно, что темы изъятия ренты и нарушения прав собственности корпорациями, которые разрабатываются отдельными экономистами, сравнительно редко получают большой резонанс в общественно-политических СМИ.

Образование

Образование — социальный институт сохранения, передачи знаний, воспроизводства учёных и обладателей необходимых компетенций в самых разных отраслях — имеет длительную историю. Здесь важно отметить существенное различие между организациями образования, которые являлись частью гражданской и военной службы, и организациями, которые оказывали образовательные услуги всем желающим получить определённые знания и соответствующую квалификацию. В первом случае студенты обеспечивались необходимой одеждой, питанием и жилищными условиями, в дальнейшем направлялись в места прохождения службы согласно «штатному расписанию», выполняя служебный долг. Во втором случае студенты, получив знания, выходили на рынок труда, предоставляя свои резюме, проходили собеседования в поисках наиболее высоко оплачиваемой работы и привлекательных условий труда.

В XXI веке эти различные социальные траектории становятся неразличимы, все вузы становятся «университетами». Несмотря на то что определённые традиции в российских горных, железнодорожных и тем более военных университетах продолжают сохраняться, «рынок труда» проникает и в эту сферу. И, по-

скольку университетский диплом рассматривается как пропуск в более высокую социальную страту, возможность стать «начальством», высшее образование становится массовым. Об этом свидетельствует и статистика ЮНЕСКО, связанная с индексом развития человеческого потенциала (рис. 6).

Коэффициент охвата населения высшим образованием — это общее число учащихся в высших учебных заведениях независимо от возраста; выражается в процентах от общей численности населения пятилетней возрастной группы после окончания школы. Сложная кривая этого коэффициента в России в 2019–2022 годах связана со спорным переводом учащихся техникумов (колледжей) из категории высшего образования в среднее и — впоследствии — обратно. Это не так важно на фоне того, что образование в целом теряет свою функцию «социального фильтра». Ситуация, когда более 70% молодёжи имеет соответствующие дипломы, означает определённое перепроизводство образовательных услуг. Причём это относится не только к высшему образованию, но и к так называемым пост-докам, людям, окончившим аспирантуру и успешно защитившим кандидатские диссертации. На научно популярном портале «Хабр» недавно появилась заметка alan_dani, часть которой стоит здесь процитировать: «В 1999 году Джонатан Кац, профессор физики из Университета Вашингтон, опубликовал пост с названием „Не становитесь учеными!“... По словам профессора Каца: „Я знал больше людей, которые разрушили свою жизнь, получив PhD по физике, чем наркоманов“. Спустя четверть века после публикации манифеста, 20 января 2025 года международной группой учёных в журнале Proceedings of the National Academy of Sciences были опубликованы результаты социологического исследования, посвящённого периоду пост докторантуры, на основе анализа карьерного пути более 45 тыс. ученых... Ситуация ухудшилась.

...В среднем на одну открытую позицию в академической среде на рассмотрение поступают от 10 до 50 резюме молодых ученых, полностью соответствующих критериям отбора и обладающих необходимой квалификацией. И это несмотря на то что работа пост-докторантов характеризуется терминами „разочаро-

вание“, „постоянный стресс“, „несчастный“ и „эксплуатируемый“»⁷.

Высшее образование в России финансируется из бюджета, но примерно 30% студентов платят за своё обучение. Стоимость варьирует очень сильно, медианы здесь, к сожалению, нет. По данным портала «Табитуриент» сумму в 200 тыс. рублей в год можно принять за среднюю, при переводе в среднемесячную зарплату (декабрь 2024-го) российскому работнику нужно будет потратить 2 месяца и 3 недели, чтобы компенсировать эти затраты. Но стоит подчеркнуть, что $\frac{2}{3}$ студентов в России получают высшее образование бесплатно.

В КНР бесплатным является только начальное образование. Стоимость высшего образования также сильно варьирует. Тем не менее при пересчёте наиболее дорогого сегмента образования в среднюю оплату труда выходит, что китайскому работнику придётся отработать почти 3 месяца (12 недель).

В Великобритании действуют разные нормы для Англии, Шотландии, Уэльса и Средней Ирландии. В Англии стоимость высшего образования сопоставима или даже выше, чем в США (9535 фунтов стерлингов в 2025 году), однако в других частях королевства местные жители могут учиться в своих университетах бесплатно. В среднем долг английских студентов после окончания составляет 58 571 долларов США, при этом 94% выпускников имеют задолженность по кредитам.

П. Турчин приводит свои оценки стоимости высшего образования в США: работнику с медианной зарплатой нужно было отработать 3 месяца в 2016 году, чтобы оплатить год образования в университете (в 1976-м — 1 месяц); среднегодовая стоимость в 2016 году была 8404 долларов.

Во Франции и ФРГ, как и в России, высшее образование для граждан этих стран финансируется из бюджета (предоставляется бесплатно).

Рынок образовательных услуг, если рассматривать межотраслевую конкуренцию, постепенно вошёл в сектор «индустрии отдыха», являясь одновременно и конкурентным, и взаимодополняемым благом с услугами культуры, спорта, туризма. Студенческие театры, «лига КВН», спортивные команды, поездки «по обмену» уже давно стали институциональной нормой. Соответственно и изменились понятия общества о должном. Конечно, «перепроизводство образования», если его понимать как увеличение выпуска умных культурных молодых людей — идею, которой должны служить учителя и профессора, — невозможно в принципе.

Гипотеза о перепроизводстве образовательных услуг в экономической системе означает лишь то, что причина и следствие меняются местами: раньше увеличение лет образования жителей способствовало росту дохода государства; теперь, чем богаче страна, тем больше её жители могут потратить доходов (и лет жизни) на приобретение образования.

В таких странах, как Россия, ФРГ и Франция, затянувшаяся молодёжная социализация и поздний выход на рынок труда выпускников уже сдвинули пенсионный возраст в сторону увеличения. Кроме того, в США и Великобритании, где высока задолженность домохозяйств, растущая стоимость образования усугубляет общую финансовую неустойчивость национальных экономик.

Естественно, что спрос на образовательные услуги, как и на другие услуги «индустрии отдыха», будет не только сохраняться, но и расти. Одновременно с этим будут развиваться и парадоксальные кризисные явления: скажем, многими исследователями уже давно фиксируется снижения качества знаний при одновременном росте затрат государства на образование. В России в большинстве регионов наблюдается дефицит учителей — выпускники педагогических и классических университетов не идут на работу «по специальности». Но это естественно: зарплата в школах регулируется бюрократическими правилами, а спрос на услуги репетиторов — рынком, что обуславливает принципиально разную цену 1 часа учительского труда.

⁷ «Не становитесь учеными!» — Что с перепроизводством научных кадров спустя четверть века после публикации манифеста? «Хабр». habr.com/ru/articles/875730 См. также: Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B., Duan Q., Holme P., Rahwan T. *Where Postdoctoral Journeys Lead. Preprint. 6 Nov 2024. arxiv.org/pdf/2411.03938.*

Затраты национальных систем здравоохранения на душу населения и обеспеченность врачами, медсёстрами, больничными койками, 2022 (или ближайший) год

	РФ	КНР	Индия	ФРГ	Франция	Великобр.	США
Расходы (долларов по покупательной способности — ППС)	1078	672	80	6182	4865	5036	12 434
Практикующие врачи на 1000 чел.	5,1	2,5	0,9	4,5	3,2	3,2	2,7
Практикующие медсёстры на 1000 чел.	9,8	3,5	1,6	12,0	8,8	8,7	12,0
Больничные койки на 1000 чел.	7,8	4,8	0,5	7,7	5,5	2,5	2,8

Таблица 3.

Источник: WHO Global Health Expenditure Database. apps.who.int/nha/database/ViewData/Indicators/en; Россия Росстат. Здравоохранение в России. 2023. ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2023.pdf; Health at a Glance 2023. www.oecd.org/en/publications/2023/11/health-at-a-glance-2023_e04f8239/full-report/component-27.html#indicator-d1e22386-eeac06b39b

Исходя из общих абстрактных соображений, непонятно, почему жалование учителя или преподавателя должно быть ниже, чем жалование полицейского (тем более что последним приходится часто иметь дело с недоработками первых). Попытки исправить ситуацию президентскими указами приводят к тому, что — как и предсказывает в таких случаях простой политико-экономический анализ — оплата будет расти в основном у начальников (как будет увеличиваться и их количество), в то время как «внизу» будет сохраняться дефицит кадров.

Последнее, впрочем, одинаково действует как в отношении учителей⁸, так и в отношении полицейских.

Здравоохранение

Тема здравоохранения не менее сложна, чем образования, и здесь также применяется

⁸ Следует отметить тенденцию последних лет: на фоне дефицита учителей в школах приобретают популярность «электронные уроки» — демонстрация записей отдельных учебных тем в классах. В пределе можно допустить, что в школе останутся только администраторы, фиксирующие время пребывания учеников и включение/выключение соответствующего оборудования.

ся множество индикаторов, которые характеризуют отдельные важные характеристики национальных систем. На первый взгляд представляется, что в России по сравнению с другими странами дела в медицине обстоят очень неплохо (табл. 3).

Ситуация резко меняется, если включить в анализ мнение граждан России о национальной системе здравоохранения (табл. 4).

Россия — единственная страна, в которой население существенно больше не доверяет своей системе здравоохранения и негативно оценивает её качество, несмотря на достаточно высокие затраты и обеспеченность врачебным персоналом и местами в больницах. При этом по ожидаемой продолжительности жизни Россию существенно опередил Китай, в то время как сам Китай, например, опережает Куба (78,3 года). Прямой связи дохода на душу населения с уровнем удовлетворённости медицинским обслуживанием и продолжительностью жизни не наблюдается.

Ожидаемая продолжительность жизни, конечно, сложный показатель, на который влияет множество факторов помимо здравоохранения. Тем не менее следует констатировать, что в выполнении этой части своих социальных обязательств российские власти отстают от рассматриваемых стран.

Мнение граждан о качестве системы здравоохранения, 2021–2023 годы

	РФ	КНР	Индия	ФРГ	Франция	Великобр.	США
<i>«Как бы вы оценили качество здравоохранения, к которому вы и ваша семья имеете доступ в вашей стране?», %</i>							
Хорошее / очень хорошее	24	57	53	50	46	58	57
Плохое / очень плохое	34	4	16	21	20	16	14
<i>«Я верю, что система здравоохранения в моей стране предоставляет мне лучшее лечение», %</i>							
Согласен / очень согласен	18	70	75	57	46	57	44
Не согласен / очень не согласен	55	7	16	18	28	20	25
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	73,3	78,0	72,2	81,5	83,5	81,4	79,5

Таблица 4.

Источник: Ipsos. *Global Views on Healthcare in 2021, 2023*. www.ipsos.com; Рейтинги стран мира по уровню продолжительности жизни. ООН, 2024. gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index

Преступность

Одной из старых модернистских иллюзий, долгое время разделявшихся прогрессистами, являлась вера в снижение уровня преступности по мере роста национального благосостояния. К сожалению, преступность в богатых странах остаётся достаточно высокой, несмотря на декриминализацию лёгких наркотиков, проституции (отметим, что в США в большинстве штатов она по-прежнему является уголовным преступлением, которое преследуется «полицией нравов») и мелких краж. При этом, как следует из табл. 5, первенство в этой сфере прочно удерживает самая старая европейская парламентская демократия.

На фоне такого явления, как цифровая экономика, о которой говорилось выше, почему-то не замечается то обстоятельство, что одной из самых больших сфер занятости в XXI веке являются охранные услуги. Как указывает Р. Шиллер, защищая близкий ему американский финансовый сектор: «Арджун Джейадев и Сэмюэль Боулс подсчитали, что в 2003 году в сфере предоставления охранных услуг в той или иной форме (контролёры, охранники, военные) было занято 19,7% рабочей силы США. На первый взгляд данные о том, что большая часть наших граждан получают плату за то, что они охраняют имущество и владения всех американцев, должны вызывать куда большую тревогу, чем сведения о доле населения, уча-

ствующего в значительно более производительной финансовой деятельности. Но эта статистика оставляет равнодушной большинство граждан...» Бурный рост частных охранных организаций ставит под вопрос одну из главных прерогатив современных демократических государств — монополию на насилие (табл. 6).

Хотя объёмы доходов и занятости в этой сфере в России сопоставимы с затратами и занятостью в сфере НИОКР, регулярных статистических наблюдений и у нас в стране, и за рубежом здесь не ведётся. В общем-то, нет и осмысления того, как институт частной охраны связан с неравенством, защитой прав собственности и влиянием на социально-экономическую эффективность и рост.

Заключение

Во-первых, следует, конечно, оговориться, что анализ уровня ротации элит в соответствующих странах учёные из профильных НИИ РАН и университетов могут сделать намного подробнее и качественнее. То же самое относится и к оценке уровня свободы объективности массмедиа: в этом случае работа учёных может координироваться с авторитетными организациями журналистского сообщества. Представленные здесь результаты являются результатами пилотажа, сделанного в короткий срок малыми силами и, хотя и

Уровень преступности (количество преступлений в расчёте на 100 тыс. чел. населения)

	Россия	Китай	Индия	США	Велико-британия	ФРГ	Франция
2013	1534,2	482,6	540,4	3106,4	н/д	7404	н/д
2014	1495,2	475,1	581,1	2936,1	7205,2	7530	н/д
2015	1625,2	518,6	374,1	2869,6	7633,1	7797	н/д
2016	1465,6	461,6	379,3	2851,6	8235,2	7755	4594,0
2017	1393,8	391,6	388,6	2752,9	9280,6	6982	4592,8
2018	1347,3	360,7	383,5	2589,3	9317,2	6710	4508,2
2019	1368,7	344,8	385,5	2512,1	10 270,8	6548	4591,5
2020	1384,0	338,5	487,8	2356,8	9393,4	6386	3960,9
2021	1361,5	355,9	445,9	2219,3	9962,4	6670	4270,8
2022	1340,6	313,3	422,2	2335,1	11 122,8	6762	4667,8
2023	1331,0	н/д	422,2	н/д	10 985,0	7042	4766,0

Таблица 5.

Источники: США: FBI. www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information; Великобритания: Office for national statistic. www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/datasets/crimeinenglandandwalesquarterlydatatables; ФРГ: www.statista.com/statistics/1101190/crimes-recorded-by-police-per-100000-inhabitants-germany; Франция: [Ministere de l'interieur. www.interieur.gouv.fr/content/download/132022/1048507/file/Synth%C3%A8se%202021.xlsx](http://www.interieur.gouv.fr/content/download/132022/1048507/file/Synth%C3%A8se%202021.xlsx); Россия: Ежегодный отчёт МВД РФ. rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ltog_migr_1990-2023.xlsx; КНР: China statistical yearbook. www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm; Индия: National Crime Records Bureau (NCRB) Annual Reports. www.ncrb.gov.in (дата обращения: 10.03.2025)

являются относительно достоверными, ни в коем случае не могут претендовать на репрезентативность.

Во-вторых, обществоведам хорошо известно, что наиболее распространённой версией теории модернизации является не что иное, как вестернизация. Соответственно, эталонное государство, в отношении которого строятся международные рейтинги, обладает идеальными свойствами западных государств. Такое сравнение во многом необъективно и ведёт к ошибкам в компаративистских исследованиях. Почему до сих пор отечественные учёные не предложили других вариантов рейтингования — отдельный вопрос; возможно, потому что перед ними стояли (и стоят) другие задачи.

Тем не менее даже на основе этого небольшого обзорного материала можно сделать вывод, что многие страны с высоким и даже средним уровнем дохода вошли в пе-

Численность частных охранников и полицейских, 2017 год

	Работники частных охранных фирм, тыс. чел.	Полицейские, тыс. чел.
Китай	5000	2700
Индия	7000	1400
США	1100	800,0
Россия	800	601,0
Германия	247	245
Велико-британия	232	151

Таблица 6.

Источники: McCarthy N. *Where Private Security Outnumbers The Police*. Statista. www.statista.com/chart/10925/where-private-security-outnumbers-the-police

риод длительных и болезненных структурных сдвигов. То, что всё большая часть инвестиций идёт теперь в нематериальные активы, требует изменений и в методике определения ВВП, и в описании особенностей экономического роста. Как уже говорилось выше, алармистские предсказания о росте неравенства пока не сбылись. Однако если не разобраться с тем, как информатизация влияет на рост, они, вполне возможно, сбудутся.

Крайне тревожным выглядит наметившееся перепроизводство образовательных услуг, быстрый рост частной охраны, высокий уровень преступности — и всё это на фоне странных представлений об авторитаризме, демократии и свободе слова. Ранние оптимистические представления о переходе к меритократии и к производству и распространению новых знаний, где будет наблюдаться основной рост занятости в постиндустриальном обществе, похоже, уже давно стали утопией.

Наконец, о том, что богатые страны живут в долг, после кризиса 2008–2009 годов не писал только ленивый. Однако за редкими исключениями экономисты не переводят эту про-

блему в политическую плоскость, не замечая трансформации бывших демократических режимов. Заодно не меняется и система рейтингования, позволяющая игнорировать возникшие риски и осуществлять западным странам заимствования на международных финансовых рынках по прежним низким процентным ставкам. Наряду с известными проблемами бедных стран это ведёт к появлению большого количества государств с «негативным суверенитетом».

Нежелание видеть феномены, о которых шла речь выше, может сыграть дурную шутку не только со сторонниками вестернизации (западнизма), но и с пропагандистами дирижизма.

Стоит ещё раз повторить, что простые решения по увеличению зарплаты в бюджетной сфере до уровня «средней по региону» здесь не работают. Не поможет и кампанейщина по всеобщей информатизации бюджетных услуг, как в своё время не помог и широко разрекламированный (и ныне, похоже, уже забытый) переход к распространению нанотехнологий. ●

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

А. О. Безруков,
профессор МГИМО МИД РФ

Самостоятельность обеспечивается собственной силой — экономической, политической, научной, военной. Но, чтобы в современных условиях развиваться на равных с ведущими экономиками мира, ресурсов и объёма рынка одной страны недостаточно. Необходимо взаимодействие с другими государствами, которые, так же как и Россия, не хотят технологической, а следовательно, и экономической и политической зависимости от нынешних «гегемонов». Идея, которая может лежать в основе такого взаимодействия, — технологический суверенитет. Буквально на поверхности гипотеза о том, что расширение концепции технологического суверенитета возможно на группу заинтересованных в этом стран. Такой суверенитет мы назвали «коллективным». Это пока теоретическая, концептуальная конструкция, однако её принципы могут использоваться и для практических решений. Например, они реализуются и развиваются в отношениях России и Белоруссии.

Идеи коллективного технологического суверенитета появились не сегодня. Перестройка мирохозяйственной системы, выстраивание новой конфигурации межстрановых взаимодействий, склоняющейся к блоковому развитию вкупе с повышающейся ролью технологий, потребовали постоянного практического реагирования. Необходимость теоретического осознания, обоснованного взгляда в будущее вывела на логическую последовательность постановки целей: «национальный технологический суверенитет» — «технологическое лидерство» — «коллективный технологический суверенитет».

Технологический суверенитет может пониматься как *концепция*, если исследуется с теоретической точки зрения, или как *политика*, если используется для нормотворческих целей. В статье речь идёт о его теоретическом, концептуальном понимании.

Почему возникают идеи о суверенитете?

Изменения в геоэкономическом и геополитическом пространствах

К существенным изменениям, которые сегодня становятся основой политики отдельных государств и объединений, можно отнести: смену мирохозяйственного и технологического укладов; политизированность мировой экономики; наличие стран — экономических «гегемонов» — США и Китая, компании которых занимают в ключевых высокотехнологических отраслях доминирующее положение на мировом рынке; постепенное движение к многополярному миру и проч.

В историческом плане стоит отметить две тенденции, демонстрирующие перераспределение ролей в мире. Первая — выход на лидирующие позиции и в экономике, и в политике Китая, страны, которая в предыдущие века не входила в группу мировых лидеров. Второе — создание объединений (БРИКС, ШОС), претендующих на роль регуляторов мирового уровня, без участия «старых» центров силы — США и стран ЕС. Их деятельность может стать прецедентом для формирования новых объединений и партнёрств без участия коллективного Запада, без использования его финансовой и технологической базы.

Изменение международного права

Процессы регионализации, формирования новых межгосударственных партнёрств предопределяются и изменениями, происходящими в международном праве. В второй половине XX веке международное право, основанное на равноправии государств и добровольных договорённостях, получило значительное развитие — приняты многосторонние соглашения, созданы международные организации, в том числе система ООН, и т.д. Однако в последние годы «западнические» страны стали заменять сложившиеся нормы международного права некими «правилами». Принципы, заложенные в системе международного права, постепенно утрачивают сдерживающие функции, разрушается создаваемая десятилетиями система «сдержек и противовесов». Появилась ещё одна тенденция — замена многосторонних соглашений на двусторонние «сделки» (договоры), заключаемые под определённым давлением сильного партнёра. То есть, с одной стороны, продолжается разрушение системы права, основанного на многосторонних соглашениях, с

другой стороны, легализуется «право сильного». Процесс также вызывает ассоциации с заменой публичного права на частное.

Такие «нововведения» в международном правотворчестве влекут за собой изменения в международных отношениях, усиливают внимание государств к идеям суверенитета во всех его формах.

Новое понимание обороноспособности

Прокси-, кибер- и прочие обозначения новых угроз и войн основаны не на иллюзиях фантастов, а на анализе и понимании существующей и перспективной ситуации. В соответствии с этими угрозами должна строиться и обороноспособность государства. Её базовыми элементами, кроме вооружения и вооружённых сил, являются критическая инфраструктура, информационная сфера, производство (и не только оборонно-промышленный комплекс), органы государственного управления и проч. Шире — необходимо формирование интегрированного «военно-гражданского» народного хозяйства, способного обеспечивать гарантированную обороноспо-

способность с учётом новых угроз и динамичное развитие экономики и общества. Многие элементы обороноспособности зависят от современных технологий, в том числе значительно от информационных технологий.

Технологии, превращающиеся в платформы

Технологии стали одним из ключевых элементов не только национальной безопасности, но и геополитической конкуренции. В этом контексте речь чаще идёт о критических технологиях, однако важны не только они, но и базовые технологии, и перспективные технологии. Особое внимание уделяется технологиям информационно-коммуникационным, поскольку они, во-первых, сопровождают все иные производственные технологии и процессы, объединяя их в единые производственные цепочки, а во-вторых, являются основой технологических платформ, которые формируют технологическое лидерство государства: обеспечивают продвижение продукции национальных компаний; блокируют конкурентные предложения; дают возможность собирать данные, в том числе персональные; внедряют в национальное правовое пространство стран-пользователей свои нормативы и правила; участвуют в продвижении необходимых идей, влияя на внутренние процессы в других государствах; помогают сбору необходимой информации и разведке материнских государств и т.д.

Термин «технологическая платформа» используется в статье в широком смысле, как набор технологий в одной или нескольких связанных областях, включая критические, сквозные и формирующие максимально полные технологические цепочки, на основе которых создаются высокотехнологичные продукты, а также набор технологических и правовых стандартов и правил, регулирующих использование этих технологий и продуктов, созданных на их основе.

Одно государство — две экономики

Эффект характерен для многих стран, прежде всего США и государств, зависящих от экспорта. Одна экономика — это внешняя,

ориентированная, часто исключительно, на мировой рынок, на его тенденции. Американская внешняя экономика (часто её ещё называют «вторая экономика») — это зарубежные подразделения американских ТНК, совокупность финансовых, информационных, консалтинговых и подобных институтов, завязанных на глобальный рынок. Внутренняя экономика — это промышленность на территории США, интересы которой сосредоточены преимущественно на национальном рынке или на классических экспортных операциях. У этой экономики значительно меньшие масштабы; «приземленные» — в географическом, социально-экономическом плане — интересы; в основном это именно производство с присутствующими ему рисками, потребностями и проч. Внутренняя экономика требует внимательной, зачастую протекционистской политики. Внешняя — глобализации и открытости. Ситуация с разделением экономик наблюдается и в экспортоориентированных странах — вряд ли стоит объяснять, почему до введения массовых антироссийских санкций отечественный сырьевой сектор был ориентирован на мировые тенденции, рынки и цены, относительно слабо связан с внутренней экономикой. Необходимое сервисное оборудование приобреталось за рубежом, а инвестиции, которые привлекались компаниями ТЭК, были иностранные...

Двойственность экономики и соответствующей ей политики создаёт разногласия между носителями их интересов внутри страны. С точки зрения перспективного развития, формирования технологического суверенитета требуется внимание к обеим частям экономики, поскольку одни и те же политические механизмы могут по-разному сказываться на них. Страна не может стать технологическим лидером, если у неё нет развитой внешней экономики, которая базируется на собственных технологиях, разработках и оборудовании, то есть на развитой внутренней экономике.

Почему возникают идеи о коллективизме?

Абсолютное большинство государств не могут в одиночку не только занять и удержать лидерские позиции, но и сохранить свою тех-

нологическую независимость и суверенитет. Даже государствам-гегемонам необходимо увеличение внутреннего экономического пространства, чтобы оставаться лидерами.

Межгосударственное сотрудничество в рамках формальных партнёрств, как показывает история, может претерпевать различные трансформации. Они могут развиваться из двусторонних договоров, могут создаваться как блок государств. Могут быть длительными, могут разваливаться едва создавшись. Принципиальными для партнёрств, и прежде всего для долгосрочных партнёрств, видятся несколько моментов:

1) желание государств вступить в партнёрство — должны быть явно видны выгоды от этого;

2) в партнёрстве должен быть сильный лидер. Он обеспечивает и развитие, и безопасность;

3) в партнёрстве должны быть постоянные, понятные, интересные для всех сторон взаимодействия;

4) для экономических партнёрств необходима длительность и стабильность, поскольку участие в них предполагает перестройку внутренних норм, правил, возможно, инфраструктуры, производственных цепочек и проч.

Логика и история формирования межгосударственных партнёрств показывает несколько их основных составляющих.

Под термином «партнёрство» понимаем объединение государств без описания конкретной формы такого объединения, то есть рассматриваем как модель, принципиальную конструкцию. Если акцентируется внимание на приоритете сотрудничества в технологической сфере, такие партнёрства называем техноэкономическими.

Технологии и платформы. Зависимость от чужих технологий делает страну де-факто несамостоятельной, при отсутствии своих технологий и платформ она вынуждена быть в орбите влияния владельца технологий, ко-

торыми сегодня являются чаще всего США или Китай. Далеко не все государства хотят быть зависимыми от этих «гегемонов», и это, во-первых, (при)открывает возможности выхода на рынок и для других государств — владельцев технологий, во-вторых, способствует объединению стран для совместного технологического развития на своей, независимой (или почти независимой) от гегемонов, базе.

Рынок. Чтобы технологии появлялись и совершенствовались, они должны реализовываться в виде готовой продукции, что невозможно без производства и рынков сбыта. Жёсткая конкуренция между основными держателями технологий навязчиво подсказывает, что необходимо и своё производство, и «свой», гарантированный, рынок сбыта. Сегодня Минпромторг оценивает минимальный рынок, например, микроэлектроники в 400 млн человек, что, по-видимому, исходит из оценки гарантированных рынков «гегемонов»: для американских технологий — США с основными союзниками, для китайских технологий — сам Китай. Часто встречается утверждение, что России необходим «свой» рынок в 1 или даже в 1,5 млрд человек. Думается, что реально необходимый рынок может быть и иного объёма, однако понятно, что чем он больше, тем больше у разработчика возможностей вкладывать средства в новые технологии. И это одна из серьёзных причин формирования техноэкономических партнёрств.

Оборона. Исторически важный (если не основной) элемент любых союзов и партнёрств. Усложнение природы угроз и увеличение скорости передачи информации требуют и более сложной обороны, основанной на современных технологиях и соответствующей инфраструктуре, не только, а сегодня даже и не столько, военной. Для собственно военной обороны нужны современные вооружения, специалисты, умеющие с ними обращаться и обслуживать. И военная часть обороны, и невоенная базируются на передовых технологиях, сложность и стоимость такой обороны постоянно повышается. И обеспечивать её в одиночку становится для государств не только сложно, а иногда и невозможно.

Ресурсы. Любой из ресурсов — полезные ископаемые, энергоносители, вода, сельско-

хозяйственные ресурсы, территория, доступность транспортных маршрутов и пр., может стать критическим для жизнедеятельности государства. Особенно, при наличии недоброй воли оппонентов. В рамках партнёрств одни государства получают возможность гарантированно приобретать и/или использовать дефицитные у них ресурсы, другие — иметь гарантированный рынок сбыта и использования своих ресурсов. Для производителя технологий важен доступ к определённым видам ресурсов, таким как вода, недорогая энергия, редкоземельные металлы, и пр., которые не у каждого государства есть в достаточных количествах.

Валюта, финансовая система. Один из самых сложных вопросов в объединениях государств. В течение XX века только одно объединение — Европейский союз, дошло до создания единой валюты. В остальных случаях финансовой основой объединений становилась валюта государства-лидера — доллар США в большинстве объединений, советский рубль в объединениях социалистических и «сочувствующих» стран. Сейчас идёт заметное укрепление позиции китайского юаня в ряде современных партнёрств. В общем случае партнёрство укрепляет валюту страны-лидера, которая берет на себя и все сопутствующие издержки.

Философия, общая идея объединения. Партнёрство вряд ли состоится, если нет ключевой идеи, которую должен предложить инициатор партнёрства и показать её реализуемость на своём примере. Кроме общего понимания выгод от объединения, философия партнёрства должна включать такие категории, как доверие, равноправие, сотрудничество.

Коллективный и технологический. Но все-таки суверенитет.

Как видим, причины идей суверенитета и коллективизма близки. К базовым интересам государств при формировании партнёрств можно отнести технологическую независимость и обороноспособность, которые обеспечиваются передовыми технологиями и общими ресурсами объединяющихся государств. Такая философия близка к сущности концепции технологического суверенитета, и

это указывает на возможность её расширения с одного государства на группу заинтересованных в таком суверенитете стран.

Как бы часто не применялся термин «технологический суверенитет», его понимание остается предметом дискурса. Обсуждения подтверждают многомерность этой категории и необходимость комплексного подхода. Прежде всего, важен *политический подход*. Суверенитет — неотъемлемая характеристика государства, и технологический суверенитет должен рассматриваться как часть экономического суверенитета страны, который в свою очередь, является составляющей государственного суверенитета. Объективен и подход с *позиций безопасности* — развитие технологий создает новые уязвимости и риски. Технологический суверенитет, тесно связанный с технологической безопасностью страны и технологической частью обороноспособности, является составляющей национальной безопасности. Как говорится, без комментариев.

Наиболее распространенным является *технологический подход*, основанный на на-

личии в стране собственных критических технологий, возможностей для их разработки и использовании в производстве. Он применяется, как официальный, и в России, и в США, и в Евросоюзе. И, безусловно, *идеологический подход*. Западные политики, не принимая стремления развивающихся стран к суверенному технологическому развитию, окрестили идеи технологического суверенитета «технонационализмом». С эдаким гаденьким «душком» из собственного прошлого. Не прошло. Сегодня уже в научном дискурсе прижилось понятие «неотехнонационализма» применительно к самим США — экстерриториальное продвижение своих технических стандартов, формальных и неформальных правил; введение санкций и запретов; создание подчиненных альянсов государств и управлением ими в своих интересах; создание препятствий для расширения влияния других стран; попытки преференциального доступа к глобальным научно-технологическим и производственным ресурсам и т.д. Борьба идеологий с опорой на технологии налицо.

Можно ли такие подходы распространить не на одно государство, а на межгосударственное объединение?

С одной стороны, технологический, идеологический и безопасностный подходы могут быть вполне непротиворечиво распространены не только на отдельное государство, но и на объединение дружественных стран, имеющих четко выраженную философию совместного развития. С политической же точки зрения, безусловно, суверенитет есть свойство отдельного самостоятельного государства. Отход от этой позиции изменит суть государства, как исторически сложившегося политико-территориального образования, что, скорее всего, вряд ли возможно в обозримом будущем (хотя, как известно, попытки изменить понимание государственного суверенитета регулярно предпринимаются). Поэтому, говоря о коллективном технологическом суверенитете, будем держать в уме, что он не полностью соответствует технологическому суверенитету государства, исходя из политического значения термина.

Коллективный технологический суверенитет — это такое состояние организованной на основе равноправного добровольного соглашения группы государств (блока, партнёрства и проч.), при котором они вместе и по отдельности имеют возможность и способность независимо от внешних по отношению к этой группе воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые по своему уровню развития могут обеспечить геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии, соглашаются на равный доступ каждого участника группы к таким технологиям и преимущественное развитие и использование таких технологий.

С другой стороны, полностью национальный технологический суверенитет в современном глобализованном киберсообществе и киберпространстве создать теоретически можно, но практически, скорее всего, нет. Без взаимодействия с другими странами технологическое и научное развитие затормозится, другие в это время уйдут вперед. Поэтому, несмотря на законодательно проводимую некоторыми государствами политику суверенного

киберпространства, с точки зрения технологического и научного развития эффективнее использовать возможности международного сотрудничества. Конечно, с вниманием к вопросам национальной безопасности.

Приведенные выше размышления позволяют сформулировать определение коллективного технологического суверенитета и дать необходимые пояснения к нему.

(Мы понимаем, что такая подача материала делает его немножко академически сухим, но считаем, что именно такая подача раскрывает суть явления подробно и полно, позволяет использовать его в практических или научных целях целиком или по частям).

Дадим необходимые пояснения к определению:

- 1) «технологический суверенитет» — это не только наличие или отсутствие каких-то сущностей (технологий, промышленности и пр.), это «состояние» — системная категория, подразумевающая возможность проводить собственную согласованную технологическую политику; наличие объединяющей идеи, которая мотивирует разные государства и группы общества в них — власть, предпринимателей, изобретателей, ученых и пр. — на развитие и использование собственных (в рамках группы государств), а не иностранных (государств, не входящих в группу) идей, технологий и продуктов и т.д.;
- 2) «группы государств, организованной на основе равноправного добровольного соглашения» — коллективный технологический суверенитет, как политика, может рассматриваться только в рамках формально организованной группы государств, такая группа не может строиться на иных, кроме добровольности и равноправия принципах;
- 3) «вместе и по отдельности» — процессы, связанные с технологиями, могут происходить в каждом государстве отдельно, могут быть совместными, то есть с участием нескольких или всех государств, результаты этих процессов доступны каждому из государств, входящих в группу;
- 4) «возможность» производить и использовать технологии подразумевает наличие в

одной или нескольких странах группы науки, как фундаментальной, так и прикладной, а также системы трансфера научных знаний в реальный сектор экономики, и наличие механизмов трансфера технологий между странами группы;

- 5) «способность» — наличие в одной или нескольких странах группы промышленности, которая по своему уровню и объёму готова использовать разработанные в рамках группы государств технологии и создавать условия для внедрения передовых технологий или предпосылок для создания такой промышленности; а также наличие процедур, совместных органов и иных институтов, позволяющих формировать и вводить в государствах единые (или согласованные) стандарты, правила, платформы;
- 6) «независимо от внешних по отношению к этой группе воздействий» — имеются в виду действия государств, не входящих в группу, прежде всего, способствующие дестабилизации коллективных и частных интересов государств группы;
- 7) «выбирать» технологии — наличие в одном или нескольких государствах группы научно-аналитического и прогнозного аппарата, который способен выделить и оценить ключевые приоритеты научно-технического развития;
- 8) «создавать» — наличие в одном или нескольких государствах группы организаций и специалистов, способных самостоятельно разрабатывать технологии, а также системы подготовки кадров;
- 9) «приобретать» — наличие дружественных стран или объединений стран, в том числе, не входящих в группу, разработанные в которых технологии могут быть применены в составе или в качестве критических, без угрозы негативных последствий их использования;
- 10) «использовать» — наличие в одном или нескольких государствах группы промышленных предприятий, обладающих соответствующими компетенциями и способных применять эти технологии;
- 11) «продвигать» — распространять технологии не только внутри группы стран, но и продавать их иностранным производителям;

- 12) «могут обеспечить геополитическое лидерство и преимущества» — подразумевается уровень развития технологий, сопоставимый с лучшим мировым, то есть такой, который может обеспечить лидерство и преимущества любым странам, которые способны их разрабатывать и использовать;
- 13) «в долгосрочном развитии» — технологический суверенитет можно обеспечить только путем достаточно длительного развития, для этого необходимо прогнозирование, задельные научные исследования, технологические разработки и пр.;
- 14) «соглашаются на равный доступ каждого участника группы к таким технологиям» — необходима выработка институтов, позволяющих государствам группы иметь равный доступ к технологиям, разрабатываемым и используемым внутри группы, защиту таких технологий от субъектов, не являющихся резидентами государств группы, учитывающих интерес авторов к разработке таких технологий;
- 15) соглашаются «на ... преимущественное развитие и использование таких технологий» — это один из базовых принципов технологического суверенитета — исполь-

зовать преимущественно свои технологии или, при их отсутствии, технологии дружественных стран.

Базовые принципы коллективного технологического суверенитета: преимущественное использование своих, созданных внутри группы, технологий; продвижение их на внешние рынки; достижения принадлежат всем членам группы, все могут ими пользоваться, пока являются участниками группы; поддержка интересов авторов разработок всеми государствами-участниками.

Об идеализме и критике.

Конструкция коллективного технологического суверенитета, как любая договорная конструкция в международном пространстве, имеет сложности и опасности изменений, иногда очень быстрых и кардинальных. Зависит это и от внутренних причин, и от действий внешних, особенно, недружественных сил. В рамках статьи не ставится задача оценить все возможные риски коллективного технологического суверенитета и предложить механизмы их минимизации. Это отдельная серьёзная и объёмная задача для научного и экспертного сообщества.

Может ли Россия стать инициатором и лидером коллективного технологического суверенитета?

В качестве *предпосылок* лидерской позиции России отметим следующие. Во-первых, наличие сильных научных и инженерных школ, умение создавать технологии. Во-вторых, серьёзные заделы, организованное производство в сфере вооружения и военной техники, критической инфраструктуры. В-третьих, исторически налаженная обороноспособность, включающая и военный потенциал, и оборонно-промышленный комплекс, не самым худшим образом налаженная оборона в отношении современных форм гибридной войны (по сравнению с некоторыми государствами). В-четвёртых, значительные энергетические мощности и потенциал, наличие многих полезных ископаемых и мощностей для их переработки. В-пятых, логистические

возможности: маршруты запад — восток, север — юг, Северный морской путь. В-шестых, достаточный опыт развития принципов коллективного суверенитета, включая экономический и технологический, например, с Белоруссией. В-седьмых, опыт совместной технологической деятельности с разными государствами при строительстве, например, атомных электростанций.

В то же время необходимо отметить и проблемные моменты, ряд отсутствующих или недостаточных предпосылок для роли технологического лидера:

- в стране есть не все передовые технологии, хотя многие из ключевых технологий пусть не на высшем мировом уровне, но в стране имеются;
- существуют сложности перехода от идеи к производству, недостаточный объём производства, в том числе в базовых и высокотехнологичных отраслях;
- в России относительно небольшое количество населения, даже по сравнению с сегодняшними «гегемонами»;
- в стране пока мало компаний — мировых лидеров, которые необходимы для занятия государством места технологического лидера;
- пока в процессе обсуждения находится идеологическая составляющая развития страны, которая, по сути, должна формировать и базовую идею для создания партнёрств, философию их совместной деятельности, привлекательные для разных государств.

Что точно необходимо для реализации концепции инициатора и лидера коллективного технологического суверенитета?

1. Идея, понятная всем странам и общественным группам. Идея должна быть привлекательная, с демонстрацией успеха.
2. Образ «ядра стабильности» в современном турбулентном мире. Это может быть хорошим примером для других государств, демонстрирующим успех создаваемой модели общества со стабильным экономическим ростом и стабильными отношениями.
3. Набор инструментов, механизмов и моделей, которые могут быть предложены для формирования партнёрств. ●

Финансовые кризисы: от механизма оздоровления к структурному тупику экономики

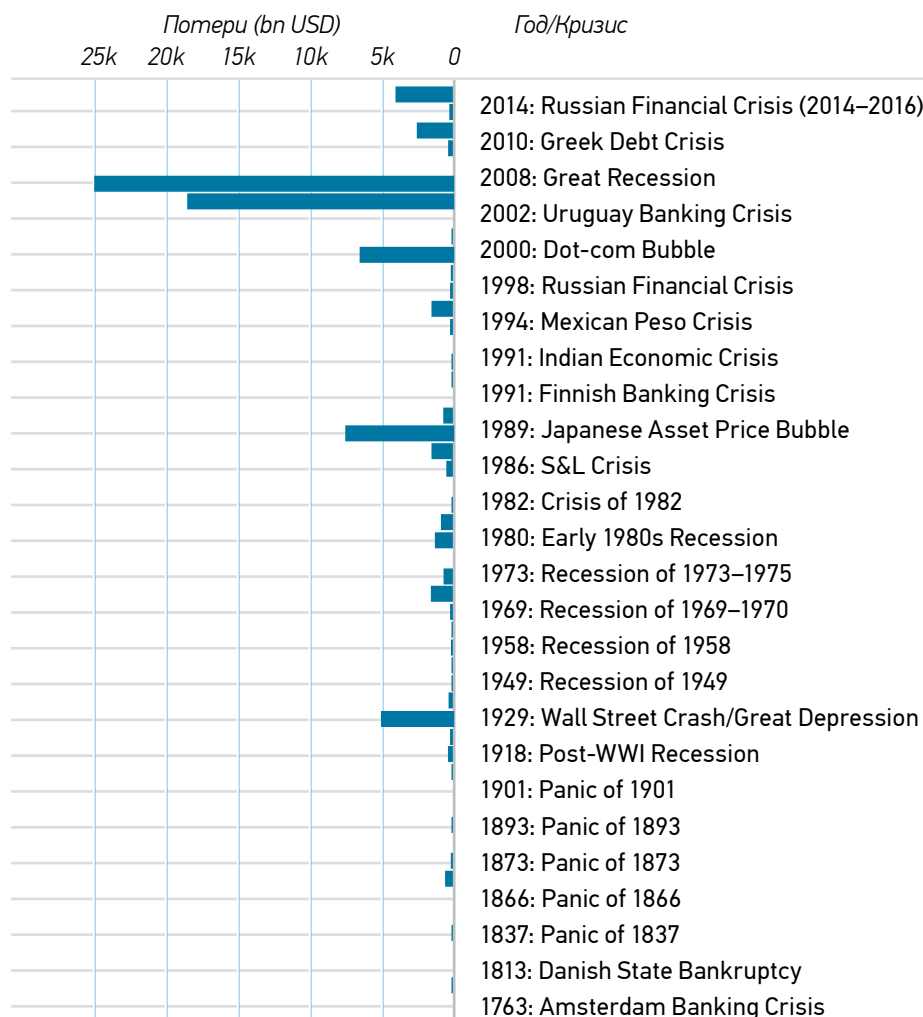
М. В. Баранов,
кандидат философских наук

Финансовые кризисы исторически являются неотъемлемой чертой рыночной экономики, появляясь в среднем раз в 10 лет. Несмотря на разрушительную природу, такие кризисы выполняют важную «санитарную» функцию: все кризисы в конечном итоге ведут к списанию спекулятивных надутых, необеспеченных активов и вложенных в них капиталов. После кризисов обычно через некоторое время следует оживление деловой активности и рост оптимизма инвесторов, что создаёт условия для следующего необо-

снованного спекулятивного роста цены активов. Цикл повторяется.

Не заглядывая в глубокую старину, начиная с 1720 года (*Mississippi Bubble Crash*) и вплоть до начала XXI века экономическая история продемонстрировала регулярное чередование периодов роста и кризисов. Среди знаковых событий можно выделить кризисы 1763, 1772, 1780, 1857, 1866, 1873, 1890, 1907, 1929–1933 годов (*Великая депрессия*), 1973–1974 (*Secondary Banking Crisis*) и другие финансовые потрясения. Для иллюстрации мы взяли список кризисов в англоязычной «Википедии» и соответствующий им объём финансовых потерь в пересчёте на доллары США.

Потери государств от финансовых кризисов

Кризисы в рыночной экономике

Фундаментальные неустранимые причины финансовых кризисов связаны с механизмом финансирования предпринимательства через процентный долг.

Возможность для бизнеса привлекать процентный долг напрямую через займы и облигации или в виде банковских кредитов — основной механизм быстрого роста экономики.

Проблема в том, что в случае если бизнес не зарабатывает достаточно прибыли для уплаты процентов (из-за того что инвестиции ещё не начали приносить доход или из-за плохой конъюнктуры рынка), проценты начисляются не только на сумму долга, но и на невыплаченные проценты прошедших перио-

дов — сложный процент. В этой ситуации сумма долгосрочного процентного долга растёт с ускорением, так как математически рост долга по сложному проценту описывается экспонентой и раньше или позже переходит в безудержный рост.

Так как в реальной жизни сбои в бизнесе происходят всегда, то так или иначе начинает накапливаться дисбаланс в экономике между суммой процентных долгов и реальными возможностями заёмщиков их обслуживать. Сначала этот дисбаланс «покрывается» ростом уже не прибыли, а цены активов — стоимостью бизнесов (т.е. акций), недвижимости и т.п. Этот рост цен обеспечивается не тем, что растущие в цене активы дают больший доход, а исключительно надеждами покупателей на то, что они смогут со временем продать их дороже, чем купили. Когда такие активы закладывают-

ся в виде обеспечения под новые займы, чтобы купить ещё больше активов, возникают т.н. финансовые пузыри или даже печально знакомые нам по 90-м годам финансовые пирамиды.

Таким образом, в суммарной стоимости активов, обращающихся на рынке, всегда есть три составляющие — для удобства назовём их «реальной», «инвестиционной» и «спекулятивной». «Реальная» обеспечена текущей прибылью, приносимой активами, «инвестиционная» — надеждами на будущие прибыли от сделанных инвестиций, «спекулятивная» — надеждами на будущий рост цены актива.

Финансовый кризис всегда сопровождается резким обесцениванием тех или иных спекулятивных активов и вложенных в них средств в виде капитала и займов через банкротства компаний и банков. Общая сумма процентного долга в экономике уменьшается и приходит в соответствие с доходностью реальных активов. Начиная с середины XVIII века подобные кризисы происходят на западных рынках примерно раз в 10 лет. После кризисов, обычно через некоторое время, следует оживление деловой активности и рост оптимизма инвесторов, что создаёт условия для следующего необоснованного спекулятивного роста цены активов. Цикл повторяется.

Важно подчеркнуть, что финансовые пузыри и спекулятивные активы играют важную роль в экономике — они мобилизуют ресурсы общества для реализации долгосрочных проектов. Слово «Панама» стало символом финансовой аферы, но огромный объём работ по строительству канала французами был проделан и позволил американцам завершить строительство и открыть канал, хотя и спустя 25 лет. Строительство железных дорог в США сопровождалось бесчисленным количеством банкротств и разорений, но железнодорожная сеть была построена. Так же и более близкий к нам «интернет-пузырь» начала 2000-х обеспечил массовую прокладку оптоволоконных кабелей и создание инфраструктуры интернет-связи по всему миру. Сегодня на наших глазах надувается «пузырь искусственного интеллекта» — компании вкладывают сотни миллиардов долларов в надежде на призовые места в этой гонке. «Пузырь ИИ» рано или поздно лопнет, но гигантская сеть дата-центров и инфраструктуры останется.

Итак, до 2008-го этот механизм работал безотказно, и мировая экономика в целом оставалась более-менее сбалансированной — финансовые рынки росли, но благодаря глобализации стремительно росли и рынки, и производство товаров, охватывая всё новые и новые территории земного шара.

США в 2000-е годы

Почти тридцать лет, начиная с 1980-х, американская экономика жила в эпоху «великой умеренности». Это были спокойные и предсказуемые времена: экономика росла, а цены менялись несильно.

Стабильность обеспечивала Федеральная резервная система (ФРС), которая исполняет в США роль центрального банка. ФРС управляла экономикой с помощью денежной политики, регулируя стоимость денег, а правительство — с помощью бюджетной, направляя средства на решение задач правительства.

Эти два контура работали по большей части независимо друг от друга, обеспечивая стабильность. Госдолг США к 2008 году составлял безобидные 65% от ВВП (даже снижался в 2005–2006 годах!) и был абсолютно управляемым.

Вот материалы деловой прессы того времени: «Дефицит федерального бюджета США в 2006/07 бюджетном году сократился на 65,7% — до 157,3 млрд долл. по сравнению с дефицитом в 239,6 млрд долл. годом ранее. В проекте бюджета США на 2007/08 также указывается, что дефицит бюджета США по итогам 2007 финансового года составит 1,8% от ВВП, в 2008 финансовом году — 1,6%, в 2009 финансовом году — 1,2%. Более того, ожидается, что профицит бюджета в 2012 финансовом году может составить 61 млрд долл.».

Кризис 2008 года и борьба с ним

Всё поменялось в 2008 году, когда начался ипотечный финансовый кризис. Сначала ФРС, как обычно, начала снижать ключевую ставку. Всего за год ставка упала с 5,25% почти до нуля, но для спасения ряда крупных банков этого оказалось недостаточно. Возможность

этого механизма управления исчерпалась, снижать ставку дальше было некуда. Тогда ФРС решилась на невиданный ранее шаг — «количественное смягчение». Цель была благая — полностью погасить кризис, не допустить ликвидацию спекулятивных активов и капиталов и не дать упасть фондовым рынкам. Как это работало? ФРС выпускала много новых денег, и на них в огромных количествах скупала у банков сперва долгосрочные государственные бумаги, а потом, впервые в истории, ипотечные облигации. У банков спекулятивные активы, которые в нормальной ситуации должны были бы обесцениться, были замещены деньгами. Финансовые власти надеялись, что возможность получать дешёвые деньги оживит застывшую экономику. Эмис-

сию проводили с невиданным размахом: за семь лет, с 2007 по 2014 год, баланс ФРС раздулся с 870 млрд до 4,5 трлн долларов. Таким образом, спекулятивные активы не «сгорели» в ходе кризиса, как это всегда бывало раньше, а просто перекечевали на баланс ФРС. Аналогичную политику проводили и центральные банки других западных стран. В итоге за несколько лет ФРС и центральные банки западных стран эмитировали больше денег (по номиналу), чем за всю историю их существования до 2008 года. Надежда экономических властей западных стран была на то, что рост экономики, накачанной дешёвыми кредитами от банков, создаст достаточно реальных активов, чтобы сбалансировать спекулятивные капиталы.

Как пандемию лечили деньгами

Следующий кризис произошёл в 2020 году с приходом пандемии. Необдуманные карантинные и ограничения заморозили деловую активность и вызвали резкое сжатие экономики. Чтобы её как-то стимулировать, у центральных банков почти не осталось рабочих инструментов. Ставки в западных странах и так были близки к нулю, снижать было уже некуда. ФРС не нашла ничего лучше, как с новой силой запустить печатный станок.

С марта 2020 по май 2022 года баланс ФРС вырос более чем вдвое — с 4 до почти 9 трлн долларов (напомним здесь — в 2007 году было меньше 1 трлн). Правительство продавало ФРС свои обязательства, получало много денег и стало с размахом их тратить. Министерство финансов (и не только) оказывало беспрецедентную бюджетную поддержку всем: бизнесам, банкам, домохозяйствам, фондам. Конгресс одобрял помощь на триллионы долларов: прямые выплаты людям, повышенные пособия по безработице, дешёвые кредиты бизнесу, льготирование ипотеки...

Чтобы получить деньги, правительство выпускало огромное количество новых долговых обязательств. Тут ФРС ещё раз сыграла ключевую роль: скупая государственный долг и давая деньги, она убрала с рынка большой объём бумаг, чтобы не допустить панической распродажи и обвала цен. Фактически ФРС просто эмитировала деньги и купила у них государственные облигации.

К и так никуда не исчезнувшим финансовым пузырям прибавился новый — пузырь госдолга. Если раньше госдолг США был обеспечен налоговыми поступлениями от растущей экономики и государство выплачивало проценты по нему налоговых сборов, то теперь госдолг США превратился в классический спекулятивный актив, обеспеченный только всё большими продажами новых долговых обязательств.

Если после 2008 года триллионы новых долларов, выпущенных ФРС, по большей части так и остались внутри банковской системы и попадали в реальную экономику через дешёвые кредиты, то в 2020–2021 годах всё было по-другому. Деньги от ФРС через бюджетные выплаты правительства триллиона-

ми попали на счета людей и компаний. Существенно выросла денежная масса. Её годовой рост, который обычно до этого не превышал 5%, в 2021 году достиг рекордных 27%. Проблема необеспеченных денег стала одной из главных причин последующего скачка инфляции. Денег стало больше, а товаров из-за борьбы с пандемией стало даже меньше. Рост цен стимулировали также перебои с поставками товаров и огромным отложенным спросом со стороны засидевшихся дома потребителей.

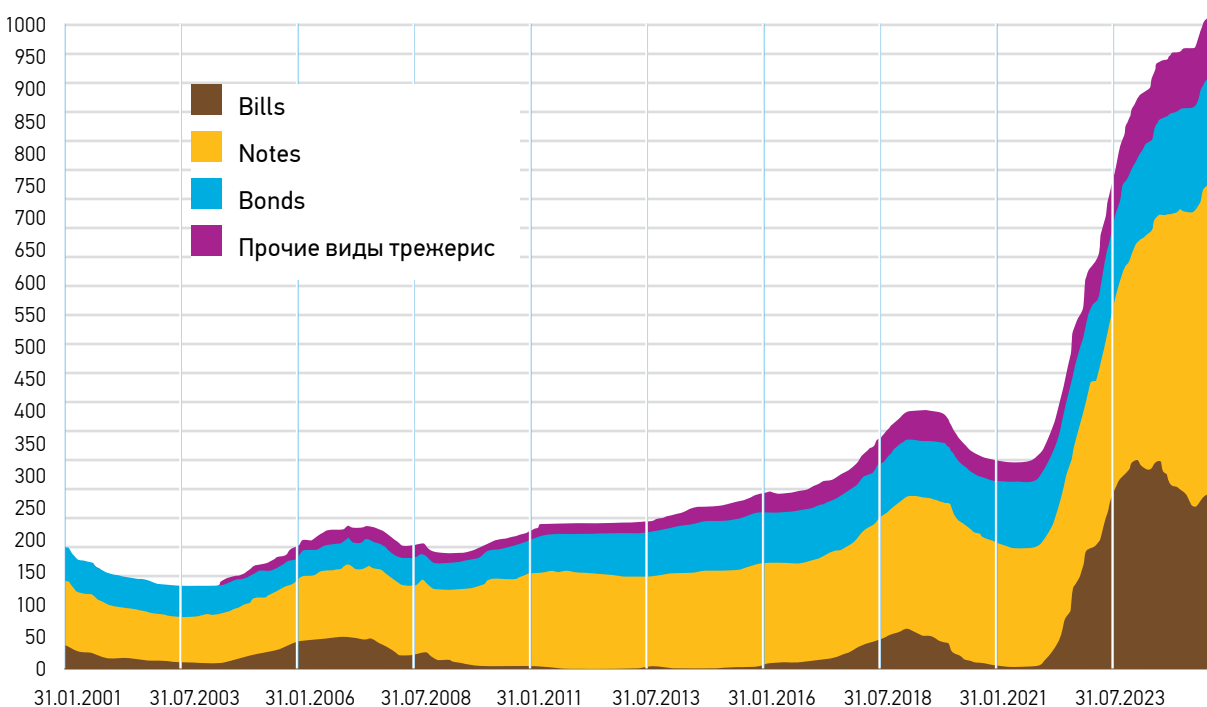
Когда цены вышли из-под контроля, ФРС принялась бороться с инфляцией — повысила базовую ставку с нуля в феврале 2022-го сразу до 5,25% в июле 2023 года. Это, конечно, «охладило» экономику, но огромный госдолг США никуда не делся, и его обслуживание сразу стало намного дороже. Долги, взятые менее чем под 1%, стали обслуживаться уже под 5%. Платежи по обслуживанию существенно выросли. Так как значительная часть госдолга США — это краткосрочные бумаги, их нужно постоянно рефинансировать, каждая новация долга происходила уже по новым, высоким ставкам. В итоге траты на выплату процентов по госдолгу взлетели: с 352 млрд долларов в 2021 году до 880 млрд в 2024-м. Лёгкие времена кончились.

При этом доходы бюджета оставались на уровне около 17% ВВП. А вот расходы, в первую очередь на пенсии и медицину для стареющего населения, неумолимо шли вверх и, по прогнозам, скоро достигнут 27% ВВП. Это означает, что в бюджете страны уже заложена постоянная структурная недостача размером не менее 9% ВВП в год.

Дефицит перестал быть временной проблемой, вызванной кризисом, и стал структурным фактором.

Кризис 2008 года запустил цепочку событий, приведших к нынешней беспрецедентной ситуации. Вместо того чтобы пережить болезненный кризис, позволив ему уничтожить спекулятивные активы и капиталы, западные страны в 2008–2022 годах многократно умножили их объём. Напомним, что на «несгоревшие» в ходе кризиса долги, так же как и на все вновь выпущенные, регулярно начисляются проценты.

Процентные расходы федерального правительства США по рыночному долгу, млрд долл за год

Реальных активов, которые могли бы приносить прибыль, достаточную для уплаты этих процентов, так и не возникло.

Единственно возможный источник прибыли для их покрытия — рост цены активов — спекулятивный, так как эти активы не приносят больше прибыли владельцам, а приносят им только надежды перепродать их подороже. Мы все можем наблюдать этот рост в последние годы — рост криптовалют, не приносящих вообще никакого дохода, рост акций в США, рост цен на недвижимость, особенно элитную, и т.д.

Объём мирового долга, включая обязательства государств, домохозяйств, финансовых и нефинансовых компаний, в 2024 году увеличился на 7,2 трлн долларов и достиг рекордных 318,4 трлн долларов, по данным Института международных финансов (IIF). Отношение долга к мировому ВВП составило 328%.

За чей счёт платит государство

Формально говоря, Америка за это время стала гораздо богаче. Совокупное чистое богатство американских домохозяйств с 2000

года выросло вчетверо — с 44 до 176 трлн долларов. В реальности такой рост получается за счёт переоценки активов, роста цен на акции и недвижимость. То есть имущества почти не прибавилось, но его цена выросла в разы. Прирост в 132 трлн с лихвой перекрывает рост госдолга за тот же период (около 30 трлн). На первый взгляд как бы суммарные активы покрывают обязательства.

Но есть нюанс. Богатство в США распределено крайне неравномерно. На начало 2025 года всего 1% самых состоятельных семей владел 30% всех активов страны, а на 10% богатейших приходилось почти 70% богатства. В то же время беднейшая половина населения владела лишь 2,5%. И в этом заключается уязвимость американской экономики. Активы нации сконцентрированы у ограниченной группы собственников. Оплата госдолга, в свою очередь, падает на всех плательщиков налогов. Выплаты по государственному долгу происходят из бюджета, который наполняется за счёт налогов с доходов физических лиц и с продаж. И поступают они в конечном счёте к наиболее состоятельным гражданам, основным держателям государственных облигаций. Данный механизм пе-

Госдолг в % к ВВП в странах Запада

Год	2000	2005	2010	2015	2020	2024
США	56	62	93	104	124	120
Германия	59	67	81	71	68	63
Испания	58	42	60	103	119	102
Франция	60	68	86	97	115	113
Италия	109	106	119	135	154	135
Япония	136	175	206	228	258	237
Великобритания	38	41	76	88	106	101
Канада	80	71	84	92	118	111
G7	—	85	112	116	139	123

Таблица 1.

рекачивает деньги всего населения к кучке самых богатых. При сохранении текущих экономических тенденций эта диспропорция будет только расти.

Другие страны

Страны Запада, включая Японию, практически повторяли рецепты США и получили сходный результат. Вот соответствующие данные по крупнейшим экономически развитым странам. (Табл. 1)

Государственный долг в процентах к ВВП в развитых странах

Динамика госдолга развитых стран в период с 2000 по 2024 год показывает, что проблема долга является общей чертой их государственных финансов. Практически везде отмечается существенный рост суверенной задолженности по отношению к ВВП.

В результате в мире сформировалась новая экономическая реальность, в которой опасно высокий уровень государственного долга теперь стал общим правилом. Это свидетельствует о кардинальном изменении подходов к управлению государственными финансами: от принципов фискальной умеренности, доминировавших в XX веке, к модели активного использования долговых инструментов для

стимулирования экономической деятельности любой ценой.

Таким образом, для стран Запада процентные расходы превратились из малозаметной статьи бюджета в одну из крупнейших. Для таких стран, как Италия и Великобритания, они составляют для каждой одну десятую часть всех госрасходов.

Россия: структурный иммунитет после катастрофы 1998 года

Сегодня долговой кризис западного образца России не грозит, однако это не столько заслуга наших сегодняшних финансовых властей, сколько следствие катастрофического опыта конца 1990-х годов. В 1998 году Россия пережила системный финансовый кризис, который радикально изменил подход власти и общества к долговому финансированию.

17 августа 1998 года российское правительство объявило дефолт по внутреннему долгу (ГКО и ОФЗ), объём которого к моменту кризиса достиг примерно 450 млрд рублей (около 70 млрд долларов по тогдашнему курсу). Одновременно произошла девальвация рубля более чем в три раза — с 6 рублей за доллар до пиковых значений около 21 рубля. Банковская система фактически обвалилась: обязательства ВЭБ и множества коммерческих банков оказались заморожены или списаны.

Отличие российского кризиса 1998-го от американского 2008 года заключается в том, что в России государство не стало спасать финансовые пирамиды.

Сгорели не только облигации, гарантированные государством (ГКО, ВСМ), но и обязательства крупнейших банков и бесчисленные коммерческие финансовые пирамиды типа «МММ». Потери тогда понесли все участники рынка, от крупных институциональных инвесторов до частных вкладчиков, которые потеряли значительную часть сбережений. Это надолго убило саму идею долговых финансов. Болезненный опыт сформировал у российской элиты устойчивую память и неприятие долговых пирамид, и на протяжении последующих двух десятилетий Россия придерживалась консервативной финансовой политики. Государственный долг России не выходил за пределы 10–20% ВВП вплоть до 2020-х годов. Даже во время кризиса 2008/09 года и последующих санкционных ограничений власти избегали массивных заимствований.

Российская банковская система не накопила критической массы мёртвых «зомби-активов». Банковская система в 1998 году прошла через банкротства и реструктуризацию,

что было болезненно, но эффективно очистило систему.

Российская экономика живёт в условиях структурно более высоких процентных ставок (7–20%). Бизнесы привыкли работать при более жёстких финансовых условиях и не зависят от дешёвых денег для поддержания операционной деятельности.

Немаловажен и политико-экономический аспект. После кризиса 1998 года в российском обществе сформировалось устойчивое недоверие к финансовым аферам, обещающим высокую доходность. Население предпочитает реальные активы (недвижимость, валюту) финансовым инструментам, что снижает масштаб возможных спекулятивных пузырей. Корпоративный сектор также демонстрирует осторожность в долговом финансировании, особенно после серии дефолтов крупных компаний в начале 2000-х годов.

Иммунитет России к долговому кризису западного типа — следствие травматического опыта развала экономики в августе 1998 года. Кризис тогда не был купирован государством, активы сгорели. Правительство сознательно пошло на это, заплатив собственной отставкой. Но непопулярные меры парадоксальным образом защитили страну от будущего накопления тех структурных дисбалансов, с которыми сейчас сталкиваются развитые экономики. ●

Деньги. Тайна происхождения

И. Ю. Демин,
кандидат политических наук

На Диком Западе патрон к кольту 45 калибра стоил 12 центов, как и стопка виски в баре. Когда у ковбоя заканчивались деньги, а выпить хотелось еще, бармен брал вместо денег патроны. Рюмка виски, оплаченная таким образом, стала называться shot («выстрел»). Вероятно, это обстоятельство более других наглядно повлияло на то, что среди экономистов Нового света, а потом и Ста-

рого, самой распространенной легендой происхождения денег стала эволюционная теория. Второй фундаментальной концепцией происхождения денег в экономической науке выделяют рационалистическую теорию, долгое время считавшейся архаичной: так, ее сформулировал еще Аристотель.

Помимо них существуют теории, объясняющие каждая по-своему сущность и функции денег (металлическая, номиналистическая, количественная и другие), но все они являются производными от наиболее популярной

эволюционной теории. Эта теория утверждает, что деньги возникли в результате естественного процесса, когда определённые товары стали использоваться в качестве универсального средства обмена. Эта концепция до сих пор поддерживается, как уже упоминалось, большинством экономистов и объясняет, как деньги эволюционировали из товарного обмена, когда люди поняли неудобства бартерной системы и начали использовать специальные предметы в качестве денег.

Экономисты от Адама Смита до Джона Кейнса, включая Карла Маркса, утверждают разными способами, что государства, лишь увидев преимущества универсальных товаров, стали поддерживать обмен на ракушки каури в Африке, крючки на побережье Галлии, соль в Риме, шкурки животных в Сибири, свёртки шелка в Китае или куски металлов в Греции. Многим ещё в школе было не совсем понятно, как пролегал путь от мешочков с солью к сольдо, отчеканенным из металла (salary), но с этой концепцией нельзя было спорить, как с происхождением человека от обезьяны через труд и использование огня также в результате эволюции.

Было бы глупым утверждать, что все верующие люди должны отрицать любую эволюционную теорию как в происхождении современных видов животных и растений, так и в экономической политике. Но деньги как платёжное средство появились в конкретном месте и в конкретное время, являясь прямым продуктом государства. Случилось это в VII веке до н.э. в Лидии, государстве на западе современной Турции. И с этим никто из эволюционистов не спорит. Типа, количество моментально перешло в качество. Но значительно логичнее выглядит теория Аристотеля (и по времени жизни он был ближе к событию), утверждавшего, что деньги — искусственная социальная условность, сознательно придуманная и введённая для облегчения торговых операций, ставшая таковой не по своей природе, а в силу закона. То есть в конечном счёте «по договоренности» между правящей элитой и населением.

Современными продолжателями Аристотеля стали номиналисты, развивающие идеи государственной теории. В первую очередь это приверженцы ММТ (Modern Monetary Theory), которая утверждает, что суверенное государство, выпускающее собственную валюту, не ограничено в расходах, пока контролирует инфляцию. Деньги здесь — инструмент фискальной политики, а не товар. Отсюда же происходит понятие фиатных денег, утверждающее, что их ценность не обеспечена золотом или серебром, а держится на доверии к государству и его способности взимать налоги. А в качестве примера того, как государство может адаптировать свою монополию на деньги к цифровой эпохе, — цифровые валюты центральных банков (CBDC). Но и как их критики из австрийской школы, утверждающие, что деньги должны возникать из свободного рынка, а не быть навязаны сверху. А следовательно, воспевающие криптовалюты и частные платёжные системы (PayPal, Venmo) как вызов государственной монополии, которые заменят доллар. Например, биткоин, не требующий государства для функционирования (по меркам прошлого тысячелетия — фальшивомонетчики). Так вот, все они особо не рассуждают о первоначальном возникновении происхождения платёжных средств, обычно подразумевая, что деньги заменили бартер.

Критика классической теории

Неожиданным прорывом этого круга взаимных споров экономистов стала работа антрополога Давида Гребера в книге *Debt: The First 5000 Years* (2011). Он предложил радикально иную версию происхождения денег, опровергая классический нарратив.

Гребер утверждает, что долг и кредит возникли раньше денег и бартера. Согласно его исследованиям, первые системы обмена базировались не на чистом бартере, как принято считать, а на долговых обязательствах и взаимных расчётах внутри сообществ.

Все экономические версии, уже упомянутые мною (за исключением аристотелевской), гласят, что сначала был бартер («я дам тебе 5 баранов за вола»). Затем появились деньги как универсальный посредник, и возникли долги. Гребер доказывает, что исторических подтверждений этой схемы нет. Он указывает:

- ни в одной известной культуре не найдено примеров экономики, построенной исключительно на бартере между соседями;
- археологические и этнографические данные свидетельствуют о преобладании долговых отношений даже в доденежных или так и оставшихся безденежными обществах (у инков не было денег).

Как на самом деле появлялись деньги

1. Первые записи о долгах связаны с храмовыми хозяйствами в шумерской цивилизации (3500 год до н.э.). Основной расчётной единицей был серебряный шекель, эквивалентный определённому количеству ячменя. Деньги здесь возникли не из торговли, а из бюрократической необходимости учитывать ресурсы.

2. Деньги и долговые системы внедрялись через принуждение (налоги, штрафы, военные контрибуции). В античных империях (Лидия, Греция, Рим) монеты использовались для платы солдатам, которые расплачивались с населением, т.к. этими монетами было можно заплатить налоги. То есть государство от своих подданных получало в долг с обезличенной распиской в виде монет. Они защищались от подделки не только чеканкой, но

и ценностью металла изготовления. Это вовлекло население в денежные операции. При расширении территории государства за счёт завоевательных походов армии маркиранты навязывали деньги местным сообществам, при том что колониальные власти обкладывали их налогами.

3. Позже даже при отсутствии физической валюты (монет) люди продолжали использовать концепцию денег как расчётной единицы. Так появились сложные финансовые инструменты: векселя, аккредитивы, чеки.

Нельзя не учитывать, что Гребер, предложивший, в общем-то, социал-консервативную теорию возникновения денег, по убеждениям был анархист. Для него долги — это инструмент эксплуатации (например, долговая зависимость рабочих от владельцев фабрик). По Греберу, деньги появились не как «удобное средство обмена», о чём писали даже основатели коммунизма, а как механизм учёта и управления долгами, созданный:

- бюрократами для контроля над населением,
- военными завоевателями для эксплуатации покорённых народов,
- предпринимателями для управления ресурсами.

Я бы добавил ещё, что долг — это способ обмена во времени, и в итоге деньги в современном мире превратились в право использования человеческого времени.

Эта теория меняет взгляд на природу экономики: вместо «естественного» рынка мы видим систему, основанную на долге и государственных гарантиях. Власть и доверие лежат в основе монетарной системы: кто и как может требовать возврата долга, кто выпускает деньги, кто регулирует их стоимость. Разные культуры развивали разные формы долговых обязательств и соответствующих денежно-обменных механизмов, но общий тренд — переход от персональных долгов к более абстрактной денежной системе. При отсутствии доверия к власти деньги исчезали. Русь после монгольского нашествия около двух сотен лет жила без денежного обращения: только долговые расписки и бартерные обмены. ●

Деньги. Неоднозначность функций

Д.Ю. Байдаров,
кандидат юридических наук

Д. Ю. Файков,
доктор экономических наук

Шоказательно определение денег в известном американском юридическом словаре Black's Law Dictionary: «Общий неопределённый термин для обозначения меры и представителя стоимости; валюты; средства обращения; наличных денег. „Деньги“ — это общий термин, охватывающий все виды монет или банкнот, признанные общим согласием в качестве представителя стоимости при осуществлении обмена имуществом или уплаты долгов. Деньги используются как в частном, так и в общем, и более широком смысле. В частном смысле они означают то, что чеканится или штампуются государственной властью и имеет определенную стои-

мость, установленную правительством. В более широком и общем смысле они означают богатство».

Отметим в первую очередь неопределённость этого ключевого понятия современной жизни и его договорную сущность. В качестве некоего «побочного» взгляда на деньги (поскольку чисто экономический взгляд, как мы пытаемся показать, является однобоким и внутренне дискуссионным) можно представить их в качестве исключительного общественного блага, отвечающего за координацию действий всего общества и выступающего мерилем богатства; воспроизводство денег в этом качестве возможно только с помощью государства. К функции богатства же вернёмся чуть позже.

Более эмоциональное описание денег даётся современными российскими философами: «Сегодня деньги — это возможность, ценность, идея, игра, власть, мера человеческих

потребностей и глупостей, что крайне популярно в обществе потребления». Несмотря на эмоциональность, каждая из этих функций подробно рассматривается с научной точки зрения. Все (!) экономические теории денег базируются на доверии к деньгам всех (!) участников экономических отношений, что стало своеобразным вменённым императивом современных денег.

Иллюзия всеобщего эквивалента

Деятельность человека не одномерна. И в этом вопросе уже давно совершены все возможные открытия. Особенный вклад в описание человеческого со-бытия внесла наша отечественная теория деятельности. Ее развитие еще в 30-е годы прошлого столетия свернуло в сторону психологии-педагогике (поскольку для советской идеологии постулирование духовного измерения очевидно ломало тезисы базиса-надстройки), но в работах социологов производства и управления А. Н. Крылова, А. Л. Журавлева — наших методологов — нашло развитие и продолжение. Многие из тезисов и установленных закономерностей сегодня рассматриваются как самоочевидные. Многие — как спорные, но в любом случае (и это признанный в мировой науке факт) именно теория деятельности является тем инструментом, развитие которого может дать новое прочтение общественной политической и экономической реальности.

Деятельность охватывает всю «иерархию» описания человеческой реальности. Она имеет три равнозначных, не сводимых друг к другу измерения: материальное, социальное, когнитивное. И деньги, как инструмент организации общества, должны служить всем трём целям:

- 1) материальной (биологической) — существование и создание материального для обеспечения существования. Деньги должны обеспечивать базовые потребности: еду, жильё, размножение, здоровье;
- 2) социальной — статус, права и возможности, обязанности и ответственность, взаимодействие всех акторов;
- 3) когнитивной (духовной) — риски, творчество, апробация идей, знания. Деньги

в этой функции — это инвестиции в будущее, в то, что меняет мир.

Иерархия между этими измерениями не может быть фиксирована. В зависимости от ситуации ведущую роль может играть то одно, то другое. Но реализуются они всегда все одновременно. Мы не можем перестать быть социальными или мыслящими существами, даже когда добываем хлеб насущный.

Экономика же, как мы её часто понимаем, — это лишь одна из ипостасей общественного бытия. Она не существует сама по себе, а отражает сложившуюся систему человеческих отношений, идей и правил, в широком смысле — культуры. И деньги также часть этих многомерных отношений. «Их [денег] ценность происходит не из их вещественной формы, а из содержания того общественно-го процесса, который они опосредуют своим движением и делают его возможным» — немецкий философ и социолог Г. Зиммель, «Философия денег» (1900). Русская философская традиция также отвергает идею о самостоятельной значимости денег и не отделяет её от цельного социокультурного контекста. Русские философы и мыслители, такие как С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьёв, отмечали неэкономический характер денег. Например, С. Булгаков утверждал, что для понимания денег необходимо обращаться к философии хозяйства, которая свойственна конкретной культуре, а не общим экономическим законам, которые, по его мнению, не могут описать денежные отношения в полной мере.

Любая власть — это инструмент результата договорённостей («согласие есть продукт непротivления сторон»). Власть денег такая же власть, как сила, бюрократия, СМИ и другие. А любая власть как результат договорённостей базируется на доверии.

Эмитенту, и прежде всего современному глобальному эмитенту, крайне выгодно абсолютное доверие к актуальным виртуальным (речь не о цифровых), ничем не обеспеченным деньгам. Держатель «печатного станка» старается максимально укрепить это доверие, сделать его безусловной и не вызывающей сомнения истиной, безусловным рефлексом (по И. Павлову). Это специфичное доверие, ос-

нованное на принятии «объективного» и «необходимого» риска — мол, это ж деньги, а значит, могут быть и махинации, и инфляция, и скачки курсов, и риски инвестирования и проч., — делает деньги инструментом формирования социальных искажений и, следовательно, напряжения. Напряжение проявляется преимущественно через неэкономические варианты поведения — готовность реагировать на всякие изменения независимо от количества имеющихся денег, от дохода, от профессиональной и статусной принадлежности.

Такое поведение, а вернее, такое напряжение, подогреваемое всяческими экспертами, блогерами, новостями, фильмами, системой образования и т.д., формирует благоприятную среду для распространения той самой «западнической» культуры, основанной на рыночной модели познания, самовыражения и реализации личности. В ней постулируется, что благодаря деньгам происходит личное освобождение индивида от массы социальных, моральных, идеологических связей, упрощается путь к удовлетворению любых желаний и потребностей.

К. Маркс, как известно, в своих трудах рассматривал в качестве денег золото и утверждал, что работа золота в качестве меры стоимостей заключается не в том, чтобы сделать товары соизмеримыми, а в том, чтобы проявить истинное положение дел и показать, как через «овеществлённый человеческий труд» становятся сравнимы результаты производственной деятельности. Где-то глубоко это может быть вполне логично. Но только для материального мира (не социального и когнитивного) и только если деньги вполне себе материальные — скажем, как у Маркса, золото. Но в этом плане обмен больше похож на бартер, поскольку результат одного труда (товар) меняется на результат другого труда (кусочек золота). А если деньги — это криптовалюта? Как в ней найти «овеществлённый человеческий труд» и сравнить с другим товаром? Может, поэтому майнеры иногда называют «IT-фальшивомонетчиками»? Но вопрос с функцией «всеобщего эквивалента» денег всё же остается.

Посмотрим с другой стороны. К какой из трёх сфер — материальной, социальной, ду-

ховой — относятся деньги? Если исходить из того, что деньги стали универсальным эквивалентом для обмена, то это продукт когнитивного, духовного производства. Это всеобщая абстракция, идея. Но экономическая наука всё же подаёт деньги как объективную материальную сущность, товар особого вида. И это то ли заблуждение, то ли сознательная диффамация широко эксплуатируется.

Деньги в рамках сложившейся парадигмы по умолчанию преподносятся как ограниченный ресурс. А ведь долгое время дефицитным было именно материальное (еда, тепло) и социальное (сложно было договариваться и поддерживать стабильность). Когнитивная сфера — идеи, знания, доверие — постепенно становилась своего рода компенсатором этих дефицитов. И быть может, сегодня, благодаря технологиям, общество уже прошло тот рубеж, когда материальные ресурсы стали в достаточной степени доступны? Быть может, сегодня главный дефицит именно в сфере когнитивного? В сфере ценностей, смыслов и доверия? И этот дефицит не может быть ликвидирован привычными «рыночными» способами, увеличением денежного ресурса: невозможно создать рынки внимания, любви, знаний, творчества, производства ценностей. Такой подход ведёт к кризису смыслов, выгоранию, неоправданной атомизации общества, что, собственно, сегодня и происходит.

А значит, деньги — это всё-таки не всеобщий эквивалент, а скорее, лишь способ организации взаимодействия в сфере материального, как и было при их происхождении. Для социального и духовного уже давно есть свои, более подходящие системы взаимодействия: доверие, репутация, взаимопомощь, признание, слава, знание.

Три функции денег

Если признавать три измерения человеческой деятельности, то и деньги, как инструмент организации общества, должны служить всем трём целям. Попробуем сформулировать функции денег, соответствующие этим измерениям.

1. Функция обеспечения сохранения и воспроизводства жизни. Через конструируемые с помощью денег условия воспроиз-

водства населения, что включает создание соответствующих для этого уровня и качества жизни, должны соблюдаться необходимые демографические показатели общества. Деньги призваны обеспечивать удовлетворение базовых потребностей: еды, жилья, безопасности, здоровья, возможности воспроизводить жизнь. Для этого должны воспроизводиться базовые экономические ценности — производство продуктов питания и медикаментов, электричества и стройматериалов, станков и средств передвижения и т.д. Современные же деньги отчуждаются от реальной экономики. Они могут самовоспроизводиться и умножаться независимо от хозяйственной реальности — в виртуальных финансовых манипуляциях, играх на курсах и проч.

2. Функция обеспечения системы социальных связей. Деньги должны быть инструментом укрепления общества, его связанности, стабильности, справедливости, поддерживать социальные лифты. Но происходит как раз обратное: деньги обнаруживают свойство отчуждать социальную и культурную мотивацию; они обладают свойством противопоставлять людей друг другу, сеять недоверие и враждебность; становятся инструментом

деградации традиционного критического мышления для бедных и поддержания депрессивного состояния у представителей немногочисленной группы пытающихся думать. Обладание деньгами становится важнейшим средством самоидентификации, интеграции в «избранное» общество. Происходит подмена социальных норм биологической конкуренцией. А ведь именно социальные стереотипы направляют энергию человека.

3. Функция развития и творчества (когнитивная). Это самая недооценённая функция, вероятно, потому что не приносит быстрой отдачи. Деньги в ней — это «топливо» для риска, инноваций, создания шедевров, идей и ценностей. Ценностей, в итоге (а не непосредственно!) создающих реальность. Это инвестиции в будущее, в то, что меняет мир. Здесь могут сходиться и идеология, и самореализация, творчество. Ещё Й. Шумпетер указывал, что деятельность предпринимателя основана не просто на извлечении прибыли, а на творчестве, азарте, на вложении в дело инициативы, открытии новых возможностей. Рациональный современный менеджмент исходит часто из того, что работник трудится с наибольшей самоотдачей не тогда, когда просто

ориентирован на вознаграждение, а когда имеет возможность реализовать в труде интерес, инициативу, способности.

История подтверждает существование денег в рамках описанного функционала. Причём в рамках новейшей истории. Золотой червонец, помимо реальной экономической сущности, обеспечивал решение суперважных идеологических и государственных задач (когнитивная функция). Бумажные деньги — для удобства расчёта обмена и обеспечения мотивации коллективов (социальная и воспроизводственная функции). Карточки (тоже форма денег) — обеспечение выживания. Бреттон-Вудская система закрепила такое разделение денег глобально — сделала доллар «золотым червонцем» для мира, а многие национальные валюты низвела до уровня «карточек» для обеспечения внутреннего функционирования.

И о богатстве

И немного о функции денег как богатства. К. Маркс формулировал её как образование сокровищ. Позже её переименовали в средство накопления (иногда добавляют и сбережения). Изменение названия отражает суть произошедшей с деньгами метаморфозы: если золото могло быть богатством и сокровищами, то современные деньги назвать такими невозможно. В лучшем случае это накопление, и то всегда с рисками лишиться этих накоплений (инфляция, скачки курсов, стратегии центробанков, мошенничество, банкротство банков, санкции и т.д.). Такие накопления требуют постоянного присутствия и деятельности человека, чтобы их сберечь. Рента, как оказалось, требует постоянного участия рентополучателя. В противном случае она, несмотря на все усилия гарантов, сужается и исчезает. Деньги требуют того, чтобы они работали! Слышали такую поговорку? А значит, богатство (в абсолюте) — это что-то другое. Не современные деньги. Не то, что требует постоянного отслеживания курсов, инфляций и прочих действий. Что-то материальное, не быстропортящееся: золото, картины, антиквариат, нефть, территория и т.д. Что-то может принадлежать индивидам, а в совокупности — обеспечиваться только государством.

И отсюда интересный вывод: богатство государства — отдельная категория, которая может использоваться для сравнения его с другими государствами, может быть, для сравнения валют. Но это отдельная глубокая тема.

Итоговые выводы

Во-первых, необходимо отходить от парадигмы ограниченности ресурсов в экономике. Это подход сугубо материальный, который не «замечает» реальной многомерности создания ресурсов.

Во-вторых, логика дефицита потеряла свою актуальность. Ключевые ресурсы сегодня — знание, кооперация и творчество, которые по природе своей не могут быть квалифицированы в измерениях дефицитов.

В-третьих, исповедуемая модель денег как всеобщего материального эквивалента тормозит развитие общественного производства. Она замедляет социальные инновации и обесценивает творчество, если они не монетизируются немедленно. Попытки свести развитие к финансовым показателям игнорируют сложность социального и когнитивного производства.

И основной вывод, наверное, в том, что деньги — это не объективная физическая данность. Деньги — это результат договорённостей. Как договоримся, так и будет. Можно продолжать участвовать в гигантской глобальной пирамиде, а можно начать договариваться о новых правилах. О том, что финансовая система должна адекватно отражать сложную, многомерную человеческую природу. Она должна служить жизни, укреплять социальные связи и поощрять творчество.

Задача не в том, чтобы отказаться от денег. Задача в том, чтобы вернуть их на место мощного, но всего лишь инструмента. Инструмента, который должен служить нам, а не мы — ему. Ведь истинное богатство — это не цифры на банковском счете. Истинное богатство — здоровье, время, которое мы можем провести с близкими, знания, которые мы приобретаем, и тот вклад, который мы вносим в этот мир. Деньги могут быть только средством для достижения этих целей, но они никогда не должны становиться самой целью. Заблуждения приводят к катастрофам. ●

История денег России.

980 год – наше время

А. П. Еременко,
кандидат физико-математических наук

Князь Владимир после крещения Руси решил, что вместе с единой государственной религией было бы правильно получить и другие атрибуты государства, в частности свои деньги. К середине X века на юге Руси имело хождение множество разнообразной валюты: куфические динары халифата, византийские чашечки, даже денарии франков — всё это позже находили в культурных слоях при раскопках. Владимир не долго колебался, что предпочесть: раз уж в религии выбрали греков, значит, и в монетах поступим так же, — и стал чеканить подражание византийским солидам Василия II — легендарные златники. Их сохранилось всего 12 штук, и из них неизвестна судьба лишь одного, остальные лежат в московских и киевских музеях. Их делали из золота, а из серебра — сребреники, их известно несколько сотен, причём не только времён правления Владимира, но и более поздних. При их изготовлении русские отличились: вместо традиционной техники на рубания металлического прутка на заготовки и их расплющивания кругляши для будущих златников и сребреников отливали в форме. Это делалось потому, что (проклятие России на много веков вперёд) месторождений золота и серебра у нас не было тогда открыто вообще. В качестве сырья использовались... монеты других стран, от арабских до византийских. Впрочем, эта практика не является чем-то уникальным, нумизматам известны сотни случаев надчеканки чужих монет и введения их в оборот как своих.

Владимир же, однако, надчеканивать принципиально ничего не мог.

Для Владимира монета была выражением суверенитета и княжеской власти, она должна была нести только его лик (и Христа).

Так что пришлось переливать. В связи с этим и ограниченность находок — просто потому, что материалы для их изготовления довольно быстро кончались. Удивительно, однако, то, что все найденные монеты (и даже златники!) несут следы довольно активного обращения, то есть это была реальная настоящая валюта, используемая для ежедневных дел, несмотря на её малочисленность! Кроме монет официальных наследников Владимира, как великих князей киевских Святополка и Ярослава, к 1000 году в подражание уже его монетам стали изготавливать и другие. Известны медные варианты из Тмутаракани (иногда позолоченные — уникальная, более не встречавшаяся практика), монета боярина Ратибора, Олега Гориславича и даже совсем экзотическое подражание денарию от князя Болеслава Храброго. Для крупных расчётов сребреники были маловаты, поэтому (несмотря на дефицит металла) ещё в XI веке для них появились весовые единицы — гривны. После вхождения княжеств в улус Джучи гривны применялись для выплаты дани монголам, а наибольшее распространение в качестве средства обмена они получили там, где всё это время сохранялась развитая торговля с Западом (а значит, и доступ к монетам на переплавку), — в Новгороде. В це-

Сребреник князя Владимира, тип III, 1011–1015 гг.

Златник князя Владимира, 4,15 г, 22 мм.

Денга Дмитрия Донского, подражание монголам, Москва, 1380–1389 гг., 1 г, 14 мм.

Денга Владимира Ольгердовича, подражание монголам, Киев, 1362–1394 гг., 0,42 г, 11 мм.

Денга Ивана Андреевича, Можайск, 1446–1454 гг., 0,46 г.

Пуло, Углич, медь, 1400–1450 гг.

Золотая копейка Владислава Жигимонтовича, 1610 г., 0,5 г, 11,9 мм.

Золотая деньга Михаила Федоровича (новодел), 1613 г., 0,5 г, 11 мм.

Корабельник Ивана III, 1471–1490 гг., 7 г.

Ефимок с признаком 1655 г. на талере Сигизмунда III 1630 г.

лом нумизматы выделяют гривны киевского типа, черниговского, новгородского, татарского и литовского, вес их отличался в пределах 160–210 г, что примерно соответствовало западноевропейской мере веса драгметаллов — марке.

Чеканка сребреников продолжалась относительно регулярно около 100 лет, примерно с 990-х по 1090-е. Качественными сребрениками были только монеты Владимира, прочие же князья очень быстро начали портить монету, разбавляя серебро до 300–400-й пробы, а иногда и меньше: металла фатально не хватало, а торговый оборот рос, как и потребность в деньгах. Таким образом, знаменитый Безмонетный период, начало которого связывают с игом, по-моему, на самом деле начался чуть раньше. Разгром русских княжеств случился в ходе Западного похода монголов 1236–1242 годов, тогда как монеты массово перестали чеканить лет за 50 до них, в конце XII века. Проблема была в том, что, как мы уже гово-

рили, на границах Руси тех лет не было даже существенных запасов меди, не говоря уже о золоте и серебре, при этом экономика княжеств постепенно развивалась и требовала всё больше денег, а внешняя торговля по скорости развития явно отставала, и меньше чем за сто лет всех динаров, скифат, дирхемов, денье и пенни, получаемых русскими князьями, стало не хватать для чеканки тех объёмов монеты, которые были нужны. В итоге экономика вынужденно переехала на товарные деньги — в основном мех и скот, а для повседневных расчётов стали применяться многочисленные эрзацы: стеклянные бусы, пряслица, шкурки и т.п. В Новгороде продолжала ходить гривна. В соседнем Великом княжестве Литовском стандартом веса стала копа (от чеш. кора — куча), соответствовавшая по весу 60 пражским грошам (самой ходовой монете XIV века Восточной Европы — клады, содержащие гроши, найдены даже в Татарстане).

Слово «рубль», эквивалентное гривне, встречается в новгородских письменных

Петр I, 1 дукат, 1716 г.,
золото .980, 3,47 г, 21 мм.

Екатерина I, 2 рубля, 1726 г.,
золото .781, 4,1 г, 20 мм.

Иван VI, 1 рубль, 1740 г.,
серебро .868, 25,85 г, 42 мм.

Елизавета, 1 дукат,
1753 (новодел) г.,
золото .986, 3,47 г, 21,5 мм.

Елизавета, 10 рублей, 1762 г.,
золото .917, 16,57 г, 31 мм.

Петр III, 5 рублей, 1762 г.,
золото .917, 8,28 г, 25 мм.

Петр III, 10 рублей, 1762 г.,
золото .917, 16,57 г, 31 мм.

источниках с начала 1300-х. Исследователи до сих пор расходятся во мнении, соответствовал рубль целой гривне или же её $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{4}$ части. Литовская гривна тоже похудела, будучи пересчитанной к литовским грошам — подражанию польским, которые сами подражали пражским. Постепенная характерная для всей Европы вплоть до открытия рудников Иоахимсталля и Нового Света порча монеты (уменьшение содержания серебра) привела к тому, все монеты «худели». Примерно к 1420-м окончательно сложилось традиционное цифровое содержание рубля, как денежной единицы, в 100 сначала грошей, а потом копеек.

Безмонетным периодом время с примерно 1100 по 1350 год на Руси можно назвать вообще условно, он вовсе не означает, что люди вообще не знали понятия «монета» и не видели их. На польско-литовских территориях ходили чешские, польские и литовские гроши, просачивавшиеся через Львов и Новгород и

на Русь (что логично — из чего-то же гривны отливали!), в 1350–1370 годах в том же Львове наладили производство т.н. русского пула Казимира Великого и грошика Владислава Опольчика, в Вильно тоже чеканили литовско-русские грошики. Монгольские пулы — мелкие медные монеты, выпускавшиеся с 1250-х, — тоже широко представлены в русских кладах, как и разнообразные джучидские серебряные дирхамы (примерно 1250–1310 годы) и заменившие их по реформе Тохтамыша данги (теньге, денги). Один татарский сум (слиток, аналогичный гривне, примерно 220 г) давал 120 дангов, сами монголы чеканили их до 1412 года. Данг равнялся 16 пулам. Слово «денга» в русских письменных источниках встречается впервые в 1361 году и почти такое же древнее, как «рубль».

Формально безмонетный период на Руси кончился, когда в Киеве в конце XIV века начали чеканить собственное подражание дангу Джанибека, правда, чеканил его литов-

ский князь Владимир Ольгердович, чей отец разбил татар (к тому моменту уже разваливающихся на отдельные улусы) при Синих Водах в 1362 году и захватил Киев для Литвы. Первой же монетой, которую можно назвать совершенно русской, стала денга Дмитрия Донского 1380-х, такое же подражание Орде, но отчеканенное уже в Москве. Самой же первой портретной монетой на Руси со времён серебряника стала денга его двоюродного брата Владимира Андреевича, выпущенная десятью годами позже.

Именно при чеканке подражаний дангу была впервые применена и технология изготовления данга: разрубание прутка на кусочки и расплющивание заготовки, — так появился стиль монеты, известный как «чешуя».

В целом 1380–1420 годы — это период массовых подражаний: после Донского, например, данги чеканили Василий Дмитриевич в Москве и Юрий Дмитриевич в Галиче.

Примерно в то же время появляется т.н. удельная чешуя. Во второй половине XIV века свои чешуйки чеканят уже около десятка княжеств. В этот момент до совершенства доходит и сама технология: всё попадающее на монетный двор серебро переплавлялось в довольно высокую пробу (от 795 до 960, обычно использовалась около 900), отлитые прутки волочились в проволоку, её рубили на стандартные части массой порядка грамма (в Рязани было 1,5 г, в Новгороде — около 0,8 г) и прочеканивали. Известно множество разновидностей удельной чешуи. Она имеет самые разнообразные сюжеты, трудно распознаваемые из-за скверной чеканки и крошечного размера. Например, известна двойная денга Андрея Фёдоровича и Александра Константиновича (каждый на своей стороне), разделивших Ростов пополам в 1328 году; «александровская» денга Бориса Александровича из Твери (около 1425 года) с сюжетом, прославляющим тезку его отца — Александра Македонского (по одной из легенд он запрягал птиц и летал по небу); денга Василия Дмитриевича из Москвы с призывом из Книги притчей Соломоновых — 9:6 ОСТАВИТЕ ВЕЗУМЬЕ ЖИВИ УД (в современном переводе — «оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума»);

двойная денга Василия I и Василия II 1420-х тоже из Москвы; просто крайне редкая (найдено всего несколько) денга угличского Константина Дмитриевича; страшная денга Ивана Можайского, на которой Василию Темному выкалывают глаза (около 1440 года); кашинские денги с Самсоном и львом и т.п. На денгах тверских князей от Ивана Михайловича до Михаила Борисовича (примерно 1470-е) впервые встречается стилизованный двуглавый орел (Москва очень долго его не признавала и использовала строго всадника). Отдельно интересно, что до Ивана III медные пулы на Руси не очень использовали, предпочитали крошечные, но серебряные, а вот в Твери князья наладили массовую чеканку именно медных монет. Интересно и то, что Тверь, несмотря на близость к Орде, никогда не чеканила подражаний, только свой дизайн.

Кроме стандартной базовой чешуйки-денги изготавливали и половины, весом примерно 0,4 г, и даже четверетцы, весом порядка 0,19 г (в основном Новгород и Псков). Для нужд повседневной мелкой торговли в Москве, Твери, Суздале, Ярославле и некоторых других городах чеканились пулы — небольшие медные монеты, стоимость которых колебалась от 1/60 до 1/120 части денги, а вес — от 1 до 2,5 г. Удельная чешуя начала умирать при Иване III, первом русском царе, а окончательно исчезла с реформой 1535 года Елены Глинской, которая унифицировала денежное обращение Русского государства (об этом чуть позже). Основными денежными единицами становятся московская денга с изображением всадника с саблей и весом в 0,34 г и новгородская денга удвоенного веса с изображением всадника с копьём. Так появляется третья классическая русская расчётная единица — копейка. В 1596 году при Фёдоре Ивановиче на чешуе появляется дата чеканки, тогда ещё обозначаемая кириллицей, в это же время Россия окончательно переходит на единственный стандарт копейки, новгородский, который начинают бить на всех трёх дворах: в Москве, Новгороде и Пскове. Сам Иван III тоже несколько раз отличился на нумизматическом поприще, например, около 1460-х приказал отчеканить денгу с надписью на арабском «московское акче». Случилось это потому, что в 1468 году

Екатерина II, 20 рублей, 1755 г.,
золото .917, 33,14 г, 37 мм

Екатерина II, 5 рублей, 1763 г.,
золото .917, 6,54 г, 23 мм.

Екатерина II, 1 рубль
«Пугачевский» (новодел),
1771 г., серебро, 28 мм.

Екатерина II, 2 пара/3 копейки,
1773 г. для Молдавии и Валахии,
серебро, 20,4 г, 35 мм.

Павел, 1 рубль, 1796 г.,
серебро .868, 24 г., 39 мм.

Павел, 5 рублей, 1798 г.,
золото .986, 6,08 г., 23 мм.

новый хан Ахмет разорил Рязань и нацелился на Москву, хитрый Иван по-быстрому умиловитивил его данью, отчеканенной «в восточном стиле». В 1472 году Ахмета разбили и «акче» чеканить перестали.

Последними удивительными монетами Ивана III стали вновь отчеканенные русские золотые, подражание венгерскому форинту и английскому ноблю с корабликом. В те годы торговля с Западом начинала потихоньку налаживаться, и в Россию пусть и мало, но стали поступать даже золотые монеты. Венгерский форинт у нас именовали дукатом угорским, а изображение святого Иштвана принимали за князя. «Угорские» чеканили как жалованную монету, то есть сугубо наградную в очень малом количестве, между 1477 и 1480 годами. Для аналогичных целей был отчеканен известный в единственном экземпляре «корабельник» — клон нобля. Единственный существующий был приобретен у какого-то львов-

ского коллекционера в 1970-е и попал в Государственный Эрмитаж.

Вообще Иван III ввёл ценную и уважаемую традицию награждать отличившихся золотыми и позолоченными монетами, которую с тех пор поддерживали практически все цари. Известны угорские наградные монеты Фёдора Ивановича, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Бориса Годунова, Алексея Михайловича. Последними традиционными угорскими стали монеты Софьи Алексеевны, предназначенные для награждения участников Крымских походов 1687 и 1689 годов. Угорскими все они были уже только по названию; так, например, на золотом Годунова красовался он сам и надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Борис Фёдорович всея Руси самодержец».

Вернёмся к более приземленным монетам — копейкам. В XV–XVI веках денежная

система Руси выглядела традиционно, то есть запутанно: в рубле десять гривен, в гривне десять новгородок, в новгородке две денги; в алтыне шесть денег; в рубле две полтины, в полтине пять гривен, в гривне двадцать денег, в денге две полуденги. Уникальным (и печальным для России) фактом был тот, что в Европе давно настала эпоха талеров и 8 реалов (популярно называемых пиастрами), огромных 26–30-граммовых серебряных кругляшей из металла Латинской Америки и Рудных гор в Богемии. В России же с металлом всё оставалось как и раньше, то есть никак. Всё что было — перечеканивалось из иностранной монеты.

После окончательной сборки княжеств под руку Москвы при Василии III настала пора их пережаривать, и оказалось, что монет на всех не хватает. В итоге уже при вдове Василия, Елене, была проведена первая русская централизованная денежная реформа, которая и закрепила новый стандарт, выпускавшийся вплоть до Петра I.

Реформа заключалась прежде всего в том, что из гривны (устоявшейся тогда на 204,75 г) вместо 520 монет Государев монетный двор стал чеканить 600, обрезав их на 15,6%. Новую монету поименовали денгой, вес её составил 0,34 г, а вес полушки — 0,17 г. С этим и жили. В Новгороде же, столице (до походов Грозного) русского бизнеса, жили богаче, и им была дозволена удвоенная денга с копейщиком — 0,7 г копейка или новгородка. Интересно, что «московки» называли по аналогии сабляницами. 100 новгородок давали 1 рубль, делящийся на 10 гривен, что говорит нам о том, что русские перешли на десятичную монетную систему примерно на 300 лет раньше Европы. Это забавно соотнести с тем, как европейцы долгое время в расчётах использовали каролингскую систему 1:20:240, по которой в расчётной единице — фунте (лире, франке и т.п.) — изначально было 20 шиллингов, а в шиллинге — 12 денье или пенсов. Эта система намного удобнее для небольших ручных расчётов потому, что 12 имеет 4 делителя (как и 20), а 10 — только 2. Для подсчёта на пальцах мелких сумм в торговле чем больше делителей, тем проще, а вот для крупных торговых сделок считать на бумаге,

наоборот, удобнее кратно 10: 100, 1000 и т.д. В итоге, когда в Европе появились бумажные деньги (преимущественно для обслуживания крупных сделок), они с ходу имели номиналы, похожие на современные: 10, 20, 50, 100, 250, например, франков, — тогда как мелочь до Французской революции считали по старинке, как Карл Великий завещал, это было удобно. В России в полном согласии с этой логикой новгородские купцы с ходу додумались до десятичной системы, удобной в тяжёлых сделках, а вот у простых людей денег было настолько мало, что какую систему практичнее использовать — им вообще было без разницы, всё равно больше чем до 10 копеек считать ни разу в жизни не придётся.

А как же иностранцы? Ни один заграничный купец в России не имел права торговать с русскими иначе, как через правительство (для России была характерна форма твёрдого государственного контроля над внешней торговлей). Чтобы осуществить сделку, у него было два пути. Относительно простой — бартер, товар на товар. Чуть более сложный — купить русский товар за талеры, и вот здесь поджидала засада. Отдавать русским талеры в частные руки также было строжайше запрещено, сначала надо было их сдать в казну по грабительскому курсу 36 копеек за талер (при том что металла в них было примерно на 42 копейки), и уже только потом на эти копейки что-то брать.

Когда в Англии в 1555 году образовалась Московская компания для торговли с Россией, английские купцы среди прочих привилегий, полученных от Ивана IV, в 1569 году обрели право беспроцентной перечеканки серебра на русских денежных дворах: «Государево величество велел своим денежным мастерам во всяких местах на тех гостей ефимки переплавляти и денги делать беспроцентно, толко б гости платили за уголье и мастерам за дело». Впрочем, формально это звучало выгодно, но на деле те же плавильные и золотничные сборы составляли 4% с гривны переработанных монет, мастера получали из них 0,58%. В целом англичанам процедура всё равно была выгоднее, чем прочим, т.к. на руки они получали 40–41 копейку. Фёдор Иванович в 1588 году англичан обидел и отменил эту привилегию,

Александр I, 1 рубль, 1801 г.
(новодел), серебро .868,
20,73 г, 37 мм.

Александр I, 10 рублей, 1804 г.,
золото .986, 12,18 г, 28 мм.

Константин, 1 рубль, 1825 г.,
серебро .868, 20,73 г, 35,5 мм.

Николай I, 3 рубля, 1828 г.,
платина .950, 10,36 г, 23,2 мм.

Николай I, 6 рублей, 1831 г.,
платина .950, 20,71 г, 28,5 мм.

Николай I, 12 рублей, 1833 г.,
платина .950, 41,41 г, 35,75 мм.

Николай I, 10 рублей «10 лет
коронации» (новодел), 1836 г.,
золото .917, 13,08 г, 27,5 мм.

Николай I, 1½ рубля / 10 злотых
«Семейный рубль», 1836 г.,
серебро .868, 31,11 г, 40 мм.

Николай I, 1½ рубля «Бородино»,
1839 г., серебро .868, 20,73 г, 35,5 мм.

что больно ударило по доходам Московской компании. Исследователи монет-чешуек однозначно среди массива русских копеек второй половины XVI века выделили группу, которая не может быть прослежена ни от одного русского штампера тех времён, она полностью изолирована и не имеет ничего общего с официальной монетой, хотя штамперы и работа крайне качественные. Единственное объяс-

нение их появлению — чеканка «воровских» монет непосредственно в Англии по русским образцам до 1600 года. С этого года началась чеканка копейки царя Фёдора, а её подделок не обнаружено.

Ввоз в Россию «воровских» монет, имитирующих русские копейки, был не последним опытом западных торговых компаний. В 1619 году датская Печорская компания с коро-

Александр II, 5 рублей, 1858 г., золото .917, 6,54 г, 22,6 мм.

Александр II, 1 рубль, 1862 г., серебро .868, 20,73 г, 35,5 мм.

Александр II, 25 рублей «30 лет Великому Князю Владимиру», 1876 г., золото .917, 32,72 г, 32,3 мм.

Александр III, 5 рублей, 1886 г., золото .900, 6,38 г, 21,3 мм.

Николай II, 5 русов / ½ империала, 1895 г., золото .900, 4,3 г, 19,6 мм.

Николай II, 10 русов / ¾ империала, 1895 г., золото .900, 8,6 г, 21,4 мм.

Николай II, 15 русов / 1 империал, 1895 г., золото .900, 12,9 г, 24,5 мм.

Николай II, 10 рублей / 1 империал, 1897 г., золото .900, 8,6 г, 22,5 мм.

Николай II, 37½ рубля / 100 франков, 1902 г., золото .900, 32,26 г, 33,5 мм.

Николай II, 25 рублей / 2½ империала, 1908 г., золото .900, 22,26 г, 33,5 мм.

РСФСР, 10 рублей, 1923 г., золото .900, 8,6026 г., 22,6 мм.

лем Христианом IV во главе предприняла чеканку «русских» копеек, сначала от имени Христиана IV (их планировалось официально использовать на спорных датско-русских территориях), а потом уже и полностью пиратских с именами случайных царей: Бориса Фёдоровича, Дмитрия Ивановича, Василия

Ивановича, Михаила Фёдоровича. В 1611–1617 годах шведы, захватившие Новгород, предприняли попытку чеканить копейки на тамошнем дворе, причём подлинными штемпелями времён Василия Шуйского. После того как Новгород в 1617 году отбили, шведы вывезли захваченных русских мастеров и

попытались наладить чеканку «русских» копеек со знаками Московского, Новгородского и Псковского дворов у себя. Шведские и датские пиратские копии копеек редки, но английские уникальны. Англичане били монету из эталонного высокопробного серебра, а шведы и датчане под конец уже не заморачивались. Царский указ от 1620 года велел тщательно высматривать подозрительные денежки, особенно в Архангельске, Вологде и Тотьме. Но замечательно и то, что практика чеканки «воровской» монеты была перенята позже русскими царями. С 1735 по 1867 год в несколько серий суммарно было отчеканено более 25 млн т.н. известной монеты, в народе прозванной «лобанчик», — нелегальных копий нидерландского золотого дуката. Со времён Анны Иоанновны до Александра II их не чеканили только 20 с небольшим лет: при Елизавете и Павле. В основном их выпуск был связан с многочисленными (и нарастающими от века к веку) операциями России в Европе, вынуждающими иметь отдельную валюту для дипломатических и военных нужд.

Перерывы в стройной денежной системе Глинской — Грозного случались ещё и до Петра, и самый главный — во время Смуты. Тогда и у поляков, и у русских было так мало металла, что, для того чтобы платить солдатам, сначала Василий Шуйский, а потом и Владислав Жигимонтович приказали переплавить золотые изделия и теми же штампами от копейки чеканить золотые чешуйки! Монеты эти экстремально редки, во всех русских музеях и частных коллекциях имеется менее 50. Официальный курс составлял 1:10, но по весу был, скорее, 1:9, так что власть ещё и немного наварилась. Золотые копейки встречаются вкладах примерно до 1670-х, хотя выпускались очень ограниченно с 1610 по 1613 год.

Последний денежный скандал умудрился устроить уже Алексей Михайлович Романов. После Смуты к 1650 году торговля России худо-бедно восстановилась, но серебра больше не стало. Реформы буквально назревали, монетный голод грозил перерасти во второй Безмонетный период или кончиться коллапсом экономики. Дополнительной про-

блемой стало присоединение Малороссии и очередная война со Швецией 1656–1658 годов. Денег не хватало катастрофически, чудовищно. Надо было менять всё, и менять на западный манер: разменная медная мелочь (на Западе от разменного серебра отказались очень давно) и средние и тяжёлые серебряные монеты. Оставался главный вопрос: как всё это повернуть, да так, чтобы народ не возмутился?

Было принято беспрецедентное в своей дерзости решение ввести две параллельные стопы: для торговли и серьёзных дел серебряную, а для прочего населения — новую, медную.

Для серебряной в 1654 году началось превращение талера в русский рубль, к этому событию в Москве даже отстроили Новый Московский Английский денежный двор, на бывшем подворье Московской компании. Немаловажным фактором реформ стал и тот, что царь и самодержец всея Руси рассчитывался с европейскими партнерами смешной чешуёй, а те с ним — полновесными шайбами талеров. Чтобы сотворить рубль, потребовалось распечатать казну и достать оттуда те же талеры, после чего изображения на них были сбиты, а поверх надчеканен невиданный до того новый дизайн. На одной стороне был изображён орёл в картуше и в орнаментах, год кириллицей («лета 7162») и надпись «РУБЛЬ». На другой стороне — царь-всадник на скачущем коне, по кругу надпись: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России». Весил он примерно на 64–65 копеек (порядка 29 г), при этом покупали талеры у иностранцев принудительно вообще по 50 копеек, а своим рубль продавали за 100 копеек. Возмущению всех сторон не было предела, но царь только разогревался. Порубив талер на 4 части, сбив изображения и надчеканив свои, Алексей Михайлович получил полуполтину — ценой формально 25 копеек при металле в ней примерно на 16.

Выпускались и серебряные копейки, их вес снизился до 0,44 грамма. На них указывался полный титул царя (чего не было на рублях): «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великая и Малыя и Белыя Рос-

сии самодержец». А вот выпуск мелочи (денга и полушка) был прекращён.

Первая проблема ждала с талерами. Перечеканка была делом крайне высокотехнологичным, не по силам русскому двору. Изображения были нечёткими, штемпели постоянно трескались, в итоге как начали — так и закончили, поработав всего несколько месяцев. До настоящего времени сохранилось около 40 подлинных серебряных рублей Алексея Михайловича, и почти все — в музеях (полтинников и того меньше — 12 штук). Вообще до Петра любая денежка крупнее копейки идёт по категории «раритет музейного уровня, продажи неизвестны». В 1655 году приняли решение не заморачиваться, а просто бить на талерах всадника в кружке и дату «1655» (уже по юлианскому календарю), в народе они получили прозвище «ефимки с признаком». Приравнять их пришлось к 64 копейкам, потому что по 100 их никто не брал. Надчеканивались также $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ талеров, они равнялись 32 и 16 копейкам соответственно. Впрочем, ефимковая программа была всё равно свернута уже через год, другие даты, кроме 1655-го, неизвестны.

Самый гешефт Алексей Михайлович задумал сделать на меди. В закупке её цена составляла по 7 рублей за пуд, а чеканить он из неё хотел аж четыреста (!) рублей по 40 г — выгода почти шестидесятикратная. Медный рубль совпадал параметрами с серебряным, но был тяжелее и крупнее, рисунок на полтине был изменён: конь шёл, а не скакал (чтобы не выдавали амальгамированием за серебряные). Для чеканки медных копеек открыли сразу несколько дворов. Появились и новые монеты — медные алтын и грошевик. Алтын стоил 3 копейки и весил 1,2–1,3 г; грошевик был приравнен к 2 копейкам и весил 0,8–0,9 г, однако номинал обозначался как «4 денги». Забавно, что всё это были внутренние деньги для своего населения, отдельным указом запрещалась их эксплуатация за пределами России (как будто они там могли кому-то понадобиться). Из всех номиналов изначально нормально была принята только медная копейка (потому что в обороте денег не хватало просто катастрофически), но её круглосуточно продолжали чеканить пять московских дво-

ров; за дело принялись и фальшивомонетчики, интересно, что большая часть найденных сейчас медных копеек — подделки. Вишенкой на торте стала классическая схема: царь приказал собирать все государственные платежи серебром, а в ответ выдавал медь. Расцвёл чёрный рынок, где медь к серебру шла 15:1 (что интересно — стихийный курс относительно совпал с реальным предложением меди и серебра в среднем по той же Европе). В 1662 году Москва, Новгород и Псков взорвались Медным бунтом. Помимо погибших при подавлении бунта, было казнено немало причастных к нему и после. Однако монетные дворы были закрыты, а медная чеканка полностью прекратилась. Монет крупнее алтына в медных подлинниках не обнаружено, возможно, их выпуски не состоялись.

То, что не получилось у Алексея Михайловича, с блеском исполнил его сын Петр I, учтя ошибки отца и втащив упирающуюся Россию в денежную современность. Отчасти в этом помогло то, что в 1704 году наконец-то впервые за 800 лет на территории России нашли серебро и открыли первый рудник, так что серебряный голод немного отступил и народ стал помягче и терпимее к экспериментам. Петр начал готовить народ к реформе не спеша и издалека. В 1700 году были аккуратно введены медные мелкие номиналы, исключительно доли копейки, сама копейка оставалась строго серебряной! Так, появились медные денга ($\frac{1}{2}$ копейки), полушка ($\frac{1}{2}$ денги) и полуполушка ($\frac{1}{2}$ полушки). Указ подчёркивал, что эмиссия направлена только для облегчения мелкой розничной торговли, никаких медных рублей, никаких налогов в серебре, боже упаси! В следующем, 1701 году открыли новый Кадашёвский монетный двор, на котором стали выпускать серебряные монеты номиналом в 50 (полтина), 25 (полуполтинник), 10 (гривенник) и 5 (десять денег) копеек. Наконец, когда народ обвыкся, только в 1704 году появилась медная копейка и тяжёлый серебряный рубль, который поначалу вычеканивали из талеров. В 1718 году пробу серебра во всех монетах порезали с привычной 900+ до 729-й, и только тогда же отменили пресловутую серебряную чешуйку-копейку, причём не больно, а красиво, как будто бы выведя её из обращения вме-

Петр I, 1705 г. Медаль
«Взятие Митавы», 70,67 г, 48 мм.

Петр I, 1708 г.
Медаль «Битва при Лесной»,
51,18 г, 46,5 мм.

Петр I, 1710 г. Медаль
«Военные успехи 1710 года»,
66,32 г, 46,4 мм.

Петр I, 1714 г. Медаль «Взятие
Нишлота», 70,52 г, 47,5 мм.

Петр I, 1714 г.
Медаль «Морская победа
при Гангуте», 138,26 г, 60 мм.

Анна Иоанновна, 1730 г.
Медаль «Коронация»,
211,5 г, 62 мм.

Анна Иоанновна, 1731 г.
Медаль «Монетная реформа»,
42,08 г, 37,2 мм.

Екатерина II, 1763 г. Медаль
«Санкт-Петербургский воспита-
тельный дом», 86,7 г, 51,4 мм.

Екатерина II, 1791 г. Медаль
«Мир с Турцией», 73,17 г, 53,5 мм.

сте с медной: отменили весь номинал. И уже с 1724 года была введена новая, чисто медная копейка европейского вида, похожая на британский пенни. Народ к этому моменту успокоился и воспринял переход совершенно индифферентно. В итоге все номиналы меньше 10 копеек стали навсегда медными, а выше до рубля — серебряными, и никаких бунтов. Ещё одной малозаметной частью реформы Петра стал ввод уже не строго донативных, но оборотных золотых рублей, точнее червонцев. Их чеканили на том же новом Кадашёвском дво-

ре сначала без номинала по классической дукатной стопе 3,4–3,5 г (с 1707 по 1729 год) и использовали как торговую монету. Номиналы по весу были 1, 2, 3 дуката. Внутри России их оборота не было, но иногда они появлялись на рынке и стоили примерно по 1,2 рубля. Для России какое-то время Петр чеканил 2 рубля золотом весом 4,1 г, продолжалось это с 1718 по 1728 г. Правда, внутренняя проба была совсем не дукатная, скверная 781-я (дукаты Петра имели каноническую 969, иначе бы никто в Европе на них и не посмотрел).

В общем и целом, до реформы Витте, а затем и до большевиков, денежная революция Петра I была самым значимым событием в истории российской денежной системы. Но в послепетровское время на рынок врываются ассигнации. Русский путь к бумажным деньгам отличался от общеевропейского в двух аспектах. Во-первых, Россия никогда, кроме смутных времён, не знала частной эмиссии, любые формы денег было дозволено выпускать исключительно государству, а не разнообразным коммерческим банкам. Частники могли легально эмитировать свою валюту только при двух условиях. Первое: она предназначалась для оборота за пределами России и для подданных другого государства — так появились марки Российско-Американской компании для торговли с эскимосами и разнообразные маньчжурские выпуски для торговли с Китаем. Жёсткая государственная монополия привела ко второму отличию: в России с властью особо не забалуешь, так что люди брали в качестве денег всё, что она даёт, даже если фактически обеспечения никакого и не было.

Несмотря на то что на рублях почти всегда указывалась сумма металла, на который его можно обменять, на практике они почти всегда были фиатными: обмен дозволялся только немногим, на сложных условиях, не непрерывно и не везде.

Так повелось ещё с самых первых бумажек — ассигнационного рубля, введённого в 1769 году, спустя всего-то 40 лет после блистательной реформы Петра Великого.

Как мы уже говорили, драгоценных металлов в России всегда было крайне мало. На золотой монометаллизм накопили вообще только к 1895 году; серебра чуть побольше, но тоже не Потоси (отсюда и разнообразные монетные извращения: то попытки отлить килограммовый медный рубль, то введение для монет платины), в результате ассигнации стали жизненной необходимостью очень и очень быстро, их ввели практически одновременно с Европой (иначе даже налоги взыскать было крайне проблематично: для сбора в 500 рублей приходилось отряжать целую экспедицию, чтобы увезти горы медяков). Очевидно, что при-

званные решить колоссальную проблему дефицита в обороте металла ассигнации обменивались на металл с огромным скрипом и нежеланием, несмотря на то что формально они были обеспечены — учреждённый Екатериной II специальный Ассигнационный банк имел право эмиссии только на сумму фактически имевшихся в запасе монет (дивным отличием от Европы было и то, что русские ассигнации обеспечивались не драгметаллами, которых не было, а медью, теоретически на 1 млн рублей). Сразу же был запрещён вывоз ассигнаций за границу — так новорождённый бумажный рубль тут же стал неконвертируемым (ещё одно отличие от Европы).

В итоге в стране параллельно существовали серебряный рубль в виде монеты, равный 100 серебряным копейкам, и бумажный рубль, равный 100 медным копейкам, — тоже уникальная русская инновация. Фиатным *de facto* он был потому, что обратить его в серебро было нельзя, а в медь возможно, но только в теории, т.к. эту услугу стабильно предоставляли лишь две конторы Ассигнационного банка: в Москве и в Санкт-Петербурге. В прочих городах конторы попытались было открыть, но уже через пару лет закрыли снова, а к 1810 году размен вообще запретили везде. Интересно и то, что до 1812 года налоговые платежи в казну, кроме таможенных, можно было производить ассигнациями по курсу 1:1, но с 1812 года власти ввели правило «...взыскивать ассигнациями по 2 рубля за рубль... Сборы с корчем, с мельниц, с казённых земель и оброчных статей, основанные на контрактах, взимать ассигнациями, полагая по 3 рубля за рубль». Уже к 1815 году было наштамповано ассигнаций на 825,8 млн рублей при монетах в обороте золотом на 9,8 млн, серебром на 21 млн и медью на 12,5 млн (при том что ещё в 1786 году правительство выпустило указ, что эмиссия твёрдо ограничена 100 млн). В итоге курс просел с и так ничтожных 1 рубля 26 копеек серебром за 5 бумажных до 1 рубля серебром за 5 бумажных (базовый курс 1:1 продержался только первые 17 лет).

Ассигнации, несмотря на ранний строжайший запрет, успели попутешествовать вплоть до Парижа, потому что солдатам в 1812 году тоже надо было чем-то платить (и, очевидно, не золотом). Правительство попыталось уста-

Николай I, 1826 г. платина .950, Медаль «Коронация», 127,11 г, 51 мм.

Николай I, 1834 г. Медаль «Открытие Александровской колонны в Санкт-Петербурге», 76,5 г, 50,6 мм.

Николай I, 1838 г. Медаль «Закладка фундамента храма Христа Спасителя в Москве», 249,83 г, 77,3 мм.

Николай I, 1839 г. Медаль «Воссоединение униатов с Православной Церковью», 163,1 г, 61,5 мм.

Николай I, 1850 г. Медаль «Строительство Благовещенского моста через Неву», 223,2 г, 75 мм.

Александр II, 1858 г., Медаль «На освящение Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге», 174,81 г, 65,6 мм.

Александр II, 1869 г., Медаль «Столетие ордена Святого Георгия», 252,04 г, 70,9 мм.

Александр III, 1881 г. Медаль «На смерть Александра II», 297,54 г, 76,7 мм.

Николай II, 1889 г. Медаль «Открытие памятника Александру II в Любече», 34,81 г, 33,7 мм.

новить их курс к коалиционному талеру примерно на уровне 4:1, но прусские и польские купцы отказывались их брать и требовали монеты. В течение восьми месяцев из выпущенных на рынки Европы 70 млн бумажками 20 млн сплавил обратно в Россию. Внутри страны инфляция тоже была недетской: с момен-

та выпуска первых ассигнаций всего за 20 лет пуд хлеба подорожал с 86 копеек серебром до 7 рублей. Проблемой были и подделки, сначала изготавливаемые внутри страны, а затем поступавшие и из-за границы (по современным оценкам, около 1%). Ассигнации дважды меняли дизайн: после первого выпуска 1769

года последовал новый 1785-го, уже цветной (забавно, что традиция «красные 10, синие 5» продержалась на русских болах с того момента и до конца XX века), затем более защищённый от подделок образец 1818 года.

Он продержался до крупной реформы 1839–1843 годов, когда в обращение ввели новые бумажки — кредитные билеты — и стали менять ассигнации на них по курсу 35:10. Теоретическое обеспечение серебром изначально было 1:1 с монетой — и там и там гарантировались 18 граммов. Был введён биметаллизм, кредитные билеты менялись на драгметаллы, хотя и не вполне: касса Экспедиции государственных кредитных билетов в Петербурге была обязана осуществлять размен без ограничения, в Москве — до 3 тыс. рублей в одни руки, а в уездных казначействах — до 100 рублей.

Почти мгновенно обмен вообще был запрещён: на золото — уже в 1854 году, на серебро — в 1858-м, — и банкноты снова стали фиатными.

В связи с этим интересно, что купюру в 1 рубль в народе почти сто лет называли как угодно: «жёлтенький», «кредитка», «билетик», но не собственно «рубли», т.к. рубль в понимании таки должен был быть серебряным. До 1917 года царское правительство успело выпустить семь разных дизайнов кредитных билетов, восьмой был запланирован, но вышел

уже при Временном правительстве. Менялись дизайны в среднем раз в 7–10 лет, только с 1898 года наконец-то на них появилась надпись: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 руб. = 1/15 империала, содержит 17,424 доли чистого золота)». Интересно, что в 1866 году Россия стала первой европейской страной, где в обороте появился очень редкий номинал 3 (зелёного цвета).

Естественно, обмен на золото отменили с началом Первой мировой войны, спустя всего 19 лет. Таким образом, за всю историю российских банкнот золотом они были обеспечены только 30 лет из 256. В 1917 году временное правительство выпустило экстренную эмиссию 5, 250 и 1000 рублей на переделанных клише Монгольского национального банка, подготовленных для выпуска год назад, но отменённых. Из-за этого на банкнотах появилась долгое время вызывавшая изумление свастика. В том же году вышли печально известные керенки: марки в 20 и 40 рублей, отпечатанные миллионными тиражами без какого-либо контроля и почти всеми, кому было не лень. В 1918 году на новых клише, подготовленных ещё Временным правительством взамен экстренного выпуска монголок и керенок, уже Народным банком РСФСР были выпущены пятаковки (официально — расчётный знак РСФСР) номиналом до 10 тыс. рублей.

Они очень быстро обесценились (хотя и пережили редизайн 1921 года, номиналы выросли до 100 тыс.) и в 1922 году были заменены новой итерацией макулатуры — совзнаками (официально — государственные денежные знаки РСФСР). Помимо банкнот от 1 до 10 тыс. рублей в серию входили марки от 1 до 50 копеек и — удивительная штука — бумажка с оттиском монетного штампа в 50 копеек (были также 5, 10 и 20 копеек, но в серию не пошли).

Совзнаки включали и приравненные к ним государственные обязательства от 5 тыс. до 10 млн рублей (ничем, впрочем, не обязательные). Коробок спичек стоил 2 тыс. совзнаков. Естественно, с 1917-го по начало 1920-х в стране циркулировало невообразимое количество частных знаков, токенов и всевозможных форм денег, о которых написаны целые тома. В их число входила такая экзотика, как деньги на винных этикетках, шелковые банкноты и — уникальный случай — банкноты, обеспеченные опиумом. К 1920 году в стране обращалось от 3000 до 20 000 разновидностей купюр — точного числа не знают и сейчас. Во время Гражданской войны деньги использовали и как средство агитации, например, Де-

нинкин организовал при своем штабе Осведомительное агентство (ОСВАГ), занимавшееся пропагандой, в том числе надпечатками на большевистских деньгах: «Обманули комиссары — кучу денег надавали, а теперь на эти знаки ты не купишь и собаки»; «Деньги для дураков»; «Эти деньги — то же, что фальшивые. Они не признаны ни в России, ни за границей. Комиссары-коммунисты ещё раз нагло обманывают вас. Долой советскую власть и её фальшивые деньги»; «Что вам дали большевики? Ничего! Что взяли большевики? Всё!»; «Посмотри на этот кукиш! Ну-ка, что на них ты купишь?» Пропаганде немного мешало то, что чекисты на месте расстреливали всех, у кого были обнаружены купюры с такими надпечатками, так что сейчас они являются редкостью музейного уровня.

В 1922 году для хоть какой-то стабилизации ситуации Ленин решил выпустить линию банкнот 1, 3, 5, 10 и 25 червонцев, обеспеченных золотом (в теории) по курсу 1 десятирублевая царская золотая монета (собственно, червонец) к 11 400 совзнаков. Реформа была подготовлена серьёзно, над ней работал, в частности, выпускник Сорбонны и соратник

Ленина, первый нарком финансов СССР Григорий Сокольников. О твёрдости новой валюты должен был говорить даже её внешний вид (над дизайном тоже работали лучшие граверы и художники). Червонцы напоминали английские фунты стерлингов — самую сильную тогда мировую валюту. Как и билеты Банка Англии, советские червонцы были односторонними, с затемнённым полем, в котором был проставлен номинал, с водяными знаками — ромбами. На лицевой стороне красовалась надпись: «Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО. Начало размена устанавливается особым правительственным актом». Этот акт так никогда и не издали. Однако пропаганда привела к тому, что червонцы в народе котировали и даже с удовольствием несли в банк золотые царские десятки — поменять на бумажки; червонцы послужили одним из двигателей НЭПа и не были упразднены даже после его сворачивания.

Настоящее золотое обеспечение предусматривалось лишь для зарубежных бирж, где червонец очень скоро стал котироваться. А с 1923 года на Петроградском монетном дворе начали выпускать золотые монеты-червонцы, которые по своим параметрам повторяли царские 10 рублей, — легендарный «Сеятель»

Автором этих монет стал медальер Антон Васютинский (автор скульптуры-прототипа — Иван Шадр), создатель ещё николаевского рубля 1913 года, а при Советах ордена Ленина и значка ГТО. В 1925 году западные страны, недовольные отказом Советской России платить по царским долгам, организовали золотую блокаду СССР и отказались принимать платежи «Сеятелями». Был найден простой выход — оригинальными штампами быстро тайно отчеканили 2 млн николаевских десятков и вывели их на рынок.

Параллельно с червонцем были выпущены в 1924 году и новые младшие номиналы: 1, 3, 5 рублей (и марки от 1 до 50 копеек), они регулярно перевыпускались, червонцы тоже испытывали редизайн, последние версии (1, 3, 5, 10 червонцев) вышли перед войной в 1937 году. На золото их так никто никогда и не разрешил менять. Совзнаки всех мастей менялись на рубли по курсу 1 млн к 1. В 1947 году от

червонцев избавились, создав классическую советскую линейку 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 рублей. Реформа была проведена в форме деноминации и конфискации: новые банкноты относились к старым по номиналу 1:10, а цены упали всего на 10–15%, и то не все. Вклады тоже пропали, по номиналу их меняли только до 3000 рублей. Обмен наличных денег проводился в течение одной недели (в районах Крайнего Севера — в течение двух недель), кто не успел, тот опоздал.

На самом деле пример СССР не был исключительным — конфискационные реформы и чистка военных эмиссий производились массово с 1946 по 1950 год почти по всей континентальной Европе, особенно сильны они были в регионах, максимально пострадавших от войны. В Венгрии пэнге был заменён на форинт по нереальному, непредставимому курсу 1 к 400 октиллионов (нет-нет, это не опечатка, это 10 в 27-й степени!), вкладчики (кроме элиты) потеряли все деньги; в Германии тоже прошли чистки, как и в Австрии, Италии, Франции и Нидерландах. Все накопления сгорели. В Польше и Чехословакии реформы прошли чуть позже, в 1950 и 1953 годах, но тоже были жёсткими: у поляков курс составил от 5:1 до 50:1, у чехов — 100:3.

А что же всё это время творилось с монетами? Там всё было едва ли не интереснее. Следующий великий шаг после Петра I сделал Витте, наконец-то введя в России по примеру США, Британии и Германии золотой стандарт. XIX век вообще стал переломным в организации денежного обращения стран мира. Годы с 1500-х по 1800-е были эпохой тотального доминирования серебра: его суммарно было извлечено сотни тысяч тонн, срыты целые горы Боливии и Перу, мировая экономика получила укол адреналина и словно сорвалась с цепи.

К 1800 году серебро было совершенно стандартным ходовым монетным металлом, в наполеоновскую эру, например, медь во Франции вообще не чеканилась: нужды не было. Однако не везде и не у всех было с ним хорошо — Британия, например, традиционно от отсутствия серебра тяжело страдала (потому что не имела никогда в истории прямых способов его извлечения в таких же библей-

1904 г. Обязательство на 25 юаней серебром, КВЖД.

1918 г. Японская оккупационная зона, Сибирь, 10 йен.

1919 г. Временное правительство Северной области, 500 рублей.

ских масштабах, как сидящие на рудных горах Габсбурги, а торговать надо было). Дефицит серебра унаследовала от неё и Америка, но и там и там проблема решилась довольно скоро — внезапно открытыми чудовищными запасами золота в Калифорнии. Чуть позже появилось золото из Южной Африки, вероятно, спровоцировавшее вторжение англичан и войну с бурами. При этом объёмы мировой торговли уже давно к тому моменту достигли таких величин, что весь металл мира не мог бы с этим справиться, и в ходу были самые разные банкноты (в Европе по традиции всегда выпускаемые частными банками). Для приличия паритет между банкнотами и металлом поддерживался, они свободно конвертировались, если речь не шла о совсем уж диких суммах, но их никто и не бросался менять. Для упорядочивания денежного обращения Европы Франция, Бельгия, Люксембург, Швейцария и Италия объединили свои монетные системы в прото-евро — Латинский валютный союз — и ввели биметаллизм. Англия же, наоборот, ввела золотой монометаллизм сразу после Наполеоновских войн.

В России был, наоборот, серебряный монометаллизм, в периодически подновляемых Монетных уставах одно было неизменно: «Государственная российская монетная единица есть серебряный рубль». Тем не менее именно серебряных рублей, да и полновесных 50 и 25 копеек, ченанилось с годами всё меньше и меньше, при Александре III, например, на них уже металла не хватало катастрофически. Реальную денежную массу в обороте составляли бумажки, как мы уже знаем — ничем не обеспеченные и по сути фиатные. Народ брал, что ему оставалось делать. Вообще в части про кредитные билеты мы уже упоминали, что власти в России всегда предельно жёстко контролировали эмиссию любых видов денег и не допускали ни частных выпусков банков, ни рабочих токенов, никаких вообще форм свободного денежного рынка и самоорганизации, на которой стоял практически весь мир сто лет — с конца Наполеоновских войн до начала Первой мировой. Такой финансовой деспотией могли похвастать разве что японцы в те годы. Эмиссия ценных бумаг и монет всегда находилось в режиме ручного управления.

**Официально рубль с 1762 года
обязан был неизменно содержать
4 золотника 21 долю (17,995 г) чистого серебра
по фиксированной цене 5,557 коп./г.**

Официально рубль с 1762 года обязан был неизменно содержать 4 золотника 21 долю (17,995 г) чистого серебра по фиксированной цене 5,557 коп./г. Десятирублёвый золотой империял с 1763 года был вспомогательной валютой, его цена формально определялась мировым соотношением стоимости золота и серебра — во Франции, скажем, оно было 1:15,5, в России — почти так же, 1:15,45. Разумеется, это тоже долго не продлилось, до реформы Канкрин (1839–1843 годы) соотношение действительно пытались ориентировать на мировое, после же оно стало административным, внутренний курс золота был задаваем казной, а не рынком. Поэтому, например, империял (который содержал 11,988 г чистого золота), в 1839–1869 годах официально стоил 10 рублей 30 копеек.

Формально на оба металла распространялась свободная чеканка (это означает, что любой человек мог принести, скажем, золотой поднос на Монетный двор и попросить отбить ему из него пригоршню империялов, за вычетом сеньоража двор был обязан удовлетворить его просьбу, на практике, конечно, этому постоянно формально препятствовали), казна была обязана принимать золотую монету во все платежи, и в обращении допускались оба металла свободно. Однако на практике были некоторые поправки. Во-первых, золото было факультативной валютой, то есть принималось только при согласии на то обоих контрагентов. Во-вторых, его курс внутри страны был на 3% выше номинала, по которому казна его принимала и выдавала. В-третьих, власть постоянно ограничивала обмен кредитных билетов на золото и серебро, вставляя ему чудовищные палки в колеса и часто временно блокируя вообще. При этом все госпошлины или налоги собирались в серебре (а кредитными билетами — с огромным дисконтом в пользу государства). Фактически в середине 1850-х в стране было три параллельных и никак не связанных денежных контура, переход между которыми был почти невозможен.

Население имело на руках пачки фиатных бумажек и скверную биллонную мелочь с медяками. Государство с них с удовольствием принимало чистое серебро и забирало его себе, при этом люди состоятельные и благородные имели меж собой контакты и сношения, разумеется, только полновесными рублями, ассигнации принимались, но не предпочитались. Высшим контуром было золото, оно использовалось только для международных платежей и расчётов очень уважаемых людей меж собой на высшем уровне. Крестьяне и мещане о существовании каких-то там империялов в массе и не подозревали. Существовать и быть стабильной такая система могла, разумеется, только при ручном управлении и жесточайшем политико-экономическом контроле.

Предысторией реформы Витте стала, разумеется, Крымская война. Помимо финансового кризиса, в который рухнула империя, стало ясно — и с самой системой что-то не то, надо бы её менять, чтобы успеть вскочить в последний вагон уже десятилетиями разгоняющейся европейской промышленной революции. Для этого нужны капиталы, нужна рыночная, а не командно-ручная экономика, нужно всё переделывать. Система, однако, умела всё переделывать только одним способом, тем самым командно-ручным, получилось в итоге то, что получилось. Для начала в 1877 году государство потребовало уплачивать таможенные пошлины только российской золотой монетой, после чего сформировалась денежная система, кое-как работавшая до великой реформы 1897 года. Эта система была уже строго бивалютной: серебро окончательно испарилось из оборота, рубль остался просто счётной единицей, тиражи серебряных монет стали чисто формальными и ничтожными. Население осталось исключительно с ассигнациями и медью, внешняя торговля, таможни, инвестиции в промышленность — с золотом. Контуров эти аналогично никак и нигде не пересекались. Условный Путилов получал в казне кредит золотом, за золото покупал у французов оборудование, за золото продавал им продукцию, возвращал казне кредит золотом и золото клал себе в сейф. Рабочие получали бумажки, серебро в схеме предусмотрено вообще не было. Периодически правительство

1816–1867 гг. Марка Русско-Американской компании для Аляски на коже тюленя, 1 рубль.

1866 г. Bank Polski, 1 рубль.

1916 г. Лагерь для австро-венгерских военнопленных Красная Речка, Хабаровск, 50 коп., 1, 3 руб.

1918 г. Ашхабад, Туркестан, обязательство на 500 рублей британской военной миссии.

проводило уравнивания бумаг и золота: продавало золото банкам за кредитные билеты, крупные предприятия иногда обналичивали бумагу через банки, «меняя контур», при оплате импортных товаров бумага уходила в Госбанк, а золото — экспортёрам. Соотношение между золотым и кредитным рублём устанавливалось в ходе биржевых торгов. В начале 1890-х годов оно обычно находилось в пределах 65–75 золотых копеек за рублёвую бумажку. Рост стоимости кредитного рубля даже до уровня 1:0,8 уже вызывал тревогу, поскольку «произошла бы полная пертурбация во всех ценах на продукты» (по воспоминаниям самого Витте).

Вернуть нормальный биметаллизм было уже нельзя даже чисто по техническим причинам. После золотого бума 1840-х в 1860-е настал и серебряный, его добыча снова резко поползла вверх (на фоне внедрения самых передовых горнорудных технологий, позволявших эффективно разрабатывать даже ранее нерентабельные шахты), серебро, столетия

державшееся как 1:15, в 1870-х провалилось до 1:18, в 1880-х до 1:20, а к 1900-м скатилось до 1:30. Латинский монетный союз прикрыл свободную конвертацию серебра уже через несколько лет после создания, de facto перейдя на золотой стандарт (на него же в конце концов пересел и Второй рейх, введя золотую марку в 1873 году сразу после победы над Францией). В целом ситуация России не была настолько уж уникальна (уникальна она была, пожалуй, только жёсткой сверхцентрализацией: то, что в Европе и США делал сам собой рынок и бизнес, в России как-то пыталась сделать власть). Во Франции полностью фиатные банкноты вводили с 1848 по 1850 год и с 1870 по 1878-й (оба раза — в условиях политических кризисов или войны), в Австрии — с 1848 по 1892 год (причины те же — революция и войны), в Италии — с 1866 по 1881 год (по аналогичным причинам). В 1892 году Италия опять не смогла удержать свободный обмен банкнот на золото и снова скатилась к фиатной валюте. В США фиатные частные долла-

ры — greenbacks — появились в преддверии Гражданской войны, ограничили их эмиссию только в 1879 году, выровняв курс к золоту. Везде в этих странах в какой-то момент существовали два параллельных бумажно-золотых контура. Не колбасило только британцев: они со своими кризисами разобрались ещё в 1815–1825 годах, плотно сели на золото и гнали вперед, как паровоз.

В 1885 году монеты России попытались подогнать под Латинский союз, не по весу, а по пробе. Содержание золота было увеличено с 86,8% до 90%, содержание серебра, наоборот, упало с 91,7% до 90%, что привело монеты к стандартам континентальной Европы и позволило прямою перчеканку без проблем.

Вообще с поражения в Крымской войне Россия отказалась от идеи финансовой автаркии и стала крайне активно привлекать инвесторов с Запада, причём за право вложиться конкурировали англо-французский блок (выросший потом в Антанту) и немцы, изначально имевшие в России куда более серьёзные и прочные исторические связи. Интересно, что от традиционного ближайшего союзника и друга — Германии Россия в 1891 году повернулась к традиционным врагам — Англии и Франции, из-за того что Союз трёх императоров развалился в 1886 году, когда Александр III поругался с немцами и австрийцами по поводу доминирования на Балканах. В общем, к середине 1890-х для реформы всё не просто созрело, она уже ломилась в двери и колотила в них ногами, сидеть на двух стульях империя продолжать не могла. Серебро из обоймы уже выпало давно, оставалось решать, что делать: переходить на англо-германо-американский чисто золотой стандарт или на итальянский, фактически чисто бумажный.

Тут на сцене появляется наш герой — Сергей Витте. Из-за опасений в перекосе цен при сведении воедино двух контуров было логично не повысить стоимость бумажек до уровня золота, массово вычерпав большую их часть из оборота, а наоборот, уронить стоимость золотой монеты до уровня ассигнаций, а уже после этого ввести свободный размен и полноценный золотой стандарт. В России реформа готовилась долго и мощно, ещё при Бунге и Вышне-

градском, фактически с 1881 года, Витте только дошлифовал детали и нажал на спуск. Власти с 1884 года копили золото в специальном фонде, с лета 1890 года курс ассигнаций жёстко удерживался им как 3:2. Летом 1893 года мировое падение цен на серебро довело уже до того, что стоимость металла в «полноценных» серебряных монетах (1 рубль, 50 и 25 копеек) упала ниже их номинала. Неожиданно серебряная монета перестала вымываться из обращения по закону Грешема, более того, от её чеканки государству пошел доход! Витте изначально даже хотел ввести новую валюту — рус, были отчеканены по пять золотых пробников 5, 10 и 15 русов 1895 года, но из опасения, что народ не примет новинки, от идеи оказались. На самом деле переход всё равно был плавным, не было никакой конкретной даты и полного указа, делалось всё шагами.

К 1895 году правительство разрешило заключать сделки и производить расчёт на золотую монету, принимать золотую монету на текущие счета, начало принимать налоги в золотой монете, в следующем году началось принудительное насыщение ею оборота. Младшие номиналы 1, 3, 5 рублей бумажками изымались, вместо 15 и 7,5 рублей давали 10 и 5 империалов. В том же году Санкт-Петербургский монетный двор начали готовить к массовой чеканке золотых монет нового образца и к переводу чеканки всего серебра и меди в Лондон на частный Бирмингемский двор (медь) и в Париж и Брюссель (серебро). Наконец, в 1897 году был выпущен указ «О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты». Империалы оценивались в нем в 15 рублей, полуимпериалы — в 7,5 рублей. Следующим указом билеты должны обеспечиваться запасами золота на 50%, а при превышении лимита выпуска в 600 млн рублей каждый новый бумажный рубль должен был обеспечиваться золотом не менее чем на 100%, и только с 1898 года надписи на всех кредитных билетах изменились: теперь на них стало говориться, что билеты размениваются на золотую монету без ограничения суммы. Только в 1898 году реформа формально закончилась указом «Об основаниях обращения серебряной монеты», где серебряный рубль наконец-то был переопределён через золото. Отныне рублём стала считаться 1/15 часть монеты империал =

17,424 долей чистого золота. Новый Монетный устав вышел в 1899 году, и на рубеже веков денежная система Российской империи стала золотомонетной.

Долго такая красота не продлилась: на 1 января 1898 года бумажные деньги были обеспечены золотом на 94,3%, в 1900-м — уже на 65,6%, а к 1904-му — на 45,8%. А потом случилась Русско-японская война, страна рухнула в революцию и до 1914 года, начала Первой мировой войны, так окончательно и не стабилизировалась, как и её денежная система. К 1915 году из оборота исчезли все золотые, к 1916 году и серебро тоже, стали выпускаться эрзац-деньги, такие как марки. Историю керенок и совзнаков мы уже рассмотрели выше.

Теперь остался последний вопрос — а что было с деньгами при большевиках и их преемниках? Россия пережила ещё 6 крупных денежных реформ: ленинскую 1922–1924 годов, сталинскую 1947 года, хрущёвскую 1961-го, павловскую 1991-го, реформу «Хотели как лучше, а получилось как всегда» 1993-го и деноминацию 1998-го.

С концом военного коммунизма и разгоне НЭПа потребность в нормальных деньгах встала так остро, что игнорировать её было невозможно. В итоге, как мы уже описывали, фактически появились две валюты, только на сей раз обе бумажные. Бумажные червонцы формально были равны 10 царским золотым (или легендарному «Сеятелю», которого никто в России в глаза не видел, весь он шёл строго на экспорт и был запрещён к размену и обороту). В 1924 году были напечатаны бумажки 1, 2, 3, 5, 50 копеек, 1, 3, 5 «рублей золотом» и 3 червонца, меняемые (только в одну сторону: народ — монеты, власть — бумажки) на 30 золотых рублей. В 1925 году добавились 3 и 5 рублей и 5 червонцев. С 1921 по 1922-й были отчеканены также первые и последние монеты РСФСР: серебряные 10, 15, 20, 50, 1 рубль. Мелочь чеканили из 500 серебра, 50 копеек и 1 рубль из 900 серебра. Тиражи были средними: примерно по 900 тыс. для мелочи, 1,4 млн полтинников и около 2 млн рублей. В 1925-м дизайн изменили, появились медные ½, 1, 2, 3, 5 копеек и серебряные 10, 15, 20, полтинник и рубль. Ходили они недолго, уже в 1926 году полкопейки убрали, а 1, 2, 3, 5 меди заменили

на бронзу, уменьшив вес тоекратно, что забавно — он строго стал соответствовать номиналу: 1 копейка = 1 грамм. Большие медные монеты были изъяты, оказались для пролетариев слишком роскошными; серебро изъяли в 1932 году, заменив на три сталинские мельхиоровые монеты 10, 15, 20 копеек. Мельхиоровые монеты, наоборот, полностью совпадали по размеру и весу с серебряными, собственно, народ даже не заметил, как ловко драгоценный металл был заменён на недрагоценный. С 1935 года произошла ещё одна замена, уже идеологическая, — со всех монет исчез лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». С такими монетами народ жил до 1961 года, замена бумажек 1947-го меди не коснулась. Интересно, что хрущёвские монеты формально оставались законным платёжным средством до конца 1998 года, а до 31 декабря 2002-го их можно было обменять в управлениях Банка России в количествах, кратных 1 новой копейке (то есть 10 старым рублям). Не были изъяты и находились до самого конца в обращении вместе с монетами образца 1961 года и совпадающие с ними по размеру монеты достоинством 1, 2, 3, 5 копеек 1935 года. Хрущёв снова ввёл 50 копеек и 1 рубль. Планировали ввести и ½ копейки, но сочли излишним. До изображения двуглавых орлов на деньгах оставалось 30 лет. ●

Горизонт XIX

В. Ю. Панов,
писатель-фантаст

БУДУЩЕЕ

В самом этом слове заложен абсолютно прозрачный, интуитивно понятный каждому читателю смысл: будущее — это то, что будет. Что обязательно случится через промежуток времени, о котором каждый из нас машинально подумал: десять дней, десять месяцев, десять лет. Завтра или в следующем столетии. Стрелки часов неумолимы, будущее неотвратимо приближается к нам со скоростью шестьдесят секунд в минуту, а едва наступив — обращается настоящим, правда, ненадолго, после чего становится прошлым. Любой продукт устаревает. Любой рекорд побиваем. Любое достижение можно превзойти. Любое событие перестаёт вызывать интерес, и... вновь наступает ожидание будущего. Ожидание ещё не свершившегося.

Внутри каждого из нас живёт уникальный образ будущего, в который мы закладываем свои надежды, мечты, желания или страхи. Для одних будущее — это успешная сдача экзамена или защита диплома. Другие размышляют над карьерой, высчитывая, что именно нужно сделать, чтобы подняться по ведущей на вершину лестнице. Мысли третьих посвящены лишь тому, как поскорее закрыть ипотеку. Четвёртые планируют семью, ждут или уже растят детей — их будущее посвящено им. А есть и такие, кто не задумывается о том, что нас ждёт, не строит планов, не прикидывает шаги, а слово «будущее» значит для них непредсказуемое изменение. Но для всех нас будущее означает одно: будет...

ГЛАВНЫМ ФАКТОРОМ НАСТУПЛЕНИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЛОВЕК

Открытие Колумба обозначило для деятельных и предприимчивых людей новую и весьма интересную перспективу приложения сил и средств. Рискованную? Безусловно. Но всё новое — рискованное по определению, это аксиома. Инвестиции позволили начать полноценную колонизацию, для которой требовалось создать реестр новых земель — по законам колонизаторов — и распределить их между новыми хозяевами. И, учитывая европейские нравы, с этого момента судьба коренного населения Америки была predetermined — и её можно было спрогнозировать с высокой точностью. Так же как можно было спрогнозировать расцвет работорговли: колонизация требует дешёвой рабочей силы, а поскольку Европа могла дать только ирландцев, от которых англичане целенаправленно зачищали захваченные земли, взоры торговцев людьми обратились на Африку.

Другим интересным стратегическим событием, последствия которого можно было без особого труда просчитать в исторической перспективе, стал бунт тринадцати британских колоний и образование на атлантическом побережье Северной Америки нового государства. Его дальнейшее развитие шло по аналогии с Россией. На всём протяжении истории динамика развития нашей страны в первую очередь определялась наличием агрессивных соседей, что вынуждало нас тратить ресурсы на устранение угроз и формирование условий для нормального экономического развития. Мы были вынуждены последовательно решать проблемы с Речью Посполитой, Ливонией, поволжскими и Сибирским ханствами, Швецией, Турцией и другими агрессорами. В той же логике проходило расширение союза североамериканских государств: необходимость обеспечения безопасности привела к походу на запад, вплоть до Тихого океана, сопровождавшемуся целенаправленным истреблением коренного населения, присоединением французских колоний и захватом мексиканских земель.

Можно сказать, что сейчас, спустя двести пятьдесят лет после образования США, легко говорить о предсказуемости его развития. Можно. Но в первую очередь мы говорим о людях, бросивших вызов метрополии, выигравших войну за независимость и заложивших принципы развития созданного ими государства. А люди, прошедшие войну, обладают весьма характерным мировоззрением, зная которое, можно прогнозировать их действия, прогнозировать будущее, которое они предложат своим соотечественникам. Это не значит, что они будут предлагать простые решения, это значит, что они будут предлагать агрессивные решения.

Будущее строят люди. Будущее можно прогнозировать, опираясь на знание людей. Но...

НЕЛЬЗЯ РАССМАТРИВАТЬ ЧЕЛОВЕКА, СТОЯ НА ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ: ОНА СЛИШКОМ БЫСТРО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЭШАФОТ

Какое же событие следует считать стратегическим сейчас? Какое событие определяет наше время и нынешний облик цивилизации? Безусловно, это совокупность современных цифровых технологий, открывших новую эпоху развития человечества — эпоху Цифры, в которой нам предстоит прожить ближайшие десятки, а может, и сотни лет.

Мы видим, как технологии преобразуют все сферы деятельности: связь, медиа, творчество, проектирование, медицину, транспорт... Всё вокруг не становится цифровым, но стремительно оцифровывается, обеспечивая переход на новый уровень разработки, производства и отношений. Цифровые технологии толкают мировую экономику, но одновременно вымывают из неё обученных, обладающих знаниями и навыками людей, стремительно снижая зависимость производств, в том числе критически важных, таких как энергетика, промышленность и сельское хозяйство, от человеческого фактора. Происходит повсеместное обезлюживание реальных производств, что особенно заметно на примере развитых стран, и возникает закономерный вопрос:

ЭТО РЕЗУЛЬТАТ ИЛИ ЦЕЛЬ?

Научно-техническая революция XIX столетия привела к бурному развитию промышленности и принципиально изменила облик цивилизации — сначала в Европе, затем по всей планете. Именно в XIX веке были написаны и подтверждены все фундаментальные теории, которые лежат в основе современной науки и технологий. Произошёл грандиозный и, в историческом смысле, необычайно стремительный переход на новый уровень развития, но при этом трудовые и социальные отношения практически не поменялись. Подавляющее большинство собственников средств производства тех лет рассматривало рабочих и служащих как малозначимый и легкозаменяемый элемент производственного цикла. Выделялась относительно небольшая каста ценных сотрудников, так называемая рабочая аристократия, представителям которой обеспечивали сносные условия существования, а основную массу держали в нищете. Для повышения прибыли активно использовался детский труд. Зарождающееся профсоюзное движение подвергалось жесточайшему давлению, а многие профсоюзные лидеры той поры были физически устранены. Забастовки, являющиеся самым действенным способом выражения недовольства рабочих и служащих, купировались с помощью штрейкбрехеров, если же бастующие блокировали заводы и фабрики, для разгона применяли любые средства, вплоть до пулемётов, которые и лежали в основе трудовых отношений того времени. О каких правах человека можно было говорить, если крупнейших американских предпринимателей того времени едва ли не официально величали «баронами-разбойниками»? Каковыми они по сути и являлись.

Пересмотр трудовых отношений произошёл лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, а точнее — после того как возникший на политической карте СССР сумел доказать свою силу, поскольку сила является единственным аргументом международной политики — и единственным, что понимают разбойники, пусть даже они и бароны. Появление государства, основанного на принципиально отличных от при-

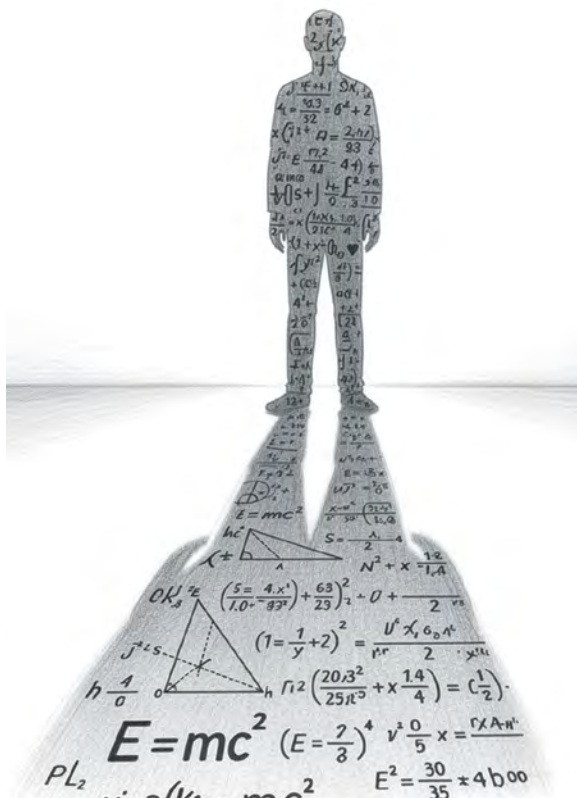
нятых ранее идеях, показало всему миру, что иной путь возможен, и заставило собственников задуматься о своей зависимости от широких масс. Им было неприятно это признавать, но пришлось: промышленные предприятия того времени требовали огромного количества рабочих, чью лояльность пришлось покупать путём развития социальных программ и постепенного укрупнения сытого среднего класса. Это был дорогостоящий, но логичный и единственный выход из сложившегося положения, поскольку никаким другим способом добиться лояльности широких масс не представлялось возможным. Где-то, как в Европе, особенно в скандинавских странах, за лояльность платили по очень высокой ставке; в США размер выплат среднему классу был куда скромнее, однако в любом случае рабочие и служащие получили подарок невероятной щедрости, о чём в XIX веке они даже мечтать не смели.

В XX веке уровень жизни наёмных работников поднялся до невиданных прежде высот. Запросы среднего класса росли день ото дня, что привело к невиданному, опять же,

разгону экономики. В планетарном масштабе потребление достигло невиданного, опять же, уровня, обеспечивающего производителям невозможную ранее прибыль.

ТЕПЕРЬ-ТО ВСЕ ОСТАЛИСЬ ДОВОЛЬНЫ?

Увы, идеал недостижим, и вместо обещанного конца истории XX век плавно подвёл мир к новым вызовам, среди которых можно выделить следующие. Во-первых, удовлетворение глобального массового спроса привело к безудержной трате физических ресурсов, в том числе невозобновляемых, исчерпание которых — например, дефицит пресной воды — способно привести и к социальным потрясениям, и к локальным экологическим бедствиям. Во-вторых, колоссальное значение приобрела проблема утилизации отходов, количество которых превышает все мыслимые пределы, а обещанный уровень переработки является скорее декларацией о намерениях, нежели дорожной картой активных действий.

Обе эти проблемы стали прямым следствием повышения уровня жизни, и обе имеют одинаковое решение — понижение уровня жизни, поскольку экономические доводы являются самыми доходчивыми после насильственных. Понижение уровня жизни ради уменьшения глобального потребления уже происходит, и этот процесс будет нарастать. Он идёт по многим направлениям, среди которых можно выделить снижение реальных доходов; завышение стоимости жизненно необходимых ресурсов; уменьшение количества рабочих мест в результате внедрения роботизированных систем и нейросетей. Клаус Шваб указал, что...

ТРЕНД БУДУЩЕГО — РАЗУМНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Это стратегическая цель, которая будет достигнута.

В чём заключается «разумное потребление», общеизвестно: арендованная квартира — той площади и в том районе, которые позволяет уровень дохода; арендованный или общественный транспорт; арендованные — взятые по подписке — приложения и программы; компьютер, хранящий инфор-

мацию не на устаревшем жёстком диске, а в «облаке», за аренду которого тоже придётся платить. Вы тоже заметили, что я до сих пор не использовал слово «собственность»? Да, верно, «разумное потребление» противоречит понятию «частная собственность», чем её меньше — тем лучше. В идеале её не должно быть вовсе, но идеал недостижим.

Вы скажете: но как же так?! Разве не прибыль лежит в основе капитализма? К чему пропагандировать, а главное — внедрять «разумное потребление», сознательно ограничивать доходы масс, как следствие — производство и как следствие — прибыль? Ход мысли абсолютно верный, но кто вам сказал, что мы всё ещё живём при капитализме? Во всяком случае, в его классической интерпретации.

Финал XX века и два десятилетия века XXI ознаменовались появлением прослойки людей, для которых идея дальнейшего обогащения потеряла всякий смысл. Людей, которые даже теоретически не могут разориться, поскольку контролируемые ими богатства не способны закончиться, а их отъём невозможен в силу тщательно продуманной и блестяще выстроенной системы защиты, как юридической, так и физической. Эти люди давно — пару поколений назад — преодолели стадию примитивного поклонения деньгам, определяемую безудержным накоплением капитала, и теперь переформатируют планету под себя.

Прослойка этих людей неоднородна, в ней достаточно внутренних противоречий, но все эти люди прекрасно понимают значение стратегического события — наступления эпохи Цифры. У них есть ресурсы и воля, есть план действий и умение реализовывать свои планы. А нам остаётся лишь проанализировать, какое будущее они готовят.

СТАНЕТ ЛИ ЭПОХА ЦИФРЫ НАСТОЯЩИМ КОНЦОМ ИСТОРИИ?

Которая являет собой установление абсолютного господства одной-единственной доктрины.

Книга Фукуямы опередила время, но это не означает отказа от заложенных в ней идей —

для их реализации попросту не было инструментов. Появились ли они сейчас? Способны ли цифровые технологии обеспечить своим владельцам гегемонию над планетой? Настоящую гегемонию, какой ещё не было в истории человечества.

Безусловно, способны, во всяком случае, потенциал позволяет, но для реализации задуманного необходимо решить ряд задач, среди которых следует особо выделить следующие:

- *установление безусловного контроля над всеми аспектами повседневности.*

Тайна перемещения? Благодаря распространению уличных видеокамер и встроенных в смартфоны модулей геолокации она исчезла одной из первых. Путь человека можно проследить и по ним, и по кредитным карточкам — в эпоху Цифры наличные деньги будут подвергаться давлению до полного исчезновения. Тайна переписки? Врачебная? Адвокатская? Банковская? Забудьте. Всё, что оказывается в Сети, становится доступным для контроля. А в Сети окажется всё. А ещё — в Сети окажутся все: мы будем черпать из неё новости, смотреть фильмы, играть в игры — из Сети и только из неё мы будем получать всю когнитивную информацию. Мы будем получать образ мира — и это уже происходит. В Сети будут распространяться только «правильные» взгляды, всё остальное исчезнет;

- *ликвидация критической зависимости аппарата подавления от человеческого фактора.*

Власть опирается на силу, и сила должна быть лояльна власти — это аксиома. При этом сила должна быть подконтрольной и состоять из нескольких несвязанных и недолюбливающих друг друга центров — только в этом случае можно избежать прецедента преторианцев. С точки зрения власти лояльность напрямую определяется способностью силы принять к исполнению абсолютно любой приказ, что, в свою очередь, не всегда возможно — или власть подозревает, что не всегда возможно, — из-за воздействия человеческого фактора. И тут на помощь приходит опыт применения в современной войне дронов и роботизированных платформ, а также перспективные разработки, среди которых главную роль играет создание полноценной автономной

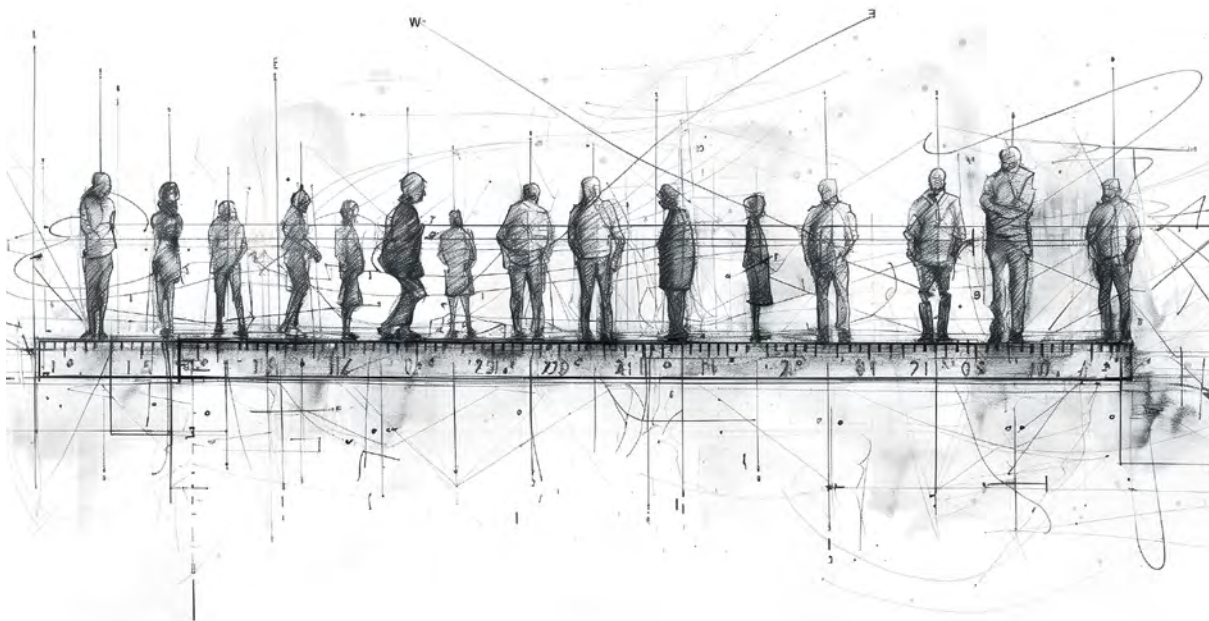
системы боевого управления, основанной на нейросети высшего порядка, которая позволит существенно уменьшить количество служащих без потери эффективности. Разумеется, в обозримом будущем силовые структуры продолжат опираться на хорошо обученные и мотивированные кадры, однако их значение будет снижаться;

- *ликвидация критической зависимости производства и сельского хозяйства от человеческого фактора.*

Решение этой задачи искусственно растягивается во времени, поскольку слишком быстрое исключение масс из экономической цепочки способно привести к социальному взрыву. Тем не менее работа ведётся, доля людей, занятых в реальном секторе экономики, неуклонно снижается, как и их квалификация. Структура производства постепенно изменяется на: «рабочая аристократия» — роботы/механизмы — низкоквалифицированные кадры. А значит, через какое-то время исчезнет необходимость в широких рабочих массах и, как следствие, в необходимости их подкупа социальными гарантиями. В глобальном смысле человечество вернётся к трудовым и социальным отношениям XIX века. Только тогда наёмные работники не видели своих козырей, а теперь их попросту не будет.

Эпоха Цифры переформатирует современные массовые армии. Экономика и прочие сферы жизнедеятельности перестанут испытывать критическую зависимость от людей, а вместе с ними обретут долгожданную свободу собственники средств производства. Люди окажутся не нужны. Им предложат симулякр существования в виде метавселенных, безусловный базовый доход в качестве средства от голодной смерти и «непредсказуемые, обусловленные объективными историческими процессами» внутривидовые конфликты. Homo sapiens превратится в Homo servus, безропотно исполняющего прихоти баронов-разбойников и не имеющего ни сил, ни возможности отстаивать свои права. Высокие технологии, которые должны были стать прорывом в Будущее, отправят человечество в XIX век.

В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ — В XIX...

Метричность социологии

А. В. Полосин,
доктор политических наук,
кандидат психологических наук

I. Постановка проблемы: почему общество кажется «неизмеримым»

Когда-то, в преддверии войны, один вождь сформулировал сентенцию, ставшую символом: «Без науки нам смерть». И это верно на всю тысячу процентов. Задача науки — создание моделей, описывающих, объясняющих, прогнозирующих мир и взаимодействие с ним. «Лучшие практики» хороши только в тех случаях, когда научные основания противоречат хотелкам и пожелалкам постановщиков задач или когда вообще нет теоретической базы и понимания механизмов и технологий. Системная работа, особенно государственных институтов, обеспечивающих защиту и развитие общества, требует и науч-

ной обоснованности, и методической обеспеченности. Естественные науки, начиная с эпохи «титанов науки» — XIX–XX веков, создали единое математическое пространство понятий, которое обеспечило им беспрецедентную точность и предсказательную силу. В то же время науки об обществе столкнулись с противоположной проблемой. Социогуманитарные дисциплины фрагментировались, раздробили проблему человека на множество несвязанных областей и, что наиболее критично, утратили общую метрику. В результате общество сегодня воспринимается как структура огромной сложности, а социальные науки не имеют своей «физики» — точной, измеряемой и верифицируемой.

Можно выделить ряд барьеров (часто надуманных), которые не позволили общественным наукам построить точную модель и которые до сих пор заставляют их оставаться на уровне описаний и кейсов, а не теорий и прогнозов.

Пространство политических концепций

1. Разрыв языков науки

Естественные науки обрели свою мощь, избрав математику как универсальный язык, обеспечивающий точность передачи значений, экспериментальность и воспроизводимость. Физики в Москве и Берлине понимают друг друга благодаря этой общей метрике. Этот язык задолго до цифровой эпохи создал «нейросеть живых мозгов», способную работать над комплексом задач описания мира. В итоге появились решения овладения силой атома, полёта в космос, расшифровки ДНК, создания полимеров, квантовых компьютеров. И пусть физики спорят о том, возможна или невозможна единая теория всего и существует или никак нет темная материя, — они говорят на одном языке. Они работают вместе.

Гуманитарные науки, напротив, опираются каждая на свой «естественный» язык, где понятия многозначны, рамки размыты, а культурный контекст различается. Это создаёт парадокс: чем сложнее становится общество, тем труднее выстроить его научную модель.

Конфликт символов — ярчайшее проявление этой проблемы:

- термин **«капитал»** в экономике, социологии и культурологии означает совершенно

разные вещи — от финансовых ресурсов до сетей символического влияния;

- буква **И** означает инвестиции для экономиста или **«я»** (идентичность) в психологии;
- термин **«ценность»** употребляется и как отражение материальной составляющей, и как имеющая вне материальное и приоритетное значение.

В результате даже грамотный специалист может столкнуться с тем, что два текста, написанные одним алфавитом, описывают совершенно разные реальности. Социальные науки, таким образом, лишены единой метрики.

2. Наследие материализма и отказ от духовного измерения

Проблема неметричности уходит корнями в исторический выбор XIX века. Чтобы соответствовать идеалу естественных наук и быть признанной «настоящей» и «всеобщей», социальная наука выбрала путь материализма, исходя из декартовской традиции, что мир «дан нам в ощущениях» и только тогда он реален.

Главный поворот состоял в том, что **гуманитарные науки отказались от исследования духовного в первую очередь как научного объекта. Духовное было объявлено по сути «неметрируемым» и, следовательно, «нена-**

учным». Это привело к тому, что мир человека был сведён к материальному и социальному.

Вслед за Гегелем Маркс и другие материалисты, постулировали: «Бытие определяет сознание», а не наоборот.

Уже как следствие этого отказа **возникло допущение о бессознательном, которое стало «удобной свалкой непонятого».** Фрейдовское открытие позволило по-своему включить духовное в материальный мир, но лишь обозначив его как «неосознаваемое поведение» или «агрессивную свалку» внутренних конфликтов. Поздние попытки «облагородить» бессознательное (например, в НЛП) были обвинены в манипулятивности, но сам термин «бессознательного» прижился как оправдание для всего, что не поддавалось материалистическому объяснению.

3. Ошибочные допущения

Отказавшись от исследования духовного и ценностного, социальные науки начали строиться на ряде скрытых допущений, которые ограничивают её прогностическую силу:

- **социум — это множество индивидов (а не целое).**

Социальные науки стали рассматривать общество не как целое — систему общей деятельности, а как набор отдельных единиц (индивидов). Эти единицы типизируются по доходу, занятости, этносу или политическим предпочтениям. Такой подход привёл к тому, что типология подменила понимание системы, и сама социология свелась к опросным методам, фиксирующим лишь «поверхность» социума и иногда трактующих значение получаемых данных;

- **тирания линейного времени.**

Современные социальные науки часто мыслят развитие как прямую линию или спираль: прошлое → настоящее → будущее (хотя и естественные уже поставили под сомнение однозначность такой трактовки). Эта идея линейности времени (тренды) лежит в основе многих экономических прогнозов, но она игнорирует тот факт, что реальное развитие идёт скачками, зигзагами, циклами и флуктуациями. Грубое материалистическое мышление не допускает другого понимания устройства мира, что приводит к регулярным ошибкам в прогнозах.

4. Невозможность эксперимента и другие барьеры

Социальные науки сталкиваются с экзистенциальными и философскими барьерами, которые делают невозможным классический научный процесс.

- **Запрет на эксперимент.**

Социальные науки **фактически лишены главного инструмента естественных наук — контролируемого эксперимента. Эксперименты над людьми негуманны и запрещены этически. Следовательно, строгая проверка гипотез невозможна.** Социология вынуждена заменять эксперименты анализом динамик, которые не «схватывают» систему в целом.

- **Объект не может осознать сам себя.**

Человек исследует общество, частью которого как будто является. Это фундаментальный барьер, который уподобляется попытке измерить линейкой саму линейку.

- **Требование соответствия идеалу.**

Существует постоянное скрытое допущение о том, что все науки должны соответствовать идеалу естественных наук. Это приводит к бесконечной попытке «математизировать» социальное, создавая модели, которые красивы на бумаге, но не описывают реальность.

В итоге социальные науки оказались в положении, похожем на алхимию XIX века. Универсальные модели, такие как марксистская, описывают лишь частный случай — общество, где доминирует власть капитала (материального), игнорируя духовное измерение. Мы по-прежнему живём на «плоской Земле» представлений, где описаний много, но измерений — мало.

II. Деятельностная модель общества как целостная система

Учитывая, что в целом наука сейчас переживает период сбора камней и разбросанных во времени тезисов, обращение к тем концепциям, которые сформировались, но по тем или иным причинам не стали основными, представляется совершенно оправданным и разумным. Иногда, не оценённое предшествующим

17 ценностей

щими поколениями становится мощнейшей базой для доработки и исправления, не замеченного ранее. Попробуем поискать решение (или его предвестников) в тех концепциях, которые когда-то отнесли к ненужным, не вполне научным, недоказуемым, или просто позабытым и отнесённым к узким специализациям, — помня, что над людьми эксперименты теперь официально запрещены под предлогом защиты прав и т.д. и т.п.

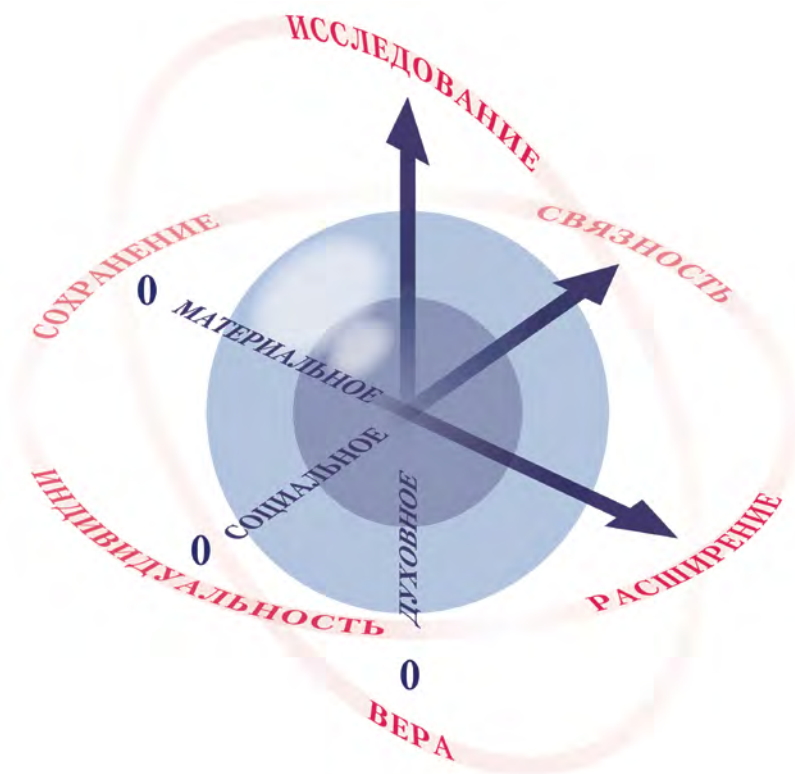
- Абсолютно очевидным оказывается необходимым рассматривать общественное в контексте (если не на основании) того, что основой понимания человеческого (а общество пока ещё понятие только человеческое) должно опираться на антропологические основания.
- Вторым необходимым основанием должен стать социальный конструктивизм, который позволяет увидеть социум как систему, обретающую собственное значение и представляющую собой целое, выраженное в языке.

- Третьим концептуализированным описанием, соответственно, станет теория функциональных систем. Необходимо основываться на культурно-историческом подходе описания цивилизаций как обеспеченным суверенностью распространяющимся мировоззренческим концепциям.
- Использовать системно-эволюционный подход в том числе как основание мир-системного.

1. Человек как деятельностное существо и источник общества

Ключевая идея состоит в том, что человек не просто реагирует на мир, но взаимодействует с ним через деятельность — способы преобразования реальности. Авторская концепция предлагает рассматривать модель общества как систему деятельности, а не просто как набор индивидов или агрегатов, как это делалось ранее. Общество — это целое, а не «мешок людей».

Сфера

Основной деятельностью человека являются естественные интенции (инстинкты), которые определяют его многосложную природу:

- **биологические (животные)** — инстинкты сохранения (самосохранение) и **продолжения рода** (размножения);
- **социальные (стайный актор)** — стремление к социализации (быть частью группы/«стаи») и индивидуализации (быть собой). Противоречие между социализацией и индивидуализацией является врожденным и проявляется в социальном производстве как кризис крайних состояний;
- **когнитивные (духовные)** — инстинкт исследования (любопытство, познание) и необходимость веры (поиск смысла, наличие веры).

В процессе этой деятельности человек осваивает, создаёт и использует инструменты. Человек как личность формируется только в результате взаимодействия с культурой и освоения инструментов материального, социального и духовного. Накопленные и сохранённые в языке и артефактах инструменты составляют культуру. Деятельность по освоению и созданию инструментов составляют понятие «общество».

2. Общество как совокупность трёх параллельных производств

Модель деятельности позволяет рассматривать общество как систему, выраженную в трёх производствах (деятельностях), которые взаимно определяют друг друга.

Общественное производство (или деятельность, которая носит наименование «общество») представляет собой совокупность действий в сферах духовного, социального и материального производств. Источником этой деятельности являются интенции (инстинкты) человека.

3. Принцип одновременности производства

Ключевой момент этой деятельностной векторной модели заключается в том, что деятельность и человека, и общества происходит с задействованием и формированием всех трёх инструментов (продуктов) одновременно. Невозможно совершить одну деятельность, которая бы не имела трёхмерного результата.

- Мысль оформляется в языке.
- Правило закрепляется в норме.
- Материальный продукт требует описания, инструкции, алгоритма.

Вид производства (деятельности)	Продукт/инструмент	Сущность
Духовное (когнитивное)	Идеи, смыслы, ценности	Создаёт научные модели, культуру, осмысливает проблемы
Социальное	Нормы, институты, правила	Формирует допустимые/недопустимые формы поведения, ограничения и свободы, договорённости
Материальное	Вещи, технологии, ресурсы	Создаёт инфраструктуры, ресурсы, то, что «дано в ощущениях»

Таблица 1.

Таким образом, даже в процессе измерения (в один момент времени) исследователь может обнаружить только один, доминирующий, инструмент (продукт) деятельности — либо духовный, либо социальный, либо материальный. Но деятельность в любом случае будет обладать непроявленным значением в другом производстве.

- Мост — это железо и бетон (материальное производство).
- Это и система норм безопасности перемещения (социальное производство).
- Это и представление об идее соединённости, архитектурное решение (духовное производство).

Эта трёхосная векторная модель, основанная на понятии деятельности, позволяет описывать общество значительно точнее, включая в себя как всю совокупность людей, так и совокупность действий, производств, ресурсов и взаимодействий с учётом исторического контекста.

Общественная система является сложной и постоянно развивающейся совокупностью действий, которые возникают в ответ на внутренние противоречия системы, изменение условий производства и характеристик ресурсов, а также на взаимодействие с внешними социальными системами. Эта модель может стать фундаментом для преодоления «проклятия неметричности» и поиска измеряемого описания общества, которая будет найдена через анализ языка — основного инструмента, связывающего эти три производства.

III. Язык как инструмент производства и новая метрика

Для преодоления «проклятия неметричности» социальных наук, которое возникло из-

за фрагментации знаний и отказа от изучения духовного, необходимо найти универсальный инструмент, связывающий три вида общественного производства (духовное, социальное, материальное). В деятельностной модели общества этот инструмент — язык.

Без общего языкового пространства невозможны ни управление, ни передача культурных установок, ни научное понимание общественных процессов. Язык является основой всего: он обеспечивает производство, начиная с технических чертежей в инженерии и заканчивая абстрактными идеями в философии.

1. Язык как связующее звено трёх производств

Язык — это основной способ и инструмент обеспечения социального/общественного производства. Он обеспечивает соответствие между всеми элементами общественной системы. Язык связывает все три вида производства.

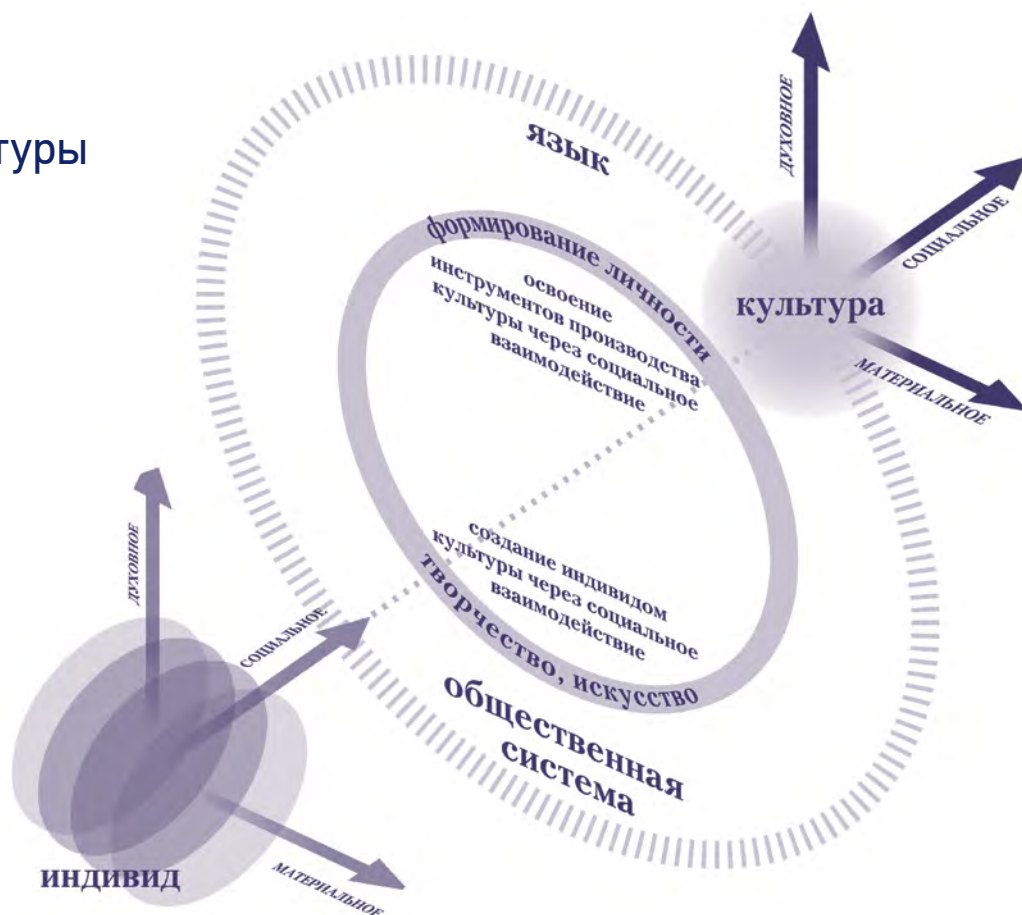
A. Обеспечение материального производства

Язык имеет очевидную функцию обеспечения материального производства. Без описаний, которые имеют непреложный характер, крайне затруднительно обеспечить производство сложных продуктов, в которых задействованы сотни и тысячи людей.

- Язык описывает материальное через прямое кодирование, технические схемы, стандарты и формулы.

Техническая документация, логистические цепочки, формулы сложных соединений, а также любая метричность — все эти языки становятся инструментами обеспечения материального производства. Даже если в производстве материального продукта уча-

Круг культуры

ствует один человек, описание материальной деятельности использует модель мира, выраженную в языке. Более того, договорённость о языках является продуктом социального/общественного производства и, таким образом, становится необходимым условием существования производства материального.

Б. Формирование социального производства

Язык не просто описывает социальные отношения, он формирует социальное.

- Язык кодирует договоренности, нормы, правила и правовые акты.

Сама возможность договориться между индивидами является продуктом языка. Язык создаёт культурную среду и определяет спектр возможных решений.

В. Создание духовного (когнитивного) производства

В отношении духовного производства значение языка нельзя недооценивать.

- Язык является способом кодирования абстрактного. Именно язык формирует пространство творчества, идей и ценностей.

Абстрактное мышление выражается в языковой форме. Язык создаёт культурную среду и определяет спектр возможных решений. Духовное производство создаёт идеи, смыслы и ценности. Последние, в свою очередь, становятся активным продуктом, используемым в общественной системе, превращаясь в систему координат для достижения договоренностей о правилах деятельности.

Человечеству свойственно использовать при осмыслении мира несколько языков одновременно (общий, математический, символичный, музыкальный, цветовой, тактильный...). Многообразие используемых языков формирует ту сложную дидактическую картину, в которой проявляется творчество как способ осмысления мира человеком.

2. Лингвистический след как новая метрика общества

До недавнего времени языковое пространство не могло служить метрикой для социальных наук. Однако современный мир делает язык «материальным». Этот прорыв позволяет впервые преодолеть «проклятие неметричности».

Физическая проявленность языка (единиц информации) стала очевидной в виде массивов данных.

- Объёмы данных, цифровые следы и сетевые коммуникации впервые позволяют измерять и анализировать коллективное мышление.
- Текстовые массивы социальных сетей, законы и нормирующие документы представляют собой лингвистическое пространство, которое может служить пространством для измерения.
- Именно возможность обработки языкового следа может привести науки об обществе и его когнитивных процессах к тому состоянию, которое позволит моделировать и создавать точные прогнозы.

3. Язык и векторная модель

Понимание языка как измеряемого пространства позволяет применить векторную модель общества, основанную на трёх производствах (деятельности).

- Эта модель позволяет анализировать ценности и нормы через языковые следы.
- Пространством измерения состояния деятельности общества может служить общее лингвистическое пространство и система нормирующих документов.
- Соотнесение формулировок и их значения с системой координат социальной модели, возникающее в соответствии с деятельностным подходом, открывает хорошо структурируемую картину.

Таким образом, лингвистическое пространство, будучи измеряемым, становится фундаментом для создания первой действительно научной социологии — меточной, предсказуемой и объясняющей, способной строить вероятностные прогнозы развития общества.

IV. Векторная модель и культурные основы управления

Если общество — это целостная система деятельности, выраженная в трёх производствах (духовном, социальном, материальном), то необходимо определить, какой механизм обеспечивает их согласованность и функционирование. В рамках деятельностного подхода этот механизм — власть или управление.

1. Управление как культурный механизм согласованности

Система власти/управления в обществе — это не просто аппарат насилия, а механизм обеспечения соответствия и баланса между тремя производствами: духовным, социальным и материальным. Государство или любая управляющая система:

- формирует или отражает ценности (духовное производство);
- устанавливает правила и нормы (социальное производство);
- распределяет ресурсы (материальное производство).

Роль управляющей системы состоит в обеспечении комплиментарности производства идеям ценностей, нормам и традициям, а также ресурсам и материально воплощённым продуктам деятельности.

Культура задаёт рамки возможностей и ограничений для этого управления. Каждая цивилизация вырабатывает свои уникальные способы достижения баланса между этими производствами. Именно поэтому управление — это культурная конструкция.

2. Векторная модель типологии власти

Понимание общества как системы деятельности, а языка как измеримого следа этой деятельности позволяет создать векторную модель. Эта модель предлагает рассматривать состояние любой общественно-политической системы в координатах, заданных тремя дихотомиями деятельности.

Две идеи общественно-политического устройства требуют отдельного упоминания. В основе первой лежит идея достижения глобального динамического **равновесия** институтов общества. И ярчайшим примером этой

Производство	Векторная ось (дихотомия)	Полюса и политическая концепция
Духовное (когнитивное)	Направленность осмысления мира	От догматизации (теократия) до исследования/проблематизации (прогрессизм)
Социальное	Направленность взаимодействия	От индивидуализации (либерализм) до связности/совместности (коммунизм)
Материальное	Направленность использования ресурсов	От капсулирования/сохранения (изоляционизм, национализм) до распространения/экспансии (империализм)

Таблица 2.

культуры в мире является конфуцианская парадигма, используемая китайской цивилизационной формацией. Вторая — это идея динамической **адаптивности**, фактически возникающая практически во всех цивилизационных формациях в разные периоды. Эти идеи устройства общественных процессов в том или ином виде присутствуют в культурно-исторической традиции существующих цивилизаций и воспринимаются подчас как идеальные. Однако фактическое состояние условий реализации общественного производства (общественных систем) в сочетании с вызовами, формируемыми внешними факторами, определяют «возвращение к корням» для использования естественных преимуществ и сохранения суверенности.

Естественно, что сложный генезис фактически реализуемых концепций общественно политического устройства в условиях изложенных выше оснований отражается в своеобразных комбинациях установок цивилизационных формаций и определении целеполагания и траектории его достижения. Именно благодаря этому мы в наблюдаемой реальности встречаем сложные конфигурации различных оснований.

3. Формирование институтов (ресурсов) власти

Сочетание трёх дихотомий (2 × 2 × 2) создаёт восемь кластеров «институтов» производства и деятельности, которые присутствуют в каждой общественной системе. Каждый тип института несёт свой набор ценностей, убеждений, норм и традиций.

Примеры формирования институтов через векторы:

- **наука** = связность + исследование + распространение;
- **религия** = связность + догматизация + распространение;
- **бюрократия** = связность + догматизация + капсулирование;
- **предпринимательство** = индивидуализация + исследование + капсулирование;
- **сила** (военные) = связность + догматизация + распространение;
- **силовики** (органы) = индивидуализация + догматизация + распространение.

Общественная система характеризуется тем, какая степень выраженности того или иного института преобладает (основное позиционирование общественной системы).

4. Невозможность механического переноса моделей (провал глобализма)

Базовая ошибка глобализма: глобалистские проекты (как капиталистический, так и социалистический) пытаются насадить единую систему норм и правил (социальное производство) и мировое распределение труда (материальное производство), при этом игнорируя или пытаясь «сломать» духовную (культурную и языковую) основу. Навязывание искусственных «общечеловеческих правил», которые противоречат ценностной конструкции конкретной этно-социальной группы, приводит к блокаде целого комплекса естественных требований и отказу от участия в глобалистских цепочках.

- **Советская модель**, несмотря на усилия по сохранению культурной составляющей, потерпела крах, пытаясь сформировать надъ-

Восемь институтов

идентичность «советского человека». В СССР было принято говорить о советском человеке. Но за рубежом все считались и считали себя русскими.

- **Американский «плавильный котел»** (melting pot) на практике вырождается в этнические анклавы («гарлемы» китайские, мексиканские, еврейские...).

- **Европейская толерантность** привела не только к социальной и гендерной инклюзии, но и к «тарелочным районам», когда компактно проживающие мигранты устанавливают индивидуальные спутниковые антенны для просмотра ТВ-программ из регионов происхождения и не желают ассимилироваться.

Культурно-исторический след и особенности языка описаний создают для каждой формации свою уникальную конфигурацию накопленных способов реакции на внутренние и внешние напряжения. Эта конфигурация определяет коридор возможностей в реализации деятельности общества. Таким образом, векторная модель, будучи основанной на культурно-деятельностном подходе, позволяет не только измерять, но и уважать разнообразие систем, создавая научно обоснованные и культурно-чувствительные модели.

Если вы попытаетесь заставить кубик (общество, ориентированное на капсулирование и догматизацию) двигаться как шар (общество, ориентированное на распространение и исследование), без учёта его внутренней формы и культурного «материала», из которого он сделан, вы не сможете им управлять; он сломается или будет двигаться непредсказуемо, потому что его «законы движения» определены его внутренней структурой, а не внешним желанием.

V. Выводы. Преодоление «проклятия неметричности»

Сложность общественной системы (как мы понимаем этот феномен сейчас) является не непреодолимым препятствием, а лишь «приглашением к новой оптике». Фундаментальный выход из кризиса знания связан во многом с возвращением к деятельностному подходу (Выготский, Леонтьев, Рубинштейн).

- Общество — это целостная система деятельности. Оно не сводится к политике, экономике или культуре, но включает всё это как совокупность трёх производств: духовного (идеи, смыслы, ценности), социального (нормы, правила) и материального (вещи, ресурсы).
- Каждая деятельность человека производит все три типа производств одновременно.

Восемь институтов

Для достоверного описания этой системы необходимо понимание роли культуры и языка.

- Культура задаёт рамки возможностей. Каждая цивилизационная формация формирует свои уникальные способы согласования человеческих интенций и адаптации к внешним вызовам. Культура является уникальным объектом, определяющим «коридоры возможностей» в реализации деятельности общества. Именно поэтому система управления (власть) является культурной конструкцией, которая должна обеспечивать соответствие и баланс между тремя производствами.
- Языковое пространство служит метрикой. Язык является главным инструментом описания, кодирования и воспроизводства общества. В современном мире, благодаря огромным массивам цифровых данных (текстам законов, социальных сетей), языковой след стал материальным, что позволяет впервые измерять и анализировать коллективное мышление и социальные процессы. Общее лингвистическое пространство и система нормирующих документов могут служить пространством для измерения состояния деятельности общества.

Синтез деятельностного подхода, культурно-исторических концепций и лингвистического анализа позволяет создать новую измерительную систему — векторную модель общества.

- Векторная модель (основанная на трёх производствах) позволяет картировать общество в виде измеряемого пространства.
- Она даёт возможность анализировать ценности и нормы через языковые следы и выявлять динамику изменений и трансформаций общественных институтов.
- Ключевая перспектива заключается в том, что векторная модель позволяет строить вероятностные прогнозы. Методы расчёта вероятностей, сходные с основными уравнениями квантовой механики, могут быть применены для создания моделей, отражающих высокую степень сложности общественной системы при сохранении высокой достоверности прогнозов.

Мы привыкли считать, что общество слишком сложно, чтобы быть измеряемым. Однако деятельностный подход, лингвистические методы анализа больших данных и культурно-исторические модели дают реальный шанс создать новую научную социологию, способную к точности, прогнозу и моделированию. ●

**ПРОГРАММА ДЛЯ БУДУЩИХ
ЛИДЕРОВ СИЛЬНОЙ
И НЕЗАВИСИМОЙ РОССИИ**

2

КВАЛИФИКАЦИИ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
«БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА»

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА

ПРОЕКТНО-
ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
ПОДХОД

ПРАКТИКИ И СТАЖИРОВКИ В ФОИВ,
ГОСКОПОРАЦИЯХ, ВЕДУЩИХ
БИЗНЕС-КОМПАНИЯХ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ

ЦИФРОВАЯ
СРЕДА

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

1000
МЕРОПРИЯТИЙ
В ГОД

4000
АКТИВНЫХ
УЧАСТНИКОВ

20
КЛУБНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ

39000
УЧАСТНИКОВ

В РЕЙТИНГАХ

№ 1

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ГМУ

• ИНТЕРФАКС

ПО ЧИСЛУ ВЫПУСКНИКОВ,
СТАВШИХ УСПЕШНЫМИ ГОССЛУЖАЩИМИ

• RAEX

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ВКЛАДУ В ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТ

• ИНТЕРФАКС

ПО СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

• RAEX

СРЕДИ БИЗНЕС-ШКОЛ

• MBA.SU

ОБРАЗОВАНИЕ

31

НАПРАВЛЕНИЕ
ПОДГОТОВКИ

108

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММ

КРУПНЕЙШИЙ

5 ИНСТИТУТОВ

ВУЗ

270 000 ОБУЧАЮЩИХСЯ ЕЖЕГОДНО

РОССИИ

56 ФИЛИАЛОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ